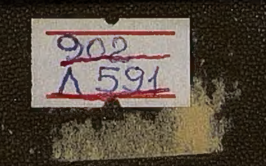

ПЕТРОГЛИФЫ КАРЕЛИИ

NLRK
00039854

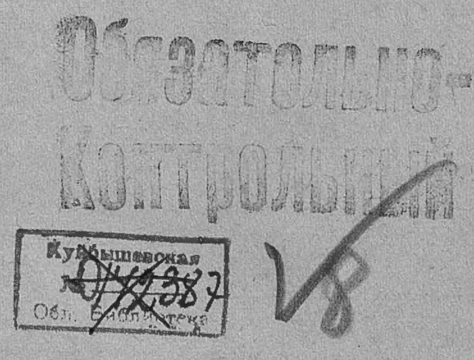

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

А. М. ЛИНЕВСКИЙ

ПЕТРОГЛИФЫ КАРЕЛИИ

ЧАСТЬ I

КАРГОСИЗДАТ * 1939 * ПЕТРОЗАВОДСК

KARELIAN SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE OF CULTURE

A. M. LINEVSKII

ROCK ENGRAVINGS OF KARELIA

PART I

KARELIAN STATE PUBLISHING HOUSE * 1939

От редактора

По основному содержанию первая часть монографии А. М. Линевского о карельских петроглифах представляет собою итог многолетней, чрезвычайно сложной и трудной работы. Надо отдать справедливость, что по полноте и характеру методов расшифровки карельских петроглифов работа А. М. Линевского должна быть поставлена выше всех многочисленных аналогичных статей, опубликованных как в СССР, так и зарубежными учеными, и в этом отношении представляет собою явление исключительное.

Несмотря на то, что некоторые из частных его толкований кажутся спорными, тем не менее совершенно очевидно, что никому еще не удавалось так близко подойти к раскрытию смысла этих и аналогичных древних изображений; точно так же для каждого непредубежденного исследователя подобных памятников должно быть ясно, что в работе А. М. Линевского впервые указаны основы тех методов, с которыми надо подходить к данным памятникам.

Несмотря на то, что А. М. Линевский исключает (совсем напрасно) из поля зрения археологические данные, и это ограничивает его возможности, он тем не менее смог дать блестящую реконструкцию смыслового значения рисунков, высеченных на скалах Карелии 3—4 тысячи лет тому назад. Но мало этого: А. М. Линевский счел возможным исследовать карельские петроглифы даже по хронологическим их напластованиям. Вопрос об этом многократно поднимался на различных конференциях, но казалось совершенно невозможным найти какие-либо пути к разрешению этой задачи. Путем чрезвычайно тщательного анализа расположения самих рисунков, их смыслового значения, путем сопоставления с известными из этнографии стадиями развития первобытных религиозных верований, А. М. Линевский сумел доказать разновременность выполнения различных групп и фигур на петроглифах Онежского озера, «Бесовых следков» и Залавруги.

Вопреки утверждениям некоторых исследователей, напр. В. И. Равдоникаса, А. М. Линевский с совершенной доказательностью показал несомненное отражение в рисунках на петроглифах безусловно бытовавших у первобытного населе-

ния Карелии разнообразных приемов охоты, применявшегося при этом оружия и т. д.; этим он навсегда опроверг туманные домыслы об изображении на петроглифах преимущественно символических фигур и фантастических изображений, гипотезу, которая по существу представляла широкий простор воображению и очень мало давала материала для реконструкции древней истории Карелии.

После выхода в свет работы А. М. Линевского дальнейшим исследователям петроглифов, — не только карельских, — будет отрезан путь к подобным построениям, основанным на самых общих местах и приводивших к самым разнообразным надуманным схемам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Общие замечания

1. Петроглифы Карелии, т. е. изображения, выбитые на скалах, являются одними из интереснейших памятников древнего изобразительного искусства всей Восточной Европы. Изучение этих изображений имеет весьма существенное значение для восстановления форм общества не только на территории Карелии, но и для всего Севера Восточной Европы. Выводы исследователя петроглифов Карелии имеют, поэтому, большое значение для изучения всего доклассового общества Севера Европы.

2. Историю изучения петроглифов Карелии можно подразделить на три стадии:

Первая стадия охватывает период с 1850 года, когда консерватор Минералогического музея Академии Наук К. Гревингк и преподаватель в Петрозаводске П. Швед опубликовали в одном и том же году по заметке об этих памятниках древности на Онежском озере.

Вся вторая половина XIX века не внесла ничего нового в дело изучения этих памятников. Обе заметки в основном повторяют собиратели и компиляторы, как, например, Г. Спасский, составитель Географо-статистического словаря Российской империи Семенов, собиратель исторических и этнографических материалов на Севере Е. Барсов, компилятор Н. Шайжин и т. д. Весь полувековой период не дал верного понимания памятников.

Эта стадия характерна общими, для настоящего времени весьма наивными рассуждениями, ни в какой мере не разъясняющими ни значения петроглифов в целом, ни отдельных изображений. Этот период захватил даже начало нашего века. В статье действительного члена СПб Археологического Института Н. Шайжина напечатано в 1906 году следующее:

«...принимая в соображение низкий уровень нравственного развития живших здесь финских племен, трудно допустить, чтобы эти изображения... принадлежали этим аборигенам. Начертания этих образов, как например, циркуля, пилы и что-то вроде зеркал, находящихся здесь, скорее должно

быть приписано более развитому новгородскому племени, лишь только в более отдаленный период». [1])

Вторая стадия началась в 1909 году со статьи А. Бреггера, который, оперируя крайне неточными изображениями К. Гревингка (табл. 1), все же дал научную оценку петроглифам Карелии. Он первый определил, что магия охотничьих племен является причиной этих изображений.

Летом 1914 года, за полмесяца до объявления войны, Беркитт и Гальштром копировали изображения на Онежском озере. Война помешала им кончить сборы и, как говорят местные крестьяне, собирателям пришлось пережить много беспокойных минут, т. е. планшеты с копиями петроглифов были приняты за планы, а сами исследователи (англичанин и швед) — за немецких шпионов. Часть материалов Беркитт опубликовал в своем обзоре доистории Европы. Это оживило внимание западно-европейских ученых, и в ряде работ мы встретим наскальные изображения и скупые замечания очень общего характера уже по почти точным копиям этих собирателей.

Эта стадия заканчивается опубликованием моих статей, после открытия мною в 1926 году вблизи Белого моря группы «Бесовы следки», состоящей из 300 изображений. В небольших по объему работах (в 1—2—4 авторских листа) я расшифровал в 1928—30 гг. ряд петроглифов, выявлял поводы и причины возникновения отдельных групп и т. д. Не имея достаточной поддержки в период студенчества. и будучи не в силах преодолеть препятствия в период 1930—35 гг., я мог возобновить необходимую полевую работу лишь летом 1935 г. Эти же самые препятствия не давали возможности в то время разработать вопрос о петроглифах в том виде, в каком я это выполнил в данном труде.

Третья стадия монументального опубликования материалов и монографического исследования началась только с 1935 года. В. И. Равдоникас, со свойственной ему энергией и широким размахом, при моем участии на паритетных началах[2]), собрал наиболее полный материал. Благодаря крупным средствам Академии Наук и ГАИМК, В. И. Равдоникас смог применить лучшую технику копирования. Не прошло полгода по окончании полевых работ, как первый том об Онежских

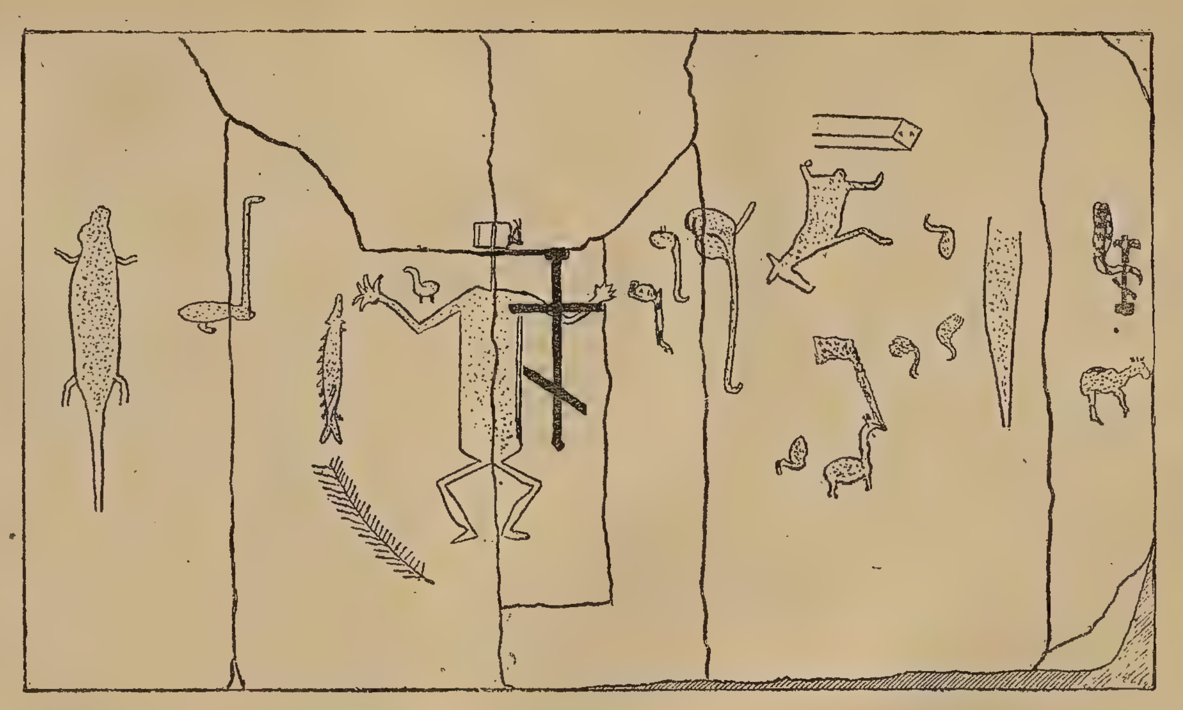
---

[1]) Памятная книжка Олонецкой губ., 1906, стр. 281.

В. И. Равдоникас указывает, что эти строки принадлежат Е. В. Барсову («Об олонецких древностях», 1878). Для нас гораздо интереснее, что такие «соображения» цитировались, как научные доводы, еще в 1906 году. Вот причина, почему я, в свое время цитируя, ссылался на статью Н. Шайжина.

[2]) В. И. Равдоникас задним числом «кооптировал» меня в состав своей экспедиции. Последнее не соответствует действительности, т. к. я работал на средства Карельской Республики и не был в его распоряжении.

Табл. 1

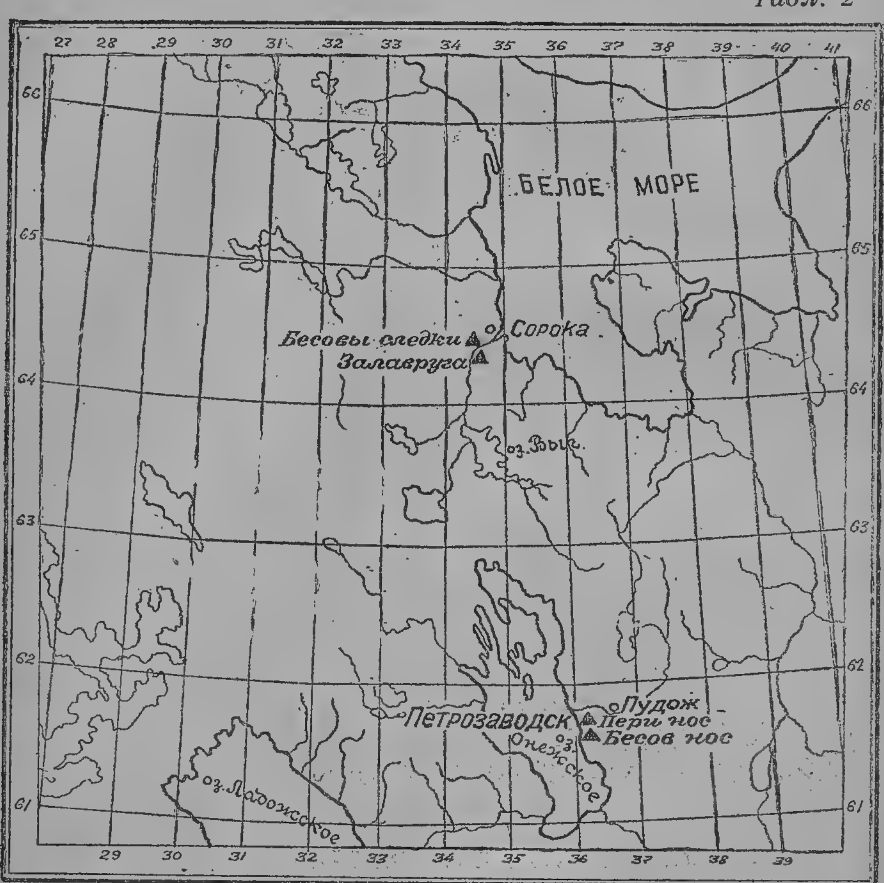
Изображения Бесова Носа по рис. К. Гревингка.

(Ср. с таблицей 36.)

петроглифах был сдан им в производство Издательства Академии Наук.

Вышедший осенью 1936 г. том о петроглифах Онежского озера явился первым научным опубликованием материала целиком, почти везде безупречно воспроизводимого. К сожалению, весьма слабо выполнена описательная часть, в которой мы находим очень большое количество ошибок, дающих совершенно неверные представления об этих изображениях.

Табл. 2

Карта местонахождений петроглифов Карелии

Таким образом, первый этап изучения петроглифов был диллетантским, ничего не давшим для науки. Второй этап давал материал и исследования только по отдельным моментам. Третий этап дает монографические работы. Неоспоримая заслуга в создании этой последней стадии принадлежит

В. И. Равдоникасу, пробившему стены равнодушия к этим замечательным памятникам древнего искусства.

3. Известные в настоящее время петроглифы Карелии группируются в двух точках Карельской Республики: открытые в 1848 г. на восточном берегу Онежского озера К. Гревингком Бесов и Пери Носы; в районе Белого моря (вблизи с. Выг-острова) в 1926 г. А. М. Линевским найдена группа «Бесовы следки»; в 1936 г. В. И. Равдоникасом—группа «Залавруга» (табл. 2).

Для всех известных нам групп петроглифов Карелии характерны следующие моменты:

а) Чаще всего они выбивались на гранитных скалах красного цвета с глянцевидным оттенком.

б) Они высекались вблизи воды.

в) Они находятся в местах, где концентрировались промыслы за рыбой.

г) Они находятся вблизи некогда наиболее оживленных путей сообщения, в районах, где скоплялись промышленники в периоды промыслов.

Так, например, петроглифы Онежского озера тянутся поочередно на пяти мысах, образующих ряд бухт, до сих пор используемых для промысла. Точно так же Беломорские петроглифы (находящиеся на р. Выг, вблизи устья этой реки) делятся на две группы. «Бесовы следки» расположены вблизи порога Шойрукша на островке, который преграждает на $^5/_6$ русло реки. Сжатая в гранитных берегах масса воды с большим шумом дробится порогом и преграждает рыбе ход из моря к верховьям реки. Группа «Залавруга» выбита в боковом русле этой реки на расстоянии 2-х км. от «Бесовых следков».

Петрография. Геолог Белянкин, говоря о граните Олонецкого края, отмечает, что «...оголенная денудационными процессами поверхность... диабазово-гранитного тела была в четвертичную эпоху обработана, выпахана, моделирована, отшлифована ледниками». Профессор В. Н. Тимофеев отмечает, что Онежский гранит (серый и красный, микроклиновый) совершенно сходен, если не сказать тожествен, с гранитом типа Ганге (Финляндия).

Геолог Белянкин делает следующее описание:

«Пери Нос больше, чем предыдущие мысы, заслуживает названия Нос. При поперечнике около 40 саженей, он выдвинут саженей на сто в пределы озера в юго-западном направлении (230°). Длина — 100 саженей — относится, впрочем, только к южной стороне Носа; что же касается его северной стороны, то она много длиннее — до полуверсты, причем избыточные 150 саженей следуют точно восточно-западному направлению».

«Таким образом, береговая линия озера, в общем на протяжении между Кленовухом и Бесовым Носом приблизительно меридианальная, здесь делает явственный уступ. Высота Пери Носа значительна, до 7—8 саженей, только в его крайней, вдающейся в озеро части. Остальная часть Носа не поднимается выше 1—1,5 сажени над озером и почти тут же зарастает лесной чащей...»

«Бесов Нос. Широким заливом, версты полторы в поперечнике, отделяется он от Перьего Носа. Подобно первому, он выдвинут в озеро саженей на 500 в юго-западном направлении. Поперечные размеры Бесова Носа около 100 саженей. Максимальная высота — 4—5 саженей».

«Плитняковая отделяемость параллельна склонам. Можно приписать Олонецким гранитам среднее временное сопротивление 1600—2000 килограммов на 1 кв. см. Влагоемкость свежих гранитных пород незначительна».

«Количественно-минералогическая обработка гранита (при помощи окулятора Гиршвальда):

Кварц	26,2	Биотит	6,1
Микроклин	12,2	Мусковит	—
Олигоклаз	54,0	Эпидот	1,1
Мирмекит	—	Магнетит	0,4».

(Этот анализ относится к породам Бесова Носа и, повидимому, к Пери Носу. А. Л.).

Отделяемость слоев гранита, параллельная склонам мысов, дала возможность кое-где отдельным участкам поверхности отколоться от массива и сползти по наклонной плоскости на дно озера. Особенно пострадал от этого мыс Кладовец. Древние разрушения поверхности глянцевидных красных мысов резко отделяются своим цветом от более поздних повреждений. На мысе Кладовце первоначальная поверхность сохранилась местами лишь участками. Однако, обнажившаяся вследствие сползания верхнего слоя гранита поверхность в наши дни имеет такой же красный оттенок. Вглядываясь, можно легко заметить разную степень покраснения. Участки, куда лучи солнца не попадают, не имеют красного цвета, зато участки, подверженные наибольшему действию солнечных лучей, окрасились в кирпично-красный цвет, и поверхность их стеклообразна. Большая часть поверхности мыса Кладовца однотонна и отличается кирпично-красным цветом. Попутно отметим любопытное свойство гранита на этом мысе. Часть изображений древние художники сделали сравнительно редким пунктиром. За истекающий период точки от ударов сильно заплыли. Но это замечание относится лишь к очень немногим изображениям.

При ударе твердым телом о гранит любого (серого или красного) оттенка образуется белесая точка. Таким образом,

вначале петроглифы имели вид белых силуэтов. На северо-западном склоне Бесова Носа есть явно позднейшего времени одиночное изображение оленя с пышными рогами. На самом Бесовом Носе, в стороне, неумело высечено изображение рыбы. Местный старожил Т. В. Шишмолин говорит, что это изображение высек лет 30 назад некий исправник. На том же Бесовом Носе высечены два семиконечных креста, повидимому, монахами Муромского монастыря в XIV—XV веках.

Сравнивая три изображения — крест, оленя и рыбу, мы получаем любопытную гамму световых переходов.

Изображение 30-летней давности все еще белесо, края и бугристая поверхность не потеряли острых углов; олень невуже сравнялись цветом с самими изображениями, но еще явсколько поблек. Кресты, примерно пятисотлетней давности, но отделяются от них своей бугроватостью и незаглаженностью. Таким образом, действие лучей на поверхность рисунков позволяет сделать ряд выводов. В частности, основным из них будет факт, что изображения, не отличаясь друг от друга оттенком, в то же время хронологически отделяются друг от друга.

Всматриваясь в 570 петроглифов Онежского озера, выбитых (за исключением 20) не выше 2-х метров от уровня воды, не трудно заметить, что чем ближе изображения к уровню воды, тем сильнее они стерты.

Такую сильную стертость приходится приписать действию волн и стиранию льдом в течение многих столетий. Так как вода не позволяет укрепляться лишаям и каждой сильной бурей смывает их, то солнце за десятки столетий сравняло окраску поверхности, поврежденной рисунком, с цветом окружающего фона. Поэтому требуется боковой свет (т. е. низкое стояние солнца), чтобы на глянцевитом, отражающем лучи фоне рассмотреть шероховатую, и от того матовую, поверхность рисунка.

Кроме того, поверхность скал неровна. Поэтому рисунки заметны не в одно время, а в разное, в зависимости от наклона скалы и угла преломления лучей солнца. Вот почему каждый приезд на эти мысы обычно дает новые изображения, в то же время вызывая досадную потерю времени на розыск прежде найденных петроглифов.

В заключение отмечу, что значительное большинство рисунков, в зависимости от времени года, имеет разную окраску. Поздней весной рисунки бывают белесоватого оттенка (поэтому часть фото показывают беловатые петроглифы на темном фоне). Летом изображения покрываются мельчайшими лишаями, темнеют, а фон делается более светлым. Осенью снова волны смывают лишаи, и петроглифы опять светлеют.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Состав петроглифов

В. И. Равдоникас в «Введении» к тому «Наскальные изображения Онежского озера» (стр. 17), перепечатанном тем же самым Издательством Академии Наук в номере 1-м «Советской Археологии», возражает против моих приемов «простой статистики». «...Напр., из подсчета числа изображений разных видов животных делается (Линевским — А. Л.) заключение об относительном значении каждого из этих животных в охотничьем хозяйстве...»

Этого рода «ошибку» я повторяю вновь, т. к. моя точка зрения не изменилась. Я считаю, что творцы петроглифов выбивали те изображения, которыми они интересовались не без достаточного основания. Я не могу удовольствоваться общими замечаниями, подобно тем, которые делает В. И. Равдоникас: «...из животных, чаще всего изображались рогатые животные... гораздо реже встречается изображение медведей... несколько раз повторяется изображение ящериц». Такого рода описания, по-моему, ничего не дают.

Зачем нам нужен точный количественный учет изображений? Как понять выражение «чаще всего» по отношению к «гораздо реже»? В переводе на мой язык это звучит более конкретно и обстоятельно: «копытных — 97, а медведей 5 и ящериц 2».

Что может дать констатирование факта, что на Онежском озере мы имеем к общему числу 570 изображений — 178 птиц, а на «Бесовых следках» к 300 — только 14 птиц? Я считаю, что если в одном месте птицы занимают 25% числа всех изображений, а в другом — только 5%, то очевидно творцов Онежских петроглифов дичь интересовала несравненно более, чем население Белого моря. Моя статистика укажет, что на «Бесовых следках» выбито 38 изображений морских животных и рыб, а на Онежских петроглифах мы встретим лишь 5 рыб. Это позволит нам считать, что морские промыслы на Белом море считались более существенным занятием, чем озерное рыболовство, хотя последнее несомненно существовало на Онежском озере. Наконец, факт, что на Онежском озере мы найдем 61 изображение капканов, которых ни разу не встретим в группе «Бесовых следков», ука-

жет нам, что «Бесовы следки» созданы до появления подобных самоловных снарядов.

Не приводя дополнительных аргументов в защиту необходимости быть точным и применять статистику, я отмечу лишь следующее: без точного учета изображений, встречающихся на каждом из мысов, мы не получим ключа для понимания ряда композиций.

Таблица изображений людей и антропоморфных существ на Онежском озере.

Композиции	Всего	Карецкий Нос	Пери Нос					Бесов Нос		
			Мысы							
			1-2	3	4	5	6	7	Северн.	Центр.
Композиции из людей	4	0	0	1	3	0	0	0	0	0
Композиции с участием людей . . .	8	0	0	3	3	0	0	0	0	2
Одиночные изображения людей	20	3	0	5	4	3	1	1	0	3
Изображения отдельных частей тела человека	3	0	0	2	0	0	1	0	0	0
Антропоморфные существа	16	2	0	3	2	5	0	2	1	1
Всего . . .	51	5	0	14	12	8	2	3	1	6

То же, Белое море.

	Бесовы следки	Залавруга
Композиции из людей	0	5
Композиции с участием людей	8	
Одиночные изображения людей	1	См. примеч. [1])
Изображения отдельн. частей тела чел	9—7 след. челов. —2 трехпалых следа	Много следов человека и медведя
Антропоморфные существа	2	1

Таблица «люди и антропоморфные существа» является ведущей в определении ряда проблем. Вместе с таблицей «лодки» и таблицей изображений раненых животных, она определяет все наиболее существенное для каждой из групп петроглифов. Большинство проблем находит то или иное выяснение, уточнение и подтверждение в этих таблицах. Поэтому, они будут сравнительно подробно изучены в главах, посвященных описанию мысов.

[1]) Группа «Залавруга», как памятник иного типа, чем все прочие группы петроглифов Карелии, требует несколько иной формы учета своих составных частей.

Таблица изображений лодок.

	Всего	Онежское озеро	Белое море: Бесовы следки	Белое море: Залавруга
Общее число петроглифов данного района		570	300	200
Из них:				
Лодки с людьми	50	22	13	15
Лодки без людей	22	4	10	8
Всего	72	26	23	23

Подробный разбор указаний, которые мы получаем при внимательном и разностороннем изучении лодок, я делаю во второй части.

Группа лосей и оленей. Изображения лосей и оленей занимают очень значительное место в общем составе петроглифов. На «Бесовых следках» это самая многочисленная группа — 18% общего числа фигур. На Онежском озере это третья по численности группа (10%).

Общеизвестна роль лося и оленя в охотничьем первобытном хозяйстве. Эти животные кормят и одевают все население. Не случайно промыслу на них посвящена вся грандиозная композиция «Залавруга».

В жизни населения Беломорского побережья и его окрестностей эти животные, очевидно, играли роль, аналогичную роли их у современных жителей крайнего севера.

Иную картину мы видим в бассейне Онежского озера. По описанию сибирских исследователей XIX-го века, на внутренних водоемах (частично это сохранилось и теперь) происходило массовое скопление дичи. Это значит, что весной, во время перелета, в ожидании, когда весна продвинется на север, скапливалась масса дичи; летом происходили линьки

	Онежское озеро	Бесовы следки	Залавруга
	570	300	200
Лосей	29	8	24[1]
Оленей	28	46	
Всего	57	54	24

самцов и выращивание молодняка; осенью же дичь совершала отлет с севера на юг. Все три сезона года птица осаживалась вдоль берегов Онежского озера. Промысел на оленей и лосей в этих условиях приобретал значение лишь в период, когда водоемы покрывались льдом и снегом. Я по-

[1]) Стилистически олени и лоси неотделимы друг от друга.

лагаю, что это обстоятельство отразилось на численном соотношении между группой «птицы» (32%) и группой «оленей и лосей» (10%).

Любопытна пропорция числа хищников к количеству оленей и лосей. Волка мы встречаем один раз на Онежском озере и два раза в группе «Бесовы следки». Медведей изображено на Онежском озере 2 (в том числе человек, колющий рогатиной медведя), на «Бесовых следках» 3 рисунка и 1 след со знаком поражения. Залавруга дает нам не менее 9 следов медведя [1]) в естественную величину.

Группа рыбы и морских животных. Эта группа изображений дает очень много поводов для обдумывания одной «загадки» — почему из числа 570 петроглифов Онежского озера мы найдем только 5 изображений рыбы?

Кажется совершенно парадоксальным, что в районе наиболее сильного развития рыболовства для всего восточного побережья Онежского озера мы встретим только пять фигур рыбы, в то время как там же выбито 128 фигур перелетной и лесной дичи. Это обстоятельство служит для некоторых любителей науки каким-то камнем преткновения, постоянно выдвигаемым аргументом против моего статистического учета петроглифов. Расшифровка этой диспропорции между петроглифами и количеством существующих в природе объектов промысла (178 птиц и только 5 рыб) не представляет никакой трудности. Ведь рыба из года в год находилась у берегов и ее улов являлся более или менее ежедневным, к чему сознание анимиста привыкло с самого детства. Кроме того, какие случайности могли прекратить ее лов на Онежском озере? Современные насельники Бесова Носа (из деревни Бесоносовской) ловят ее изо дня в день.

Все же на центральном мысе Бесова Носа выбито колоссальное изображение налима (2,66 метра), у правой руки «беса» идеально выполненная стерлядь. Около налима найдем целую композицию (человек гарпуном бьет рыбу из породы осетровых) и, наконец, дана фигура сига, которому в бок воткнут трезубец. Над этими изображениями находится фигура человека с пешней в руках. Существовавший обычай глушить ударом по льду налимов дает право отнести это изображение человека к рыбному промыслу. Кроме того, с левой стороны налима мы видим фигуру рыбы (без плавников, но с типичным для рыб хвостом), из головы которой тянется полоса, очевидно, уда. Таким образом перед нами, несмотря на малочисленность изображений, все же довольно полно изображено несомненное рыболовство на Онежском озере.

Такое скупое отражение рыболовства, по-моему, служит

---

[1]) Количество следов несравненно больше, но определить, чьи они — человека или медведя — невозможно.

убедительным доказательством, что этот промысел не вызывал особой заботы у анимистов древней Карелии. Тем не менее роль рыболовства для того времени ясна, если учесть, что налим является единственным изображением изо всех объектов питания, который вошел в число трех, самых крупных фигур Онежских петроглифов. Это обстоятельство, конечно, не случайно, ведь ни лось или олень, ни даже гроза лесов севера — медведь — не получили такой чести.

Примерно такое же отношение анимистов мы найдем, рассматривая беломорские петроглифы. На самой поздней группе — «Залавруге» — нет ни одного петроглифа рыбы, хотя эта группа имеет 23 изображения лодки. На «Бесовых следках», находящихся в месте концентрации рыбы, идущей из моря в верховья реки Выг, также, повидимому [1]), нет изображений рыб, а даны лишь морские млекопитающие (касатки), моржи и тюлени.

Чем объяснить такое пренебрежение к рыбе, добываемой в реке или озере? Конечно, тем, что добыча ее не вызывает риска для жизни промышленника, а также не зависит и от случайностей, которые объединяются под общим понятием «удача» и «неудача».

Всякому ясна разница между регулярным, три четверти года ежедневным, добыванием рыбы в реке и полным опасностей и зависящим от случайностей промыслом в море на китообразных или моржа.

Поэтому-то на скалах Карелии увековечивались морские промыслы, чтобы магическими манипуляциями обеспечить благополучие промышленников и удачу их поездкам на промысел в бурное Белое море.

Группа изображений птиц является самой многочисленной, благодаря существовавшему культу перелетных птиц на Онежском озере. Существование несомненного культа птиц на Онежском озере четко оттеняется беломорскими петроглифами. Там, на «Бесовых следках», птицы всего занимают 6% (14 фигур), а группа «Залавруга» из 200 изображений не имеет ни одной фигуры птицы (кроме одной, совсем в стороне, на другой скале).

Было бы ошибочным думать, что птицы, как объект культа, были неприкосновенными, наподобие христианского голубя — символа «святого духа». Совсем наоборот. Культ животных в те времена, повидимому, возникал в самой тесной зависимости от степени их ценности, как объекта питания.

Разбор форм подобного культа будет произведен во 2-й книге исследования. Отмечу здесь лишь в цифровых показа-

[1]) Говорю «повидимому», так как фигура рыбы от млекопитающих, напр. касатки, почти неотличима.

телях, какие породы перелетных или лесных птиц пользовались вниманием.

	Всего	Карецкий Нос	Пери Нос	Бесов Нос	Кладовец	Белое море	
						Бесовы следки	Залавруга
Всего петроглифов	996	55	303	111	27	300	приблиз. 200
Лебеди	62 34%	2	22	25	11	2	0
Гуси и гагары	48 33%	1	31	5	4	7	0
Утки	19 10%	0	7	7	2	2	1
Сухоп. лесная дичь	40 22%	8	25	2	2	3	0
Всего	169[1]	11	85	39	19	14	1
В процент. к изображ. данного мыса		20%	28%	35%	75%	5%	0,5%

Эта таблица очень показательна. При сравнительно близком совпадении числа лебедей и гусей [2], утки везде занимают подсобное место, хотя по своему количеству в природе они, надо полагать, были самым многочисленным отрядом из перелетных. Гуси и гагары, превышая число лебедей на Пери Носе, подчеркивают значение лебедей на мысе Кладовце и особенно на Бесовом Носе. На последнем лебеди занимают командное положение как по общей численности, так и по размерам площади. Наконец, соседний мыс Кладовец, имеющий 75% изображений птиц, сигнализирует, что он и Бесов Нос (очевидно, между ними расположенная бухта) были сосредоточением магических действий по отношению к лебедям.

Интересно проследить отношение творцов петроглифов Беломорского района к изображению дичи. На Залавруге, как уже отмечалось, есть одно изображение утки и, притом, совсем в стороне от всех петроглифов. «Бесовы следки» содержат 14 изображений птиц из 300 петроглифов; очень ясно показывают значение лебедя в культе. В этой группе только два лебедя, но они помещены в центре всей композиции и выделяются своими размерами. Даже фигура самого «беса» (в

[1]) Кроме того, на Гажьем Носу 6, а на Гурьем острове 3 изображения птиц.

[2]) Лебедей больше, понятно, т. к. добывание их было более выгодным промыслом, чем добывание гусей.

размерах которого первобытный художник не был чем-либо ограничен) и та меньше одного из лебедей, пораженного каким-то метательным колющим орудием. Второй лебедь, выделяясь также крупным размером (5-й по величине петроглиф на «Бесовых следках»), имеет на голове изображение ступни человека, что на языке магий означает задержание (так сказать — задержать кого-то под своей пятой) (табл. 46, фиг. 2.).

Прочие 12 птиц показывают степень заинтересованности в них жителей Беломорского побережья: 7 гусей и гагар, 2 утки и 3 изображения лесной дичи, можно думать, дают верное соотношение этих промыслов. «Линяка»-гуся легче ловить, чем утку, а в глухаре и тетереве население было сильнее заинтересовано, чем в легковесных утках, которые, переживая одинаковые фазы любви, линяния и отлета одновременно с гусями, несомненно, вызывали меньший интерес.

Охотничьи снаряды. Переходим к рассмотрению последней группы — изображений охотничьих снарядов. Мы имеем 116 изображений, которые можно раздробить на категории:

а) колющих орудий (табл. 3),
б) метательных снарядов (табл. 14),
в) капканов (табл. 6).

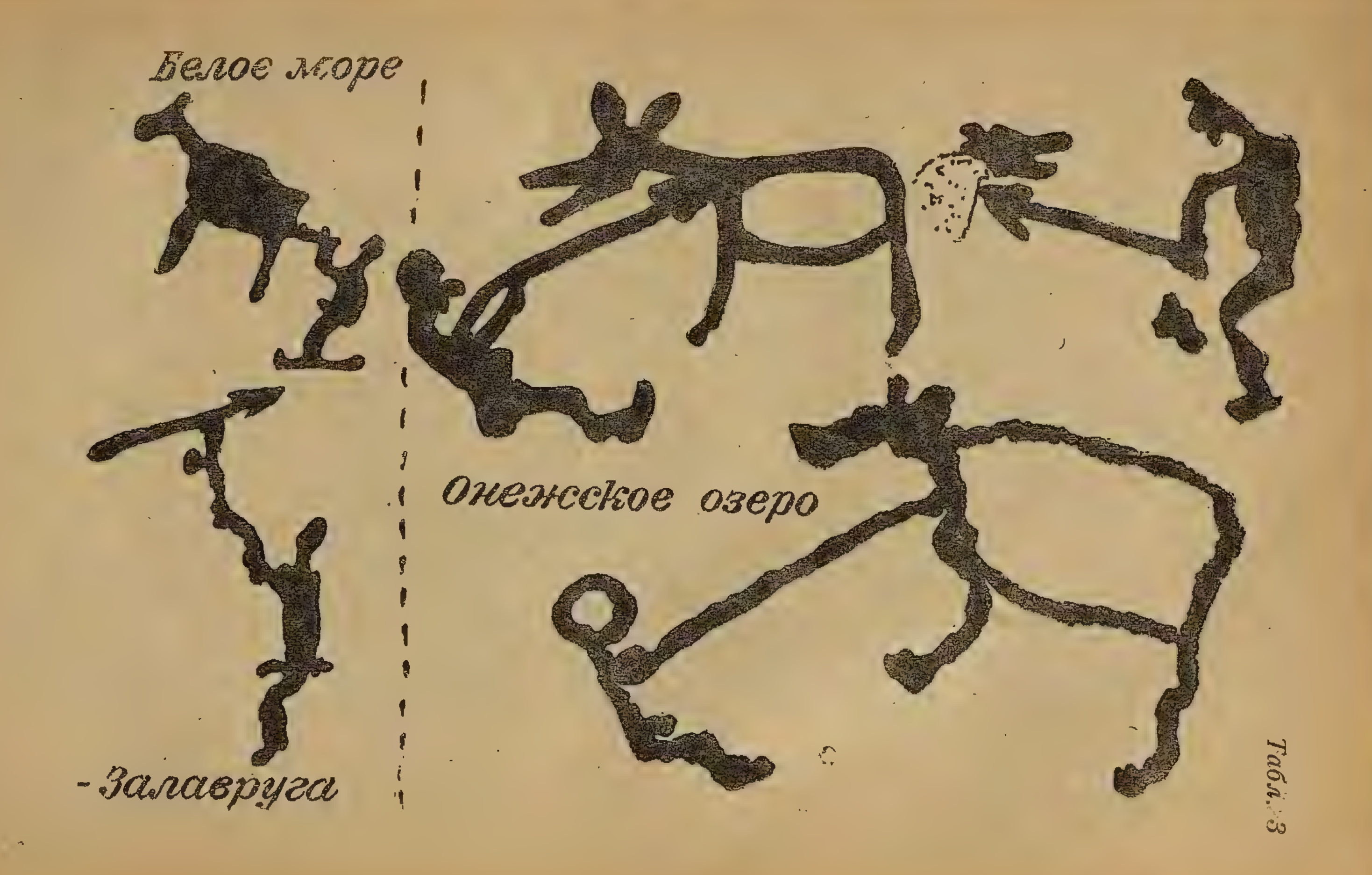
Разница между ними ясна. К числу первой категории принадлежат рогатины, копья, дротики и, наконец, бытовавшая в XIX веке на Белом море хвостяга. Нет сомнения, что копье и дротик тоже метали в бегущего лося или оленя, но в основном их функция — колоть, а не метать.

На «Бесовых следках» даны следующие виды орудий, которые я отношу к разряду метательных снарядов. Самый простейший из них — слегка изогнутая палка, на один конец которой клался круглый камень. Очевидно, изображением этих метательных ядер являются фигуры, изображенные, например, вокруг гуся. На Онежском озере мы имеем большое количество метательных палок, которые метались сами, без применения каменных ядер (табл. 19, комп. 2 и 3).

Второй тип метательного снаряда значительно сложнее, это — рама С-образной формы, на концы которой наложен сам метательный снаряд с тонким острием и с тяжелым противоположным концом. Это орудие, как видно, пробило насквозь туловище лебедя. На Онежском озере у нас есть единственное изображение лебедя, раненого снарядом несколько иного типа. Этот же метательный снаряд мы увидим в композициях промысла за лосями (табл. 14, фиг. 1 и 2).

Третий тип — лук и стрелы. «Бесовы следки» почему-то не дали изображения самого лука, и о его существовании мы можем догадаться лишь по изображению лося, ранен-

Табл. 3

ного стрелой в заднюю ногу. Фигуру лука мы встречаем в боковой композиции группы «Залавруга». Это очень небольшие луки, с ними охотились на оленей и они же применялись во время междуусобиц (табл. 57 и табл. 60).

Четвертый тип — орудия на морского зверя: **г а р п у н ы**. Это орудие, не изменяясь, дошло до XVIII—XIX веков и подробно описано путешественниками, начиная с академика Озерецковского, Максимовым в середине XIX века и др. Этот универсальный снаряд, распространенный от Белого моря до Чукотского мыса, описанный у саамов (лопари) Н. Н. Харузиным, а у чукчей В. Г. Богоразом-Тан, состоит из трех частей. На одном конце длинного многометрового моржового ремня— отделяющийся наконечник из кости, который мечут с древка, на другом конце ремня — обрубки дерева (позднейший вариант — пустые бочонки). Наконечник входит под кожу животного (белухи, касатки, кита), обрубки дерева, всплывая на поверхность моря, показывают, где находится раненый зверь. Все три части этого снаряда очень явственно показаны в группе «Бесовых следков».

Из всех вышеописанных орудий до исследователей XIX века дошли гарпун и рогатина, окованная железом. Лук и стрелы исчезли, повидимому, в XVII—XVIII веках. В 1920 г. на реке Вашке (Коми республика) и я видел величиной в человеческий рост лук, обтянутый берестой, очень тщательно орнаментированной. В скудной литературе о карелах XIX века мы не встречаем описания лука. Двум первым орудиям типа пращи и другого метательного снаряда, которые метали с рамы С-образной формы, аналогии на севере мне не известны.

Далее следует самая многочисленная группа изображений охотничьего оружия — **к а п к а н ы**. Все 61 изображение этих механических снарядов выбито лишь на скалах Онежского озера. Ни одной подобной фигуры мы не найдем на известных нам петроглифах Беломорского бассейна.

Эти изображения, подходящие аналогии к которым мы изредка встречаем на петроглифах Скандинавии, до сих пор не получили расшифровки. Их называли циркулями, зеркалами, античными чашами на длинной ручке и т. д. Эти изображения А. М. Тальгрен называет просто «знаками». В 1927 — 28 гг. я определил, благодаря знакомству в Пермском музее с ловушками пермяков, эти изображения как несомненные капканы. С моим определением согласился А. Я. Брюсов, но В. И. Равдоникас, в 1935 г. начав заниматься петроглифами, тотчас отнес их к группе солярных и лунарных знаков.

Определение этих петроглифов, как циркулей (Барсов, Шайжин), или античных чаш на длинной ручке, — анекдотичны и не заслуживают внимания. Остается два определения: В. И. Равдоникаса, что эти изображения являются некоими

символами луны и солнца, и мое, что это — охотничьи снаряды типа капканов. Разница между капканами и символом солнца и месяца слишком велика! В. И. Равдоникас утверждает, что это — лунарные и солярные знаки, «связанные с космическими культами». В недалеком будущем выйдет его статья, посвященная доказательствам правоты его расшифровки. Это даст мне основание выступить с отдельной работой, в которой, надеюсь, будет не трудно доказать, что эти изображения являются капканами.

Табл. 4

Прилагаемые таблицы показывают форму этих механических ловушек и их функции. По внешнему виду эти снаряды можно подразделить на два основных типа: один имеет круглую основу, другой — месяцеобразную[1]) (табл. 4 и 6).

[1]) Это обстоятельство дает повод В. И. Равдоникасу разделять изображения на солнечные (с круглым телом) и лунарные (с месяцеобразным телом) символы. Однако, хорошо известно, что анимисты боятся месяца, т. е. луны в первой и последней фазе. Так, например, в Карелии суеверные люди не предпринимают ничего важного в эти периоды месяца. До периода коллективизации обычно в это время не производился посев, не начинались новые постройки и т. д.

Далее, как видим на таблицах, каждое из этих подразделений имеет один или два (в двух случаях три) рычага. Прилагаемые изображения птиц, животных, людей выявляют свойства этих снарядов. То, что В. И. Равдоникас называет «лучами», на самом деле является рычагами, охватывающими добычу, а весь снаряд является точным повторением распространенного по всему северу «кляпчи» (он же кляпцы).

Специальная поездка 1927 г. в Пермь оправдала мои надежды находкой в местном музее капкана пермяков. Он весь из дерева и состоит из 4 частей. Основой является плаха; у пермяков она прямая, у жителей доисторической Карелии — или вогнутая, или шарообразная. Один деревянный рычаг прочно вделывается в плаху и потому он неподвижен, другой рычаг, прикрепленный к первому скрученным лубом (на Печоре — оленьими жилами), пригибается к земле. Нить из скрученного луба сильно скручена, а потому при ослаблении свертывается в узлы. Задевая капкан, животное освобождает пригнутый к земле рычаг, который, захлопываясь, ущемляет добычу (табл. 5).

Привожу обстоятельное описание кляпцов, сделанное человеком, лично им пользовавшимся: «...В прежнее время по следу старого лыжника, которым рысь предпочитает пользоваться в своих скитаниях по лесу, ставилась «кляпча». Это древнее орудие лова, вероятно, финского изобретения. Принцип кляпчи — рычаг, снабженный на конце тремя гарпуновидными зубьями; рычаг приводится в быстрое движение упругостью скрученных, как в лучковой пиле, жил или крепкой бечевы. Насторожка делается усилием ноги, причем спусковой механизм состоит из двух рычажков. К более длинному прикрепляется нитка, которую и должно задеть животное. Тогда гарпуновидный рычаг кляпчи освобождается и с громадной силой опускается в область шеи или спины животного, которое, если не будет убито тут же, не может освободиться от зубьев рычага, проникающих на два—три вершка в тело зверя» [1]).

Не трудно понять, что многочисленные варианты этого снаряда не случайны. Разгруппированные по типам, они обнаруживают очень точно выдержанные пропорции основных частей. Это доказывает прежде всего, что первобытные художники делали рисунки знакомых им объектов или, как выражается В. И. Равдоникас, «делали снимки с натуры».

На Карецком Носу мы видим петроглиф, который разъясняет способ применения капкана (табл. 6, фиг. 1). Мы видим

---

[1]) Нат С. Г. Очерки промысловой охоты в Печорском крае. («Лес», изд. КИПС, П, 1922, стр. 111).

Капкан. (Музей Энтографии Академии Наук СССР.)

дугу в виде двух вместе соединенных между собой рычагов и третьего рычага, отогнутого в сторону, к верхнему концу которого прикреплен ремень и небольшая поперечина. Между рамой и рычагом изображена фигура, очевидно, являющаяся перекладиной (т. е. вставкой в отверстие между дугой и рычагом), когда оставляли капкан в настороженном положении.

Не трудно понять, как наставляли капкан. Концы серпообразной плахи соединены, образуя внутри полое пространство. Мы видим, однако, много капканов с такой же серпообразной плахой, но без соединений ее концов. Можно полагать, что это соединение имело какое-то практическое значение. Я полагаю, что смысл делать плаху такой формы заключается в возможности придать большую устойчивость снаряду. Можно предполагать, что в это полое отверстие просовывались вершины сходящихся под углом двух стволов, которые, образуя по бокам стенки, направляли будущую добычу в ловушку.

Что перед нами самоловный снаряд только что описанного типа, в этом не приходится сомневаться. Мы видим, что дуга, вставленная в центре плахи, очевидно, неподвижна. Зато рычаг, слегка изогнутой формы, помещенный в стороне, соединен извивающейся линией (очевидно ремнем) с поперечной палочкой. Повидимому, ремень оттягивал рычаг от дуги на такое расстояние, чтобы можно было вставить поперечину, которая, тем самым, держала капкан настороженным. Зверь, пробиваясь к приманке, своим телом сбивал поперечину, и туго свитые жилы в одно мгновение скручивались в узлы. Туловище (может быть голова, шея) зверя оказывались в петле. В настороженном виде тип этого капкана показан на том же Карецком Носу (табл. 6, фиг. 3 и 2). Разница лишь в форме плахи.

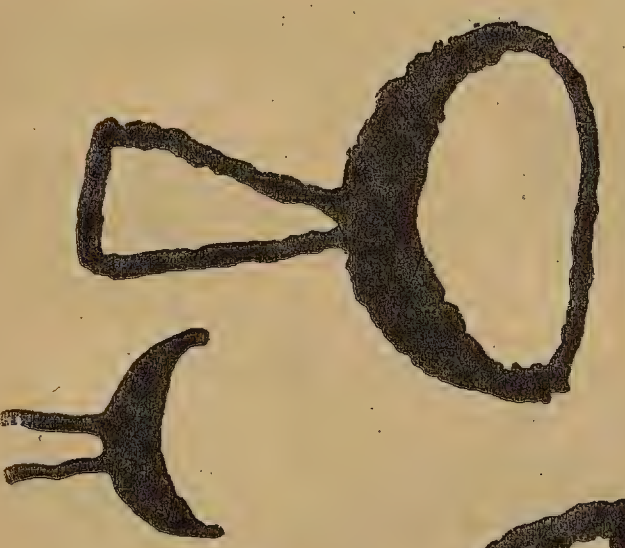
В. И. Равдоникасу, не желающему признать мою правоту, не остается ничего другого, как дать следующее описание только что разобранного мною изображения:

> «Лунарный знак, аналогичный знаку № 49, т. е. представляющий полугруг (в форме серпа с соединенными концами) с рукоятью из двух расходящихся под углом и соединенных на концах линий-лучей. Данная фигура, однако, осложнена дополнительной деталью в виде третьей, идущей от полукруга слегка изогнутой линией с полукольцевым изгибом на конце; этот изгиб заканчивается может быть схематизированной головой животного. Рядом с предполагаемой мордой животного [1]) имеется

[1]) У которого в таком случае нижняя челюсть почти в два раза длиннее верхней.

Фиг. 3

Фиг. 2.

Фиг.1.

линия, повидимому, фрагмент. Изображение выбито по контуру. Диаметр полукруга — 0, 21, длина рукояти — 0,14»[1]) (табл. 6, фиг. 1).

Выписанное мною полностью описание «лунарного знака», мне кажется, доставит исследователю не мало тяжелых минут. Означенное изображение никак не входит в понятие лунарного знака. Оно «осложнено» непонятной В. И. Равдоникасу дополнительной третьей линией, которая почему-то образует полукольцевой изгиб, оканчивающийся при этом для чего-то головой животного, у которого нижняя челюсть по своей длине никак не совпадает с верхней (мой читатель знает уже, что это подвижной рычаг с привязанным к нему ремнем с поперечиной для прикрепления оттягиваемого в сторону рычага). Кроме того, тут же дана еще линия, которую В. И. Равдоникасу приходится объявить «фрагментом» (чего? А. Л.), хотя этот «фрагмент» имеет везде явственно законченное очертание (табл. 6, фиг. 1).

В. И. Равдоникас заявил, что я, «конечно, роковым образом впадаю в многочисленные ошибки», в доказательство чего приводит как раз эти фигуры капканов, которые он требует считать символами солнца и месяца. Но что за лучи, которые соединяются между собою дугой? Зачем, изображая месяц, соединять его концы и зачем приделывать третью линию с головой животного, да еще тут же рядом выбивать какой-то фрагмент? Все это, конечно, причиняет большие затруднения тому, кто во что бы то ни стало желает видеть в этом изображении символ месяца. Зато никаких затруднений не возникает, если принять изображение за то, что оно изображает в действительности, — за механическую ловушку типа кляпцов, т. е. капкан. Тогда каждая линия получает свое объяснение, свои функции, и перед нами является доказательство существования капканов у населения побережья Онежского озера того периода.

На таблице 20-й под № 62 атласа В. И. Равдоникаса дан другой тип капканов, серпообразной формы, но с двумя рычагами. И здесь мы видим поперечину, которая, будучи вставленной между рычагами, делала его готовым к поимке добычи.

Функции этих охотничьих снарядов очень четко показаны на табл. 7, фиг. 1, которая изображает человека, задавленного капканом. Иной вопрос, будет ли это сцена с натуры или мы имеем какой-то охотничий миф, сказку, наподобие предания о человеке, держащем (поймавшим) за шею птицу, величиной в два раза больше его[2]).

---

[1]) Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера. Описание рисунка № 54 (таблица 4 и 42), стр. 44.

[2]) Два индетичных петроглифа мы встретим и на «Бесовых следках» (Белое море) и на «Пери Носу» (Онежское озеро).

Табл. 7

На свойство этих капканов — защемлять, указывают все композиции, в которых даны изображения этих снарядов. Так, напр., на табл. 7, фиг. 2 изображает человека [1]), с натянутой на голову по плечи мордой животного и ущемленного капканом. Опыт расшифровки этого образа смотрите в описании скалы № 7 «Пери Носа».

[1]) В 1927 — 29 гг. я неправильно толковал эту композицию, как изображение волка, попавшего в капкан.

Фиг. 3 на табл. 7 дает сложное изображение мифологического существа со звериной головой и хвостом. На нем висит один капкан, на котором навешен другой, меньших размеров. Это изображение толкуется В. И. Равдоникасом, как «композиция борьбы светлого тотемно-космического божества с мраком и злом». Я затрудняюсь, глядя на эту фигуру, приписать художнику петроглифов столь сложную мифологию, — это несомненно мифологический образ, — но нет никаких данных делать вывод о его борьбе и с мраком (?) и со злом. Рядом с этим петроглифом помещено изображение лебедя, ущемленного капканом за шею (табл. 8, фиг. 1), птицы, прикасающейся клювом к этому снаряду (табл. 8, фиг. 2), лося, окруженного капканами и т. д.

Остается последний вопрос, почему одни капканы имеют круглую плаху, другие — серпообразную. Почему рычаги у одних прямые, у других конусообразные, у третьих в виде петли, у четвертых — кольцеобразные. Ответить на это очень легко всякому, кто практически знаком с охотничьими племенами Сибири или знает их словарь. Наше общее слово «стрела» на языке ряда охотничьих народов имеет иной раз свыше десяти названий, по количеству вариантов разной формы наконечников, строго специализированных на каждый вид промыслового животного. Стрелой на утку не будут бить выдру, а стрелой на выдру не станут стрелять в оленя. Совершенно очевидно, поскольку эти изображения не символы солнца или месяца, а являются охотничьими снарядами, они имели свою особую форму для каждой группы животного.[1]) Так, например, круглая плаха и петлеобразная форма рычагов, очевидно, подходит для ноги высокого животного, например, оленя, у которого копыто не позволит сбросить капкана, а прямые рычаги удобны, чтобы как клещами захватить шею птицы, и т. д.

О д и н о ч н ы е   и з о б р а ж е н и я. Кроме отдельных групп, по которым мы расклассифицировали основные виды петроглифов Карелии, остаются одиночные изображения, вероятно, имевшие подсобное значение в жизни населения в ту эпоху (табл. 9).

В первую очередь отмечу три изображения собаки на скалах Онежского озера. Собака, безусловно, показатель относительно высокого этапа хозяйства. Имея собаку, охотник

---

[1]) «Трудолюбивый юкагир с первым снегом выставляет до 400 ловушек, и хотя они сделаны из одного лишь дерева, без всякого железного скрепления, тем не менее эти снаряды имеют обдуманный и сложный механизм и выказывают знание свойств и привычек к а ж д о й породы из попадающих в них зверей». (Вруцевич М. С. Записки Географич. об-ва по отд. этнографии, т. XVII, вып. II стр. 34—35).

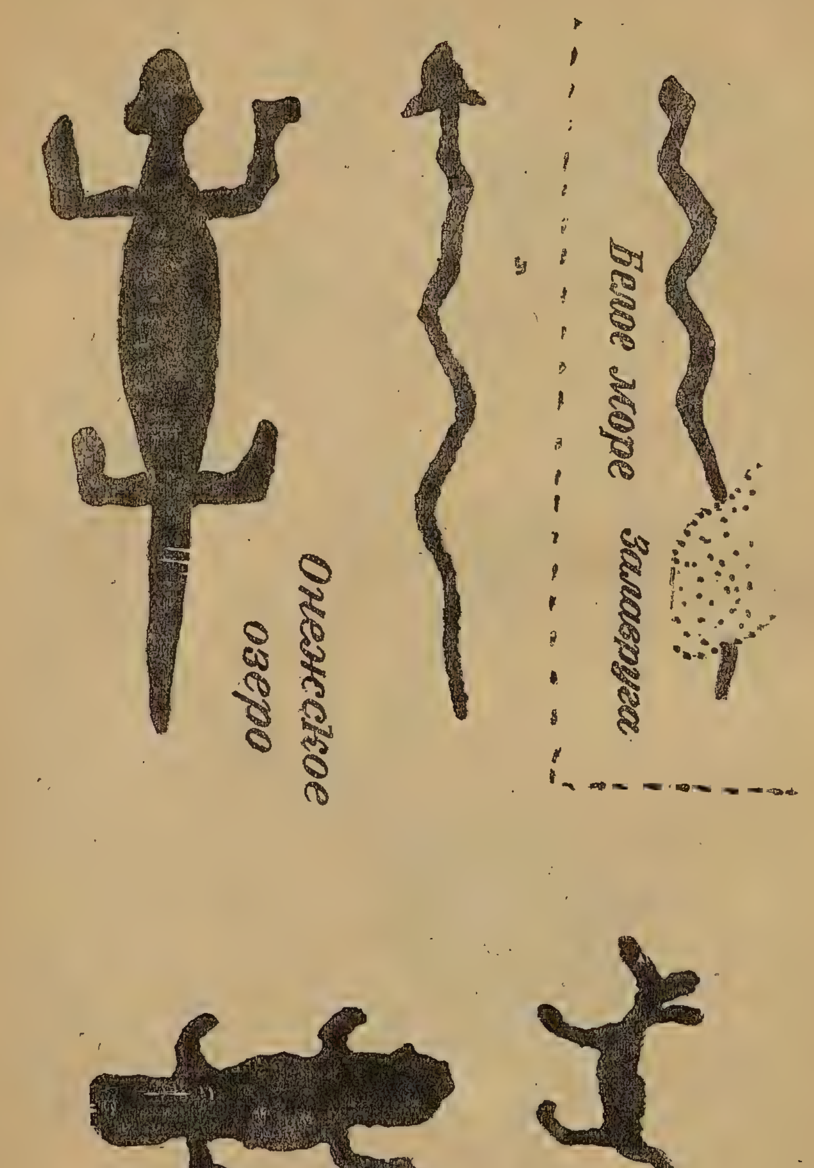
Табл. 8

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Табл. 9

мог перейти на примитивное оленеводство, собака гарантирует повышение интенсивности промысла в лесу. На петроглифах Беломорского бассейна мы не найдем ни изображения собаки, ни капканов. Естественное право сделать вывод о разной стадии культуры, на что есть много дополнительных подтверждений.

Кроме собаки, на петроглифах Онежского озера мы найдем одно изображение бобра, двух змей, двух ящериц и т. д. На Белом море («Бесовы следки») мы видим лисиц, белок, зайца, повидимому водяную крысу и животных, напоминающих горного барана.

Помимо вышеописанных групп и одиночных изображений, дающих материал для выявления быта древней Карелии, остается свыше 100 изображений на мысах Онежского озера и около 40 на «Бесовых следках», которые пока не прочитаны: в большинстве случаев это — точки и зигзагообразные линии, вероятно, знаки метания ядер и метательных палок. Часть из них, можно думать, явилась следами предварительной тренировки древних художников перед тем как они приступали к работе над какой-нибудь фигурой. Однако, нет сомнения, что в числе этих изображений, пока не подлежащих для науки использованию, осталось не мало ценных, еще не прочитанных показателей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поводы возникновения петроглифов Карелии

Устанавливая обстоятельства, вызывающие появление того или иного священного места у народов, заселяющих северные окраины нашего Союза, мы чаще всего встречаем святилища на возвышенных местах. На это же обстоятельство указывают те церкви, которые в свое время устраивались первыми проповедниками христианства, например, среди пермских народов — на местах национальных культов.

Саамы [1], как известно, ставили на местах своих мольбищ группы камней, называемых сейдами (чаще всего это — естественные камни, обращающие на себя внимание своими очертаниями). «Сейды, — пишет Харузин [2], — ставились по берегам рек и озер». Кастрен пишет: «Горные лопари ставили свои сейды на высоких скалах, рыболовы же на озерах, у водопадов, на островах, мысах и вообще поблизости воды». [3]) У манси «...место общих поклонений находится у верховья р. Лозвы, на верху утеса, имеющего, по словам очевидцев, до 200 саженей отвесной высоты и известного под названием «Богомольного камня». Подобное же место находится при устье р. Бижая, впадающей в Лозву, мимо которой женщинам не позволялось плыть в лодке». [4]) Список возвышенных мест, служивших местом почитания тех же народов, можно удлинить рядом указаний [5]), но в этом вряд ли есть надобность.

Ненцы устраивали свои святилища обычно на оконечностях каменистых скал, вдававшихся в море. «На южном конце Вайгача, выдающегося в Ледовитое море (океан) высокими отвесными скалами, называемом Болванским, было место, называе-

---

[1]) Цитируя дореволюционную литературу, я оказываюсь в плену терминологии царского времени, тем самым, по отношению к наименованию племен: вместо саамы — лопари, ненцы — самоеды и т. д.

[2]) Харузин Н. Н. Русские лопари. 1881, стр. 149—150.

[3]) Этнографический сборник. IV, 1858, стр. 247.

[4]) Шишонко В. Пермская летопись. III период, стр. 230.

[5]) Радлов В. Сибирские древности. 1891, т. I, вып. II, стр. 23 (приложения). Анучин Д. Н. К истории искусств. — и др.

мое у самоедов Весико («старик»)» [1]). Не трудно понять причину этого почитания, так как «...на самой оконечности Болванского мола есть большая, длинная и высокая пещера. Вой и гул, раздающиеся в пещере во время сильных ветров, внушали самоедам суеверный страх и особенное почтение к чудесному... утесу». [2]) То же самое относится и к другому святилищу на Канинской земле (Козина поселок). [3]) «Предметом поклонения является не только камень; вблизи Белого острова, на Ледовитом море, находится песчаная отмель, куда приставали во время своих проездов для отправления идольского обряда». [4]) В числе подобных священных мест ненцев можно указать на полуостров Ямал (идол называется Хесе), на Тазовскую губу, [5]) (камень называется Нун-Гамбой) и т. д. Кастрен пишет: «... богов у самоедов было много на о-ве Вайгаче: они состояли из скал и каменьев. Глава их находился посредине острова и назывался хозяином земли. Кумир этот из камня». [6]) И как резюме: «...Для постоянного совершения языческих обрядов... самоеды... выбирают или доступные вершины значительнейших гор, издали приметные и притом плоские, или берега примечательнейших рек и озер». [7])

Необходимо отметить, что этот вывод надо сделать не только по отношению к ненцам; он относится и к другим народам нашего севера.

Подкрепим наши положения следующим примером. Григорий Истома, посол московского великого князя в 1496 г. «плыл вдоль Мурманского берега. Когда они доехали до мыса, далеко вдававшегося в море, шкипер корабля сказал Истоме: «Скала, которую мы видим, называется Семь (semes.) если мы не умилостивим ее каким-нибудь даром, то не легко нам будет миновать ее».[8]) Повсеместное распространение культа скал дает возможность думать, что этот культ возник у разных народов по одинаковым ассоциациям. Обобщающее понятие этого культа мы встретим у гиляков: «... каменная юрта — термин гиляцкой мифологии. Каждый утес, скала, гора — каменный дом какого-нибудь гилякоподобного боже-

---

[1]) Этнографический сборник. IV, 1858, стр. 65.

[2]) Там же, 67—68

[3]) Там же, стр. 68.

[4]) Абрамов. Описание Березовского края, 1857, кн. XII, стр. 342.

[5]) Поляков И. С. Старое и современное Лукоморье. Живописная Россия, XI, стр. 176—177.

[6]) Этнографический сборник. IV, 1858, стр. 294—295.

[7]) Там же, стр. 64.

[8]) Записи о Московии бар. Герберштейна. 1866, стр. 176. Е. Е. Замысловский полагает, что речь идет об острове Кувшин, круглой формы и с отвесными берегами, близ становища Семи островов. (Герберштейн и его историко-географические известия о России. 1884, стр. 104).

ства доброго или злого».[1]) Отсюда представление, что горные вершины ведут между собой разговор [2]) и т. д.

Повидимому, толчком к почитанию той или другой возвышенности, того или другого мыса, вдающегося в водную поверхность, является ветер и его действие, шум, обычное движение воздуха на вершине возвышенности, постоянное волнение, шум и брызги воды на мысу, вдающемся в водное пространство. Мое положение, что наиболее оживленные и шумные водопады, горы, скалы с открытой поверхностью для движения ветров по преимуществу избирались для петроглифов, подтверждается почти всеми местонахождениями петроглифов и писаниц[3]) Сибири: енисейские наскальные изображения, вишерские, тагильские и проч. Приведу лишь один из многочисленного ряда примеров о Кадинской писанице: «...Она находится на левом берегу Оки против Кадинских порогов, которые расположены верстах в пяти выше большеокеанских порогов... Наружные очертания (выбиты — А. Л.) в виде довольно глубоких желобков... В середине, как бы против самого порога, помещается фигура с человеческим лицом... возле нее изображено колесо... это, может быть, шаман с бубном. Хорошо сделано изображение сохатого, позади которого высечен лук» [4]) и т. д.

Петроглифы несомненно возникали в результате мистических представлений, вызванных, однако, строго материальными факторами. Исходя из этого положения, необходимо подвергнуть самому детальному изучению географические особенности местности. В них, и именно в них, по моему мнению, должны таиться разрешения загадки возникновения петроглифов Карелии.

«Бесовы следки». Сорокская губа является по количеству входящей сельди самой промысловой на этом берегу Белого моря. Осенью из Ледовитого океана сельдь входит в Белое море и разделяется на три рукава: наиболее многочисленной в большинстве случаев бывает Сорокская сельдь. Движение сельди вызывается необходимостью метать икру, для чего рыба старается подойти к берегу. «В Сороцкую губу испокон веков является один род сельдей — галодья. Она приходит в Сороку... обыкновенно в осенние месяцы, начиная с сентября и кончая серединой ноября. В Сороцкую губу заходит такое количество сельдей, что, по словам туземцев,

---

[1]) Штернберг Л. Я. Материалы по изуч. гиляцк. языка и фольклора, 1908, стр. 31.

[2]) Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, 1900, стр. 101—102.

[3]) Я понимаю петроглифы, как изображения, выбитые на камне, а писаницы, как написанные (т. е. покрытые краской).

[4]) Известия Восточно-Сибирского отд. Русск. Географич. об-ва, т. XIX, 1888, № 2, стр. 29.

вода густеет... сие стадо (сельдей — А. Л.) окружается со всех сторон макрелями, сальдой, пикшуями, тресками, семгами, палтусами и многими других родов плотоядными. Оное окружают... звери водноземные: нерпы, серки, тюлени, тевяки и прочие. А сих стесняют звери рыбоводные: дельфины, белухи, акулы, касатки, кашалоты и другие родов киты». [1])

Семга и сиг входят в Сорокскую губу и направляются вверх по течению р. Выг. Я уже упоминал, что петроглиф «Бесовы следки» находится на островке, составляющем звено гранитной гряды, которая тянется, примерно, километров десять, образуя при пересечении р. Выг два порога: Золотец и Шойрукшу. Порог Золотец преграждает реку Выг на половину, правая сторона реки свободна для проезда. Бурное течение, образуемое гранитными гребнями, отодвигает всю массу идущей вверх по течению рыбы на правую сторону реки. Они доходили до островка «Бесовы следки» и останавливались, так как вдоль берегов водопад Шойрукшу перепрыгивают и перескакивают лишь немногие сильные рыбы. Таким образом, эта гранитная гряда, образуя островок с петроглифами «Бесовы следки», является непреодолимым барьером для рыбы (кроме крупных лососевых, перепрыгивающих порог) [2]) (табл. 48 и 49).

Становится понятным, почему островок «Бесовы следки» мог в прежнее время являться таким же священным местом, как ниже описываемое место у остяков. Население, привлекаемое обилием легко ловимой добычи, которая останавливалась перед цепью островков и грохочущим водопадом, повидимому, ассоциировало бурливый водопад с особым местопребыванием духа [3]), который обладает способностью привлекать из моря такую массу лакомой пищи (табл. 42).

«Бесовы следки» создают картину следующего культа: «Старик Обский (название божества — А. Л.), имеющий свое хранилище на Усть-Иртыше... иде же впадает в Обь... Сей бог рыб... проходит сквозь вся бездна, в них же рыбы вся и

[1]) Максимов С. В. Год на Севере, т. I, 1859, стр. 548. (Цитата из некоего А. И. Фомина — не претендует на точность, в особенности по своей доморощеной терминологии).

[2]) Водопад отличается необычайной силой воды, т. к. в этом месте течение сдавлено гранитными массами и пропускает на 5-10 м. ширины, при большом угле падения, всю водяную толщу реки, имеющей до 200 м. ширины.

[3]) Незамерзающие зимой в реках места об'ясняются тем, что каждый «выр» (водоворот) и источники имеют своего водяного, они же обитают в таких местах, которые зимой не замерзают: по объяснению народа, лед тает от дыхания водяника. (Богданович А. Пережитки древнего миросозерцания у белоруссов. 1895, стр. 76—77).

звери водные под своим имеет правлением и елико кому похощеть, толико попущает». [1])

Возникновение святилища Обского старика всецело основывалось на экономических условиях этой местности. «На острове Троицкие нарты представляют в своем роде Мекку, куда стекаются остяки на поклонение часто из местностей, удаленных за 1.500 в. Окрестности Оби при впадении в нее Иртыша издавна славились пребыванием одного из главных остяцких божеств... в виде лебедя. Обь очищается от льда гораздо позже Иртыша... Птицы во время весеннего своего перелета, добравшись до устья Иртыша, останавливаются здесь в ожидании открытия вод впереди. Ожидание длится целые дни, даже недели. Было поразительно видеть массы птиц, собирающихся в течение значительного промежутка времени на определенном, сравнительно небольшом пространстве... После первого крика лебедя...[2]) открывается путь для тысяч новых звуков... Начинают состязания с здешними весенними ветрами мириады птичьих голосов... Для остяка, уже проголодавшегося зимой, истребившего все свои запасы, лебедь первый открывает вид на новую жизнь, связанную с большим изобилием птиц... За прилетом птиц начинается ход рыбы...» [3])

Стоит только подменить слова «лебедь и птицы» словами «сельдь и рыбы», и мы получаем объяснение причины обращения местности петроглифов «Бесовы следки» в священное место. Сохраняя же слова «лебедь и птицы», мы получаем аналогию для святилищ в районе петроглифов Бесова Носа и соседних мысов Онежского озера.

Весной лед тает раньше всего у берегов озера; чем сильнее вдается залив в берег, тем скорее этот залив освобождается ото льда. Бесов Нос больше других мысов вдается в озеро, поэтому образуемый им и Пери Носом залив Чура весной покрывался массой прилетной птицы, ожидавшей здесь дальнейшего очищения воды ото льда. Выбиваемая охотниками водяная дичь теперь останавливается мало, но гагары, которых не бьют, плавают здесь весною стаями по нескольку сот штук.

---

[1]) Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 г., стр. 59.

[2]) Лебедь в тех местах прилетает раньше всех.

[3]) Поляков Н. С. Старинное и современное Лукоморье, стр. 144. (Живописная Россия, т. XI, 1884).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Причины возникновения петроглифов Карелии

Выявляя поводы возникновения петроглифов Карелии, я показал прямую связь мест возникновения петроглифов с прилетом и приходом птиц и рыб к территории этих памятников.

Несомненно, теперь на нас лежит обязанность ввести читателя в мир анимистических представлений и показать причины возникновения наскальных изображений. [1]) До сих пор господствует разногласие среди обществоведов по ряду кардинальных тем. Так, например, представления о тотемизме до сих пор самые разноречивые и вряд ли можно найти двух-трех самостоятельных исследователей в этой области, имеющих одни и те же взгляды и мнения. Кроме того, знания о первобытных представлениях распространены лишь в очень узком кругу специалистов. Это вынуждает дать прежде всего хотя бы в весьма сжатом виде показ сущности анимизма, что разъяснит практическую роль петроглифов в эпоху родового общества.

1. Внешние факторы создания анимистических представлений.

Позволяю себе привести выдержки из описаний природы, среди которой жили творцы петроглифов. Это дает некоторую возможность понять ощущения человека, зависящего от местной природы. «...Лесная пустыня почти совершенно непроходима... проникнуть вглубь лесов мешает необыкновенная их густота, которая доходит до того, что и ветер не проникает внутрь этой трущобы. Воздух летом сперт и удушлив; к вечеру знойного летнего дня весь лес окутывается непроницаемым туманом, серым и холодным. Днем среди леса бывает так же темно, как и ночью. Многочисленные глубокие реки и речки служат единственными путями как летом, так и зимой,

---

[1]) Давая расшифровку поводов и причин появления петроглифов в Карелии, я далек от мысли дать кому-либо универсальный ключ к объяснению появления петроглифов в других местах. Моя расшифровка может быть отнесена лишь к памятникам охотничьей магии в Карелии. Южно-скандинавская группа, уральские писаницы и т. д. отнюдь не синстадиальны Карелии и нуждаются в специальных приемах расшифровки.

чтобы проникнуть в непроходимые таинственные дебри. По ним-то промышленники осенью на лодках, зимой на лыжах проходят внутрь урманов (девственные леса Тобольской губ.), но они проходят от этих естественных дорог вглубь леса не более, как на несколько десятков верст, далее же мрачные недоступные трущобы остаются неведомыми». [1]) «Что особенно поражает в Уральских лесах — (писал другой путешественник, Н. Сорокин) — это мертвая тишина: ни одного звука. Эта тишина, вместе с постоянными сумерками, царствующими под развесистыми ветками деревьев, действует как-то тревожно на душу».

По этой причине: «...особенно бродячие охотники весьма склонны к различным психическим и нервным заболеваниям... (Отсюда) массовые галлюцинации зрения и слуха... периодические массовые заболевания истерией... массовые появления подвластности воли у отдельных индивидов. Начались массовые неудачи на охоте. Явления неудач анимистом могут быть объяснены только внешними причинами... Таким объяснением является обычно предположение о вмешательстве, и притом вредном, духов». [2])

Отсюда понятно депрессивное настроение постоянного обитателя подобной страны и его склонность во всей окружающей природе видеть нечто враждебное себе, опасное и населять весь мир разными враждебными духами. «Всякое движение объясняется жизненностью... вследствие этого ветер является для него живым существом». [3]) «Всем известен пример, приведенный Дарвином (а за ним и Леббоком и Вундтом. А. Л.) относительно собаки, которая лаяла на открытый зонтик, шевелившийся под ветром. Этот пример, очевидно, относится к тому разряду наглядных умозаключений: п р е д м е т д в и ж е т с я, с л е д о в а т е л ь н о, о н ж и в о й». [4])

«...Все существующее живет,—писал В. Г. Богораз,—лампа ходит, стены дома имеют свой голос, горшок имеет страну и шатер и жену и детей. Шкуры, лежащие в мешках для торговли, разговаривают по ночам. Рога на могилах покойников встают и ходят обозом вокруг могил... Покойники встают и приходят к живущим...» [5])

---

[1]) Ядринцев Н. М. Западная Сибирская низменность. Живоп. Россия, XI, 1884, стр. 54.

[2]) Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Ученые записки Ист-фил. фак-та. Владивосток, 1919, стр. 94.

[3]) Леббок. Начало цивилизации и первобытное состояние человека, 1896, стр. 196.

[4]) Богораз В. Г. Религиозные идеи первобытного человека.

[5]) Богораз В. Г. К психологии шаманства и народов сев-вост. Азии. Отдельный оттиск из Этнограф. Обозр. 1900, стр. 36.

Но, выделяя какую-нибудь особенную бурную реку из ряда других, первобытный человек тем самым уже начинал выдвигать духов этой реки на передний план, а духи других, более тихих рек, отодвигались на задний план. Отсюда пошла иерархия духов по степени их значения, определяемой степенью опасности, полезности, близости и т. д. Это приводило прежде всего к персонификации духа, собственника всего, что его окружает: «... каждый речной, озерный или лесной хозяин (т. е. дух. А. Л.) является собственником всей дичи и рыбы, которая содержится в его владениях. Без его разрешения нельзя заниматься промыслом, да и удачи не будет Вместо удачи случится несчастье. Поэтому, начиная промысел, нужно принести жертву местному хозяину и обеспечить себе таким образом его благосклонность». [1])

2. Материалистический характер анимистических представлений.

Теперь нельзя не поставить вопрос — на какие объекты окружающей среды обращено внимание анимиста? Понятно, что внимание обращено прежде всего на то, что поддерживает существование охотника, его семьи, его рода. Вот почему забота анимиста Карелии была обращена на добывание таких промысловых животных, как, например, лоси и олени, которых он выбил 135 изображений, на дичь (178 петроглифов), но не на змей (2 рисунка) или ящериц (3 фигуры). Приведенное соотношение цифр вполне понятно каждому, кто учтет, что например: «...до сих пор (1893 г. А. Л.) основной пищей гиляков служат готовые продукты природы — рыба, дичь, ягоды, коренья. Он еще не умеет приспособлять природу и споспешествовать ей в создании пищевых веществ. Он не садит и не сеет, не разводит домашних животных для мяса. — Это основная черта «дикого» состояния». [2])

Поэтому внимание анимиста на охотничьей стадии не привлекают космические силы природы. Солнце, луна, дождь и прочее — все это остается областью, которая еще не затрагивает достаточно четко жизненных интересов человека охотничьей стадии. Это положение подтверждается фактом, что: «...не небо их (богов) рай и олимп, а земля. На земле-то и живут те боги, которые их (орочей) больше всего интересуют... Каждая область имеет своего хозяина, и хозяин этот по внешнему виду такой же ороч, так же он одевается, как ороч, так же, как ороч, умирает и уступает свое место другому из

---

[1]) Богораз В. Г. Религиозные идеи первобытного человека, стр. 72.

[2]) Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи... Изд. Дальгиза. 1933 г., стр. 351.

своего рода — хорошему сородичу, разумеется, и также, как ороч, имеет свой род». [1])

Вот почему зачисление В. И. Равдоникасом 61 изображения капканов в разряд «солярных и лунарных знаков» вызывает, в лучшем случае, смущение за столь досадный промах.

Поскольку моя работа не посвящена специально формам анимизма, я приведу лишь один пример отношения анимиста к животным, в частности промысловым. «Примитивный человек смотрит на животных совсем другими глазами, чем мы, величающие себя царями природы. Охотник по профессии, он весь свой ум, всю свою изобретательность, весь гений человеческий, вкладывает в это искусство... как часто и зло смеется ничтожный зверек над всеми его (охотника) каверзами... Они разгадали хитрость человека и ушли. Как чуток сохатый к запаху человека за целые версты. Никогда, никогда ни один бы зверь не попал бы орочу, если бы не было богов, хозяев этих зверей, заботящихся о благополучии его. И если бог не хочет, то десятки его самострелов останутся без добычи. Поэтому примитивный человек видит в животных существо вовсе не низшее, чем он сам, хотя и бог дает их ему иногда на потребление. Но животное нисколько не терпит от этого: не успел еще ороч снять шкуры с соболя, как тот уже снова, живой и проворный, бежит к своему хозяину». [2])

И. В. Равдоникас далек от осознания норм первобытного мышления. Например, он описывает контраст между спокойствием «...каменных форм первозданной природы и непрестанно волнующейся, вечно живой, и, как жизнь, безбрежной поверхностью озера с его постоянно меняющимися, почти неуловимыми цветовыми оттенками. Два начала слиты в этом впечатлении, в их неразрывном единстве противоположностей — движение и покой, жизнь и смерть, становление и бытие (?? А. Л.)». [3])

Конечно, всем понятно, что анимист не очень философствует о неразрывном единстве противоположностей — становления и бытия. Зато его внимание поражает, что мыс пятый Пери Носа имеет форму морды какого-то зверя, а очертания мыса Большого Гурьего острова опять-таки чрезвычайно похожи на фигуру гигантской ящерицы. (Анимист Сахалина, обратив внимание на подобное явление, поэтому назвал мыс Марии Мыфчопир (голова змеи). [4]) В. И. Равдоникас приводит

---

[1]) Штернберг Л. Я., там же, стр. 427.
[2]) Штернберг Л. Я., там же, стр. 428.
[3]) Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера, стр. 25. Перепечатано в другом издании Академии Наук того же года. Советская Археология, т. I, стр. 37.
[4]) Штернберг Л. Я., там же, стр. 386.

Пятый мыс Пери Носа, единственный из 6-ти мысов без петроглифов.

как раз эти два фото Онежского озера. [1]) Но В. И. Равдоникас ни слова не говорит об этом важном для анимиста явлении, зато лирично описует то, что ему нравится, как городскому жителю, и лишь по пути отмечает «поразительно живописный вид... отшлифованных скал, иногда совершенно фантастических очертаний». Но в том-то и дело, что для анимиста эти скалы имели значение не фантастическое, а совершенно реальное! «Свой родной остров гиляк называет «миф» (земля). Это живое божественное существо, голова которого — мыс Мария, а подбородок Пытыкрыы, упирается в Охотское море, а ноги — два полуострова в Корсаковском округе, упирающиеся в залив Лаперуза».[2]) Точно так же гора Энгельс-Паль — это живой олень бога вселенной «кури», на котором он объезжал остров.[3]) Или Крыуспан (один из величайших пиков Сахалина) — одинокий суровый демон моря. Даже одинокие утесы, торчащие из воды вдоль берегов острова — все это живые боги [4]) (табл. 11).

Какие чувства испытывал анимист к скалам, имеющим в нашем понимании фантастические очертания, Л. Я. Штернберг описывает в следующих словах: «...Дело было в августе 1891 г. С большими затруднениями добрался я до головы земли. Когда я неожиданно сообщил моим спутникам, что я решил забраться на вершину «головы», чтобы собрать там растения и отбивать камни, моими спутниками овладела паника. Они заклинали меня отказаться от моего безумного намерения, которое должно было повести за собой нашу общую гибель».[5])

Почему из шести насчитанных мысов Пери Носа «только пятый мыс, — отмечает В. И. Равдоникас, — представляющий длинный узкий выступ или язык, не имеет изображений?»[6]) Совершенно понятно, что анимисты не решались забраться на «голову» (табл. 10), и потому этот выступ является единственным языком всех скал на общем протяжении 4 км., на котором нет петроглифов.

Иногда этнографы заводят спор: является анимизм формой материалистического или идеалистического мышления? Каждая сторона приводит массу убедительнейших примеров и друг друга не может убедить. Решение этого спора возможно, по-

---

[1]) Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера, табл. 51, верхний снимок (фото с моего негатива), и табл. 75, нижний снимок (фото А. А. Гречкина, к сожалению, произведенного с другого места). См. табл. 11, фиг. 1.

[2]) Штернберг, там же, стр. 49.

[3]) Штернберг, там же, стр. 59.

[4]) Штернберг, там же, стр. 50.

[5]) Штернберг, там же, стр. 56.

[6]) Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера, стр. 45.

Фиг. 1. Мыс о-ва Б. Гурий (без петроглифов) напоминающий ящера.

Фиг. 2. Левая фигура — вариант мифологического образа в виде пресмыкающего.

видимому, лишь в одном плане. Конечно, анимизм имеет материальную подоснову, в нем нет «молитвы ради молитвы» — всякое жертвоприношение есть лишь деловой обмен между человеком и хозяином данной стихии или видом животного. Но сама идея всеобщей одухотворенности, конечно, насквозь идеалистична. Однако, не будь этого противоречия, человек, повидимому, гораздо дольше коснел бы в плену анимистических концепций.

3. Практические цели создания петроглифов.

Смысл высекания изображений на камнях следующий: «Всякое изображение имеет душу того целого или части живого существа, наподобие которого оно сделано. Но сверх того оно еще может иметь и сверхъестественные силы и способности, может исцелять от болезней, передавать поручения божествам, исполнять приказы своего хозяина и т. п.» [1])

Таким образом, всякое сделанное изображение дает возможность совершить магическое действие над его объектом в натуре. В. А. Городцов в своей статье («Скальные рисунки Тургайской области») обращает на это внимание, совершенно справедливо разъясняя реальность сделанных изображений стремлением первобытного художника лучше или вернее осуществить свои цели магическими средствами.

Из вышесказанного сделается понятным, что изображения на скалах прежде всего, повидимому, имели целью воздействовать на существо, служившее моделью для изображения. Шаманство, по свидетельству С. М. Широкогорова, практически использует изображение следующим образом: «...Иногда делается изображение... в это изображение производится выстрел или изображению причиняют тот или иной вред или производится какое-либо иное действие. В таком случае действие человека нужно понимать следующим образом: во вместилище вмещается путем хитрости, обещания и т. п. дух, а действие, направленное против изображения... приносит вред (или пользу) самому духу или душе реального существа». [2]) Поэтому, для понимания первоначального значения изображений необходимо уловить связь идеи изображения с изображаемым объектом в натуре. «При знании привычек, наклонностей и особенностей духа, для человека открывается возможность регулирования деятельности духов и даже управления ими. Отсюда происходят периодические жертвоприношения. Путем привлечения духов в специальные вместилища

---

[1]) Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, стр. 34.

[2]) Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов, стр. 59.

можно (иметь. А. Л.) духов, так сказать, постоянно на виду, и тогда задачей человека является удержание их словами, угощение во вместилищах и охрана последних от попыток со стороны других людей захватить вместилище, им не предназначенное». [1])

Процесс внедрения духа в изображение, подробно трактуемый В. Г. Богоразом, В. И. Иохельсоном, С. М. Широкоговорым и Л. Я. Штернбергом, основан на следующей догме: «Все имеющее внешнее подобие живого существа обязательно обладает и соответствующей душой» (Л. Штернберг). Таким образом, каждое из изображений петроглифов должно было иметь свою душу.

С. В. Иванов в статье «Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита»[2]), дает примеры из быта ряда народов: австралийцев, африканских пигмеев и наших народов Сибири: талинцев (таймырские самоеды), саами (лопарей), алтайских турок, долганов, якутов, сымских эвенков (тунгусов), удэ (тунгусо-манчжуров) и селькуров (остяко-самоедов), которые изготовляют изображения животных и затем поражают их, чтобы обеспечить себе удачу в промысле на данного вида животных.

Хорошим обобщением этих и других встречающихся в литературе примеров может служить следующая цитата из работы С. В. Иванова: «Во время поездки в 1927 г. на Дальний Восток мне удалось записать со слов вилюйского якута Т. К. Петрова следующие данные об якутах. В целях успешной охоты на оленей, а также на волков, лисиц и других пушных зверей, охотники, по указанию шамана, изготовляют из бересты или дерева небольшие фигурки указанных животных... Вместе с фигурками делается небольшой лучок со стрелами. Действие обычно происходит осенью, перед началом зимней охоты. Изготовленные вечером после ужина фигурки животных ставятся в центре юрты у очага... Во время камлания шаман сообщает охотникам сколько и какого зверя убьет каждый из них в наступающем охотничьем сезоне. В заключение он берет по очереди фигурки в руки и охотник на расстоянии 5—6 см. стреляет в них из маленького лучка. Этим актом магически закрепляется удача на промысле». [3])

Это и ряд других аналогичных действий охотников объясняет причины появления выбоин, от которых пострадало немало петроглифов Карелии. Выбоины, которые портят ряд петроглифов Карелии, указывают нам, что в них метали чем-то твердым и острым. На это указывают и отдельные точки вокруг изображения, а также нередко порча линий контура, совершенно правильного в прочих местах.

---

[1]) Широкогоров С. М., там же, стр. 58.
[2]) Советская Этнография, 1934, № 4, стр. 90—101.
[3]) Там же, стр. 97—98.

В вышеуказанной статье С. В. Иванова, в работах Д. К. Зеленина[1]) и других дано немало описаний вариантов приемов производственной магии.

В дополнение приведу описание, в которое входят все этапы использования изображений охотничьей магии: «...Чувствуя недостаток в пище, Фробениус обратился к охотникам с предложением убить антилопу. Пигмеи охотно согласились, но заявили, что сделать это они могут только после нескольких предварительных приготовлений, для которых, однако, этот день оказался неподходящим»... На следующий день утром, уединившись из лагеря, охотники «очистили небольшой участок земли от травы и выровняли его руками. Затем один из них, под общее бормотание каких-то формул и молитв, нарисовал что-то пальцем на песке... Лучи солнца коснулись рисунка, начертанного на песке... Мужчина выстрелил из лука... после этого охотники, вооруженные луками, бросились в чащу леса. Фробениус (который во время церемонии скрывался в соседних местах. А. Л.) подошел к месту происшествия и увидел на песке изображение антилопы, в котором торчала стрела. Пигмеи, возвратившись с успешной охоты, взяли чашку крови и клочок шерсти от убитой ими антилопы, отнесли все это на место утренних действий и положили на изображение; затем вынули стрелу, а рисунок стерли во время нового восхода солнца». [2])

Карелия сплошь покрыта лесами, болотами, озерами и скалами. Изображения лосей, оленей, рыб, морских зверей, хищников служили тем же целям, как и в вышеприведенном примере. Вся разница только в том, что скалы являлись единственным удобным материалом, чтобы сделать то или иное изображение. Отсюда, раз выбитое изображение оставалось навсегда. Это, кстати сказать, стабилизировало некоторые магические процедуры, что отражалось и на консервации основных религиозных форм.

Поместив пример из быта пигмеев (Африка), я нарушил свой принцип не пользоваться примерами народов, не находящихся в географической широте Карелии. Выше цитированное описание взято потому, что в него вошли все процессы охотничьей магии (создание изображения, использование и принесение ему жертвоприношения). Я не побоялся нарушить свой принцип также по той причине, что не только бытовые материалы, но и исторические записи констатируют факты подобных верований у финнов, русских на Волге и на Мезени, у мордвы и т. д.

У финнов: «Предание рассказывает, что когда Кнут Поссе (начальник крепости Выборг в 1490 г.) сидел на берегу

---

[1]) Зеленин Д. К. Табу слов. Сборник МАЭ, т. VIII.

[2]) Цитирую по упомянутой работе С. В. Иванова, стр. 94.

моря и чертил на песке корабль, то корабль этот тотчас начинал плыть по морю... Современники считали его (Поссе) состоящим в связи с дьяволом». [1])

У русских на Волге: «В народных легендах конец Степана Разина передается иначе: Стенька взял уголек, нарисовал на стене лодку с веслами, сел в нее и разом очутился на Волге...» [2])

Эти два примера уже несколько искажены, вследствие видоизменения форм колдовства. Но корни этих поверий, так же как и перечисленные примеры из жизни народов Сибири и Африки — путем рисунков создать в жизни реальный объект — одни и те же.

Другой вариант магического создания живых существ распространен не менее часто, как например, всем известное библейское предание о создании нашего «предка Адама из глины», некоторые народности видоизменяют, очевидно, в силу древних ассоциаций.

Мордва-эрзя: «Первые люди — бог создал человека из земли. Для этого он рисовал на земле человека и повелел ему встать. Человек встал и пошел».[3])

На крайнем Севере РСФСР (Мезень) в середине XIX века господствовало следующее поверье: «Мезенские простолюдины рассказывают, что икоты (болезнь вроде истерии. А. Л.) заготовляются колдунами на страстной седмице и великий четверток в самое то время, когда в церкви за божественной литургией приготовляются священником святые дары для причащения больных. Для этого колдун берет будто бы березовое дерево, раздробляет его на несколько частей, из которых и выделывает людей и нечистых животных, например крыс, мышей и других. По заготовлении определенного числа таких тварей (собственное выражение рассказчика), он немедленно относит их в такие места, где в известный момент они превращаются в живых. Когда с кем-либо из недругов колдуна последует словоизвержение скверны (матерщины), сейчас же, по словам их, врывается в рот завещанная тварь «икота». [4])

Противодействием этим порчам возможно служили татуировки, местами дошедшие до исследователей нашего времени. Татуировка в первоначальном виде, вероятно, чаще всего являлась изображением объекта, покровительствующего данному человеку, роду, племени (быть может, это являлось ча-

---

[1]) Гренхагэн. Спутник по Финляндии, 1910, стр. 60.

[2]) Шваров А. В., Легенды европейских народов. СПб., 1904, стр. 201 (приложение к Вестнику иностранной литературы).

[3]) Живая Старина, год X-й, вып. 1—2, 1900 г., стр. 200.

[4]) Архангельские Губ. Ведомости, 1868, № 87. (Разрядка моя — А. Л.).

стично результатом влияния тотемизма?). Так, например, у манси (вогул): «На предплечьях, на передней их поверхности и на кистях рук, против лучезапястного сустава, большей частью на тыльной стороне, находятся татуированные места, разные фигуры неопределенных очертаний, так называемые «тамги» черного цвета (накалывание и втирание пороха, с целью предохранить себя или избавиться от какой-либо болезни)» [1])

Кроме этих видов значения рисунка или изображения, хорошо известны иконы, до сих пор бытующие во всех церквях православного и католического вероисповедания. Изображения «святого» выполняют те же функции, как и петроглифы: верующие, глядя на образ своего покровителя, как бы входят в общение с ним и выпрашивают те или иные милости. Разряд особых «чудотворных» икон, от прикосновения к которым будто бы происходят исцеления, указывает на наличие в данном образе «особой силы». Таким образом, богоматерь присутствует в своих иконах, так наз. Смоленской, Казанской, Владимирской, Одигитрии, Скоропослушницы и т. д.

Широко распространен обычай привешивать к чтимым иконам (в особенности у католиков) изображения рук, ног или прочих частей тела тем, кто страдает болезнями в этих частях тела. Подвешенная к святыне серебряная нога как бы предохраняет ногу пожертвователя от болезни.

Церковная точка зрения на жертвоприношение основана на представлении чисто магического характера. Вера в волшебные свойства фигур, например икон, сделанных человеком, вскрывает основное положение анимизма, что все, *имеющее внешнее подобие живого существа, обязательно обладает и соответствующей душой.* [2]) Поэтому, выбив изображение оленя, анимист, при помощи соответствующих магических манипуляций шамана [3]), вселяет в это изображение душу и, таким образом, получает власть над животным нужного вида в желательном анимисту направлении.

Найденные мною петроглифы «Бесовы следки» дают новый повод обратить на это явление особое внимание. Вдоль всей площади петроглифов тянется с юга на север изображение человеческих следов (попеременно то левой, то правой ногой), которые оканчиваются фигурой мужчины с весьма сильной гипертрофией фаллоса и с рукой, как бы указывающей на север.

---

[1]) Малиев Н. Отчет о вогульской экспедиции. Труды об-ва естествоиспытателей Казанского ун-та, 1873, т. III, № 2.

[2]) Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, стр. 114.

[3]) Агапитов Н. Н. и Хангалов Н. М. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Изв. Вост.-Сиб. Отд. Русск. Геогр. Об-ва, XIV, 1—2, стр. 27.

Центральная скала Пера Носа ([illegible]) [illegible] при [illegible] вѣтрѣ

Мои поиски объяснения этому явлению в литературе о шаманстве дали следующие результаты: «... У каждого Буркана и Свенна[1]), а также и у других духов существуют свои собственные дороги. Дороги бывают ночные (с запада на восток. А. Л.), южные и т. д. Движение духов происходит по этим дорогам и особенности проявления духа на человеке зависят от дороги данного духа... Знание дороги, распознание человеком, по какой именно из них пришел дух, облегчает борьбу с духами, так как по такой дороге, как по следу, можно легко добраться шаману до самого духа. (Дороги предков проходят по каменистым, мрачным местам, через горы и т. д.). По дорогам происходит постоянное движение духов и по ним же шаманы привлекают духов к себе, если в них нуждаются, и на них же происходят их взаимные и с людьми встречи... для привлечения духов делаются особые вместилища [2]), а при вместилищах обычно бывают дороги». [3])

Вся эта цитата целиком подходит к петроглифу «Бесовы следки» и к петроглифам Пери и Бесова Носов.

Все эти петроглифы тянутся полосой юг-север. При этом почти все 1000 изображений находятся лишь в полосе обмыва при ветре водой. Выше линии обмывания водой в сильные бури найдем не более двух десятков изображений.

Расшифровывая петроглифы «Бесовы следки», учтем, что каменная гряда принималась за дорогу духов, которые при переходе реки грохочут и бурлят воду. Подтверждение этому объяснению найдем в петроглифах Онежского озера, где почти все 570 изображений лежат исключительно в полосе обмывания водой при ветре (табл. 12).

Эти факты дают возможность сделать вывод, что изображения шли вдоль точно определяемой полосы, которая, повидимому, считалась дорогой духов. При этом существенно, что эта полоса точно совпадала с границами обмывания водой скалы.

Пережитки представлений о «дорогах духов» можно найти в следующих записях, произведенных не так давно в современной Карелии: «...В каждом лесу... леший. Деятельность его... напутать следов, чтобы на этот след попал человек или домашнее животное (тогда они начнут путаться и блуждать по лесу, не будучи в силах сойти с линии следов лешего—А. Л.). ...А попал человек на след... следует.... раздеться догола, да перетрясти всю одежду, — и выйдешь. А если на след попала

[1]) Духи, существующие независимо от человека, причиняющие человеку иногда зло, иногда и добро, если человеку удастся взять Буркана под свой контроль. Буркан, подчиненный шаману, делается Свенном (Широкогоров С. М., указ. соч., стр. 66).

[2]) См. там же «...вместилищем (духа) является изображение».

[3]) Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Уч. зап. ист.-филолог. ф-та. Владивосток. 1919, стр. 56.

лошадь или корова, то следует на перекрестке бросить (разные подарки. А. Л.)... и тогда пропавшее животное... возвращается». [1])

Здесь мы видим, что человек, попавший на след лешего, подчиняется его власти и начинает блуждать по «нарочно путаным» следам лешего. Следовательно, следы лешего имеют магическую силу. Еще более ярким доводом о дорогах, по которым ходят духи, является повсюду распространенное поверие у охотников карел и зырян (коми), что лешие имеют свои тропинки; если на ней, например, выстроить лесную избушку, то она в ту же ночь сгорает. [2]) Охотники тех же народов, при договоре с лешим об удачной добыче, должны были становиться на тропинку лешего и его выкликать. Отзвуки этого мы видим в рассказах пришельцев-русских, которые, как пришлые, быть может, уже «не умели» распознать «лешие тропы», а потому и остановились на «перекрестке росстани» реальных лесных троп. [3])

Мне кажется, что мое толкование является достаточно убедительным, так как значение следов в магии общеизвестно и не нуждается в подробном толковании.

Повидимому, наиболее точное объяснение древних форм подобного чародейства мы имеем в следующей цитате: «Шаманист... прибегает к содействию шамана, делающего... или рисующего... изображение, затем силой своей молитвы и приносимой жертвы—низводит (в изображение—А. Л.) дух божества, вследствие чего изображение заменяет само божество». [4])

Подобным же образом, выбив следы и изображение данного духа, анимист получал возможность «низвести дух в его изображение», получить непосредственное общение с духами, добиться от него нужных этому шаману результатов.

Лучшим способом проверки священности мест, где высечены подобные изображения, является выявление отношений туземцев к петроглифам. Сейчас окрестности карельских петроглифов заняты русскими; но и данные последними названия — «Бесовы следки» и «Бесов Нос» — намекают на некогда культовое значение этих петроглифов.

Полностью выяснить отношение местного населения к петроглифам нельзя, т. к. русские живут в этих местах примерно с XIV века. Однако, мы имеем показания об отношении сибирских народов к петроглифам: «...изображения на скалах суть

---

[1]) Олонецкий сборник, вып. IV, 1902, стр. 57.

[2]) Поверье широко распространено. В моих материалах об охоте карел и коми это поверье неизменно встречается.

[3]) Олонецкий сборник, вып. IV, 1902, стр. 56.

[4]) Агапитов Н. Н. и Хангалов Н. М. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Изв. Вост.-Сиб. Отд. Русск. Геогр. Об-ва, т. XIV, № 1—2, стр. 27.

священные изображения... Им приносят жертвы, кладут деньги, их брызгают тарасуном (вино), освящают себя перед приближением к ним, как при обращении с самыми священными предметами... Существует у бурят мнение, что изображения на скалах были священными ангонами в эпоху большого развития общественной жизни, когда устраивались общие охоты или облавы на зверей; утверждали даже, что (эти изображения. А. Л.)... представляют Сатинских богов, особых добрых существ, людей небесного происхождения, бывших шаманами и шаманками». [1])

То же самое рассказывает Александр Гумбольд об индейцах: «... Этот каскад (Варапута) славен не только высотой своей, но и множеством высеченных в камне фигур, имеющих много сходного с виденными мною на... одном из Девичьих островов... Индейцев же я не мог заставить ни угрозами, ни обещаниями хоть раз ударить молотком в эти скалистые массы... Они почитают их делом великого духа и различные, даже очень отдаленные племена, которых мы встречали, знают их». [2])

Мы можем допустить, что такое же отношение племен к петроглифам могло существовать и по отношению к карельским наскальным изображениям, судя по одинаковой топографической обстановке местоположения петроглифов в Карелии и в Америке. [3])

---

[1]) Агапитов Н. Н. и Хангалов Н. М. Там же.

[2]) Александр Гумбольд. Воззрения на природу. Магазин Земледелия и Путешествий. 1858, том II, стр. 145—149.

[3]) Местонахождение американских петроглифов аналогично карельским: «На берегу Рупунуры, там, где река эта падает беспрестанно маленькими каскадами... скалы покрыты фигурами или... близ скалы Кулимакари и т. д. Общая площадь полосы подобных изображений — 12.000 кв. метров и составляет бассейн рр. Коронтино, Ассоквабе и Ориноко». Там же.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Петроглифы Онежского озера

Примерно на середине восточного побережья Онежского озера находится широкое устье реки Водлы (она же Шала), которая несет воды из большого Водлозера, принимающего в себя многие мелкие речки. Шальское рыболовство до сих пор самое значительное на Онежском озере.

С устья реки виден на горизонте длинный мыс. Он отделен от устья ровной полосой песчаного берега. Надо пройти километров пятнадцать, чтобы добраться до семи гранитных мысов. Из этих семи гранитных языков четвертый выдается далеко в озеро. Крайние мысы — первый и второй, а также шестой и седьмой — матового, темно-серого цвета. Три центральных яркокрасного цвета с полированной поверхностью, ослепительно блестящей на солнце. Позади седьмого мыса опять на два десятка километров тянется ровная полоса песчаного берега. Два самых крайних из этих семи «носов» ничем не выделяются от любых мысов Онежского озера. На остальных находится около шестисот изображений, составляющих так называемые «Олонецкие петроглифы». Упоминание о них можно найти во всех основных работах на европейских языках.

Почему появились наскальные изображения на этих мысах, а не на каком-либо ином месте Онежского озера? Прежде всего, они находятся вблизи крупнейших промыслов рыбы для всего южного, восточного и северного берегов Онежского озера. С устья реки Шалы отчетливо видишь синеющий Бесов Нос. Следовательно (по логике анимиста) и Бесов Нос «видит» в свою очередь тех, кто промышляет в районе устья. Далее, где как не в районе Бесов Нос — Пери Нос раньше других мест открывается озеро? В какие полыньи на восточном берегу озера прежде всего опускается для кормления прилетная дичь? Затем, разве не удивительна для анимиста группировка семи мысов, из которых три центральных ослепительно блестят на солнце? В то время как остальные боковые пары мысов — темно-серого цвета — шершавые и неприглядные, эти три центральные мыса яркого красного цвета, глянцевидные, действительно напоминающие разрез куска мяса. Все эти

обстоятельства, для европейца XX века будто бы ничего не стоющие, несомненно сыграли роль в представлениях анимиста древней Карелии.

Что эти моменты учитывались ими, говорят цифры выбитых на мысах изображений.

На 1-м мысе	— Товстуха (черного цвета)	изображений нет.		
,, 2-м ,,	— Карецком (черного цвета)	,,	44[1]).	
,, 3-м ,,	— Пери Нос (красного цвета)	,,	308.	
,, 4-м ,,	— Бесов Нос (красного цвета)	,,	114.	
,, 5-м ,,	— Кладовце (красного цвета)	,,	27[2]).	
,, 6-м ,,	— Гажьем (черного цвета)	,,	12.	
,, 7-м ,,	— Толстом (черного цвета)	изображений нет.		

Таким образом, количественное сосредоточие петроглифов будет на мысах Пери и Бесов Носы. Показательна численность соотношения: на трех мысах красного цвета с глянцевитой поверхностью — 462 изображения, в то время как на двух мысах черного цвета их только 56.

КАРЕЦКИЙ НОС

Петроглифы этого мыса приходится делить на ряд мелких групп. Крайняя с севера, в числе 12 изображений, выбита на площадке яркокрасного цвета. При каждом волнении озера она заливается водой. 12 изображений расположены с севера на юг, быть может, имеют между собой увязку какой-то единой идеи. На это есть ряд указаний, так например, головы всех четырех птиц и нос единственной лодки обращены на юг и на юго-запад, все три капкана и колющее орудие повернуты на юго-восток. На восток направлена бегущая фигура человека. Композицию в целом прочитать пока не удается. Созданная мною некая гипотеза требует еще многократной проверки.

Всматриваясь в петроглифы, выбитые уже на самом мысу, не трудно подметить центральное изображение.

Лоси, на мой взгляд, играют такую же ведущую роль на Карецком мысе, как прилетная водяная птица на самом южном мысе — Кладовце. На правильность этого вывода указывают следующие данные.

В центре Карецкого мыса выбиты в близком друг от друга соседстве 14 изображений, составляющие две группы лосей

---

[1]) Севернее Карецкого носа на маленькой площадке яркокрасного цвета выбито 12 изображений.

[2]) На Кладовце уцелел лишь небольшой кусок поверхности гранита, насыщенный изображениями; остальная часть отколота и, повидимому, уже давно сползла в озеро.

(пара лосей во время течки и охота на них с лодок) и, наконец, любопытнейшее изображение «хозяина» этих животных.

Следующая группа из трех изображений дает волка, капкан и лебедя.

Последняя, самая южная, группа, отдаленная от всех других десятком метров, состоит из двух капканов, оленя и, опять-таки, изображения «хозяина» с мордой оленя.

К северу от центральной группы из 14 изображений находится композиция, комбинированная из следующих элементов: 6 капканов, 6 птиц, 3 лося, 2 изображения людей и 3 не поддающихся расшифровке фигуры. В данной группе ведущую роль занимают два лося (один—головой на северо-восток, другой — на юго-запад), так как, например, изображение, повидимому, чем-то придавленного человека (по В. И. Равдоникасу— это фигура женщины с колоссальными грудями) в два с половиной раза меньше величины каждого из этих животных.

Таким образом, петроглифы Карецкого носа составляют следующие слагаемые: лоси, капканы, духи («хозяева») лосей и оленей, дичь, три лодки, три человекоподобных изображения.

Уже сама территориальная разбросанность 55 петроглифов этого мыса, делящихся на 5 отдельных групп и 4 одиночных изображения, доказывает, что нет общей композиции, которая так видна на ведущих скалах Пери Носа и Бесова Носа.

Но, все же, все эти группы и отдельные фигуры связаны одной общей идеей. Так, например, все изображения лосей и оленей (кроме двух) обращены головой на юг. В эту же сторону повернуты головой все птицы (за исключением выводка сухопутных птиц, выбитых самыми крайними к воде). Это обстоятельство, конечно, не случайно. Магическое значение громадного большинства изображений (на Онежских петроглифах, я полагаю, почти всех) не подлежит сомнению. Поэтому, приданное направление таким объектам промысла, как лось и дичь, конечно, имело свою определенную цель. В данном случае, очевидно, было стремление притянуть к югу (очевидно, в район петроглифов, т. к. Карецкий нос самый крайний с севера) этих наиболее значимых для охотника животных. В этом, я полагаю, основной смысл изображений Карецкого мыса.

Для какой цели художники стремились «притянуть» этих животных, показывает любопытнейшая деталь: ни одно изображение не выбито целым; каждое из них имеет ранение, которое на языке пиктографической символики показывается недовыбитостью контура (табл. 13).

Здесь же, благодаря наличию этих животных, получают свою расшифровку две фигуры хозяев этих животных (один из них имеет лосиную, другой оленью голову), значение которых В. И. Равдоникас так досадно затушевывает, называя их

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Метательное орудие, пронзившее лебедя (Пери Нос, скала, вывезенная в Ленинград)

в своем описании «человек в звериной маске» [1]) относя их в весьма туманную категорию «вообще» тотемических образов. На самом деле, это те самые «хозяева» животных, от которых зависит дать или не дать охотнику добычу. В. И. Иохельсон [2]), давая описание этого культа, приводит молитву одулов (юкагир), которая четко выявляет роль и функции этих духов:

«Лося хозяин, отец, пожалей, сердце, сделай! Нас не убивай, на наши мучения смотри! Раньше нас как питал — этого не оставляй».

В трех строчках сконцентрировано все существеннейшее в этом, несомненно наиболее древнем культе охотников. Эта же форма совершенно точно определяет, зачем выбиты животные с ранениями разных частей тела (морда, грудь, передние, задние ноги). Не случайно, что изображение одной пары лосей опрокинуто кверху ногами. Как показывают изображения птиц около фигуры «беса» на Бесовом Носу и в ряде других мест, этим положением символизировалась смерть.

Чтобы не возвращаться более к лосям, отметим еще ряд существеннейших моментов, не замеченных ненаблюдательным глазом городского жителя [3]).

Две пары лосей изображены, повидимому, в период течки. На это очень четко указывает, в особенности, пара опрокинутых на спину животных. Но и другая пара, судя по морде заднего животного, находится в том же положении. При этом эти лоси несомненно соединены с изображением двух лодок. На это указывают два орудия, у которых функции колоть как копье, и глушить как булава [4]). Одно из этих орудий, обращенное тупым концом к лосям, вынудило художника грубо исказить пропорции туловища переднего зверя, т. к. иначе задняя нога совпала бы с линией орудия (табл. 14, фиг. 1).

Что этот, по определению В. И. Равдоникаса, объект «солярного культа» на самом деле является охотничьим снарядом, доказывается его повторением опять же на охоте на лосей с лодки (табл. 14, фиг. 2 и табл. 19, фиг. 11 и 17). Там этот промысел на лосей определен мною как осенний. Очевидно, и здесь

---

[1]) См. Наскальные изображения Онежского озера, стр. 41, 44.

[2]) Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, СПб., 1900 г., стр. 123, примечание 5.

Об этом культе написано немало, например, Штернбергом Л. Я. в аналогичных материалах по гиляцкому языку, СПб, 1908, стр. 157, примеч. 8 и т. д. Целые страницы посвящены этому культу Штернбергом в «Первобытной религии», изд. в 1936 г.

[3]) У Арсеньева в его книге «В дебрях Уссурийского края» герой хорошо говорит автору: «Твоя глаз имеет, но твоя ничего не видит».

[4]) В. И. Равдоникас про эти орудия отмечает, что они им не расшифрованы, но в то же время он их относит в категорию культовых об'ектов солярного культа.

мы имеем ту же самую пору. Это подтверждается тем фактом, что течка и случка у лосей (как и у оленей) происходит в сентябре.

Мне кажется, что основная масса изображений, точнее общий смысл этих изображений, приурочен к осенним промыслам. Тогда нам сделается понятным, почему фигуры птиц и лосей обращены к югу. Для птиц это — пора отлета, для животных — время отхода от берегов водоемов в леса. Этот процесс миграции, вызывая необходимость перехода реки лосями, создавал промысел за ними с лодок.

Не задерживая внимания на ряде несущественных деталей, остановимся в заключение лишь на трех изображениях людей (табл. 15).

Самая южная фигура из всех петроглифов Карецкого Носа — человек, повидимому, бегущий по направлению с севера на северо-восток. Странная форма рук дает возможность допустить прием сильного ракурса. Можно полагать, что он ранен в нижнюю часть ноги (табл. 15, фиг. 2).

Вторая фигура, по определению В. И. Равдоникаса, —женщина. Это опять досадная ошибка. Ссылка исследователя на палеолит его не спасает, так как на палеолитических статуэтках груди все-таки не занимают всего туловища от горла до самого низа туловища. Повидимому, фигура не в состоянии «адорации», т. к. на ней явственно лежит тяжесть (табл. 15, фиг. 3).

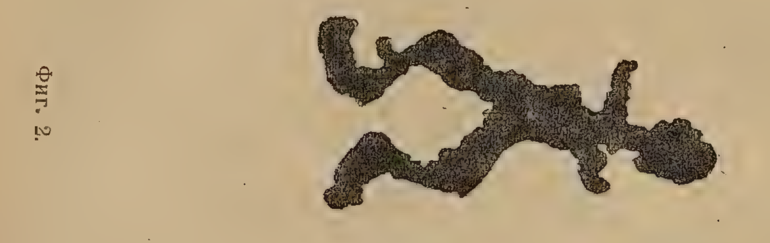
Материалы по охотничьим племенам, изданные Л. Я. Штернбергом, В. Г. Богоразом, В. И. Иохельсоном и рядом других, дали нам большое количество преданий по народам Дальнего Востока, Сибири, Поволжья и славян, указывающих на существование некогда человеческих жертвоприношений. Поэтому законно допустить (в виде предположения) жертвоприношение.

Третье изображение человека вызывает у меня наибольшее смущение. Показаны две совершенно разные конечности, причем обе из них имеют ступни разного стиля, что нигде больше не встречается. Бедро правой ноги, на мой взгляд, носит следы ранения. Очевидно, то же самое показывает рука, потому что там, где подобает быть бицепсу, есть лишь тоненькая полоска, а кисть равняется всей длине руки. Объяснение В. И. Равдоникаса, что «левая рука утрачена», думаю, более, чем ошибочно. Как может утратиться часть выбитого на камне изображения, если на этом месте нет выбоины и кругом на многие метры тянется поверхность гранита? Единственный вариант — левая (?) рука вообще не была выбита (табл. 15, фиг. 4).

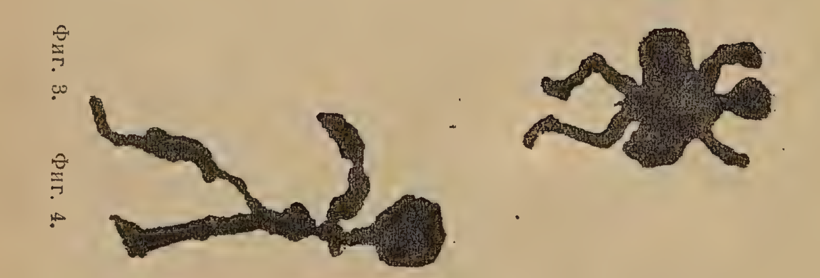
Не касаясь отдельных любопытных моментов, резюмируем все выше сказанное:

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3. Фиг. 4.

1. Карецкий нос дает изображения, повидимому, относящиеся целиком к осеннему периоду.

2. Таким образом, возникает гипотеза (которая в дальнейшем получит подтверждение), что отдельные скалы были посвящены определенной тематике.

3. Последняя, в свою очередь, дает указание на различие магических действий.

4. Можно думать, что функции петроглифов были значительно более разнообразные, чем это можно предположить путем механического переноса действий жителей Енисея, Северной Америки, Австралии и т. д.

Как покажет изучение следующих носов, все эти положения в дальнейшем получат подтверждение.

ПЕРИ НОС

1. Полосой примерно в полтора километра тянется овал песчаного берега, образуя бухту между Карецким мысом и более южным — Пери Носом.

Пери Нос любопытен не только тем, что на нем примерно 60 процентов общего числа изображений Онежского озера.

Бесов Нос ничем не выделяется от других, кроме своего выхода дальше других мысов в озеро. Пери Нос состоит из шести мысов, причем все они, кроме одного пятого, имеют то или иное количество петроглифов, которые концентрируются примерно в семи группах.

Помимо тех или иных композиций, дающих материал, исключительно ценный не только для народов севера нашего Союза, мыс Пери Нос дает весьма много двумя моментами в своей топографии и названии.

Если встать на вершину Носа лицом на юго-запад, то предпоследний к югу мыс (пятый по счету В. И. Равдоникаса) окажется замечательно похожим на голову гигантского пресмыкающегося, а мысы четвертый и шестой будут похожи на лапы. Если, не сходя с данной точки, повернуться на 180°, то мы увидим каменный выступ (первый мыс), действительно напоминающий хвост. В главах о поводах возникновения и причинах появлений петроглифов я отмечаю значение этих фантастических очертаний для представления анимиста.

Чем можно доказать мое положение, что фантастические формы пятого мыса Пери Носа обращали на себя внимание анимиста древней Карелии? Этот пятый мыс Пери Носа, имеющий очертания головы пресмыкающегося, отличается от всех остальных тем, что на нем нет наскальных изображений. Зато они имеются на окружающих мысах. Почему в то время как на Пери Носу выбито свыше 300 петроглифов, никто из многочисленных художников древности не нашел нужным вы-

бить ни одного изображения на пятом мысе? Очевидно, необычайная форма скалы ассоциировалась с представлением о чудовище. В главе о «причинах возникновения петроглифов» я дал ряд примеров, как относились охотничьи племена Дальнего Востока, даже в конце XIX века, к подобным явлениям природы.

Можно полагать, что этот пятый мыс Пери Носа, равно как мыс одного из островов Гурьи, послужил одним из поводов создания святилища, мысы которого постепенно покрылись свыше чем полтысячей рисунков.

Второй момент — название носа словом Пери. Это слово из двух слогов замечательно тем, что мы найдем его у ряда племен. Переход П в Б, фонетические изменения в гласных — явление, не меняющее факта. Обозначение понятия духа:

по-фински { —per-kel — чорт,
—pir—u — чорт,

по-эстонски—per-qel+i — чорт,

по-удмуртски—луд-пери[1]) — дух, посылающий с ветром болезни,

по-удмуртски—корке-пери[2]) — дух, поражающий болезнями,

„ —тöл-пери[3]) — в ветряных смерчах двигающийся бес,

по коми—тыл-пери — вихрь, злой дух,

„ „ —перио[4]) — бесноватый,

„ „ —пери[5]) — богатырь, герой Коми эпоса,

по-пермяцки—пера[6]) — богатырь, убивающий лешего,

по манси (вогульски) — порымахум[7]) — медведь, одна из двух вогульских фратрий (брачных племенных группировок), по манси (вогульски)—эква-пырищ[8]) — „женщины сынок“ — герой многочисленных сказок,

по манси (вогульски) — эква-пырищ — некогда мифический гусь-божество,

по манси (вогульски) — пори — жертвоприношение,

---

[1]) Верещагин. Вотские боги. Известия Архангельского об-ва изучения русского севера, 1911, № 7, стр. 571.

[2]) Там же.

[3]) Емельянов А. И. Курс этнографии вотяков, 1921, стр. 140.

[4]) Лыткин Г. С. Зырянский край и зырянский язык, СПб, 1889, отд. 2-й, стр. 141.

[5]) Лит. альманах «Парма». М. 1935, стр. 282, стр. 22. Богатырь боролся с Вöрсой — лешим.

То же, журнал «Коми-Му». 1925, № 1 (II), стр. 29.

То же, «Коми-Му», 1926, № 5 (27), стр. 38—42.

[6]) Сидоров, журнал «Коми-Му», 1927, № 1-2, стр. 46.

[7]) Чернецов В., Вогульские сказки. Л. 1935, стр. 16.

[8]) Чернецов А., там же.

по-ненецки (самоедски) — Пуре[1]) — река в районе низовских ненцев,
по-чукотски — перу-тэн[2]) — окаменевшее морское божество,
в районе Белого моря — беля[3]) — этим словом накликают во время штиля ветер,
по-славянски — пер-ун, перк-ун — божество грома,
по-персидски — peri — русалка[4]), иногда злой женский дух.[5])

Любопытно, что у ряда народов, отделенных друг от друга большим расстоянием, эти два слога часто означают одно и то же, например, понятие о хищном звере:

по-марийски — pire[6]) — волк,
по-турецки — bori[7]) — волк,
по-шумерски — peri-g — лев.

Кроме того

по-чувашски — pəru[8]) — теленок.

Тот же корень у других народов звучит как нечто положительное:

по-марийски — porэ[9]) — добрый,
по-фински — pares — лучший, благо,
по-мордовски — parэ[10]) — лучший, благо,
по-чувашски — pare[11]) — давать, дарить.

У других народов эти два слога означают ближайшую родню:

по-персидски — pir[12]) — старец,
по-удмуртски — peres-lubэ — дедушка,
по-удмуртски — peres mumэ — бабушка,
по-французски — pére — отец,
по-этрусски — par — отец.

---

[1]) Об'яснительная записка к этнографической карте Сибпри. КИПС Ак. Наук СССР, 1929, № 17, стр. 41—42.

[2]) Кушнер (Кнышев), Первобытное общество, 1925, стр. 320—321, заимствовано от Богораза и Иохельсона.

[3]) Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929, стр. 13.

[4]) Марр Н. Я., Этно- и глоттогония Восточной Европы, 1935, стр. 504.

[5]) Сто великих людей. Кн. I. Зороастр, СПб., 1894, стр. 27.

[6]) Марр. Н. Я., цит., соч., стр. 564.

[7]) Там же, стр. 574.

[8]) Там же, стр. 564.

[9]) Там же, стр. 564.

[10]) Там же, стр. 566.

[11]) Там же стр. 574.

[12]) Марр Н. Я., Этно- и глоттогония Восточной Европы, 1935, стр. 572.

Все остальные слова взяты из того же тома.

Это сравнительно многочисленное перечисление одного и того же слова,[1] точнее слогов, начинающихся П и Р или Б и Р, показывают три смысловых обозначения. Мне кажется, что самое древнее значение — понятие о родне; затем наименование ряда божеств, вначале связанных с понятием о благе, а у народов севера оно стало ассоциироваться с представлением о ветре, вихре. Третье значение—при развитии теротеизма (поклонения животным) этим словом кое-где стал обозначаться самый сильный и страшный представитель местной фауны: на севере — волк, на юге — лев.

Законно предположить, что у неизвестного племени, заселявшего древнюю Карелию, эта местность могла называться Пери — означавшее духа вихря, точнее ветра. Так, в мифологии удмуртов существовала целая семья духов, называемых Пери и живших кто у воды, кто в конюшне, на дорогах и т. д. Сведения о них очень скудны: они напоминают русских водяных, леших, ригочников, скотников и т. д.: «Толь-Пери... рисуется в тех же очертаниях, как и другие стихийные духи... имеют человекообразную природу; живут под водой... о приближении Толь-Пери свидетельствуют черные тучи... Тыл или Тольк или Тольчил Пери... является духом вихря, всесокрушающего на своем пути»[2]).

Культ подобного духа, о приближении которого свидетельствуют черные тучи и который является духом вихря, вполне уместен на мысах, вдающихся в такое бурное озеро, как Онежское.

Одна из черт Толь-Пери также очень подходит к петроглифам Пери Носа, где целая отдельная скала (мыс шестой) посвящена охотничьим капканам. «Один человек пошел в лес ставить капканы для зайцев. Вдруг, откуда ни возьмись, идет на него Толь-Пери, крутит... свету не видно. Мужик испугался и бросил в него ножиком, который пропал в воздухе». Затем Пери наказывает человека и говорит: «Я сделал тебе зло, потому что ты бросил в меня ножом и ранил меня в то время, когда я помчался, чтобы загнать в твою западню зайца».[3])

Если дух Пери и Бесова Носов имел аналогичные функции духу Пери у сарапольских удмуртов, то тогда делается понятным смысл изображения 61 капкана самых разнообразных форм.

Естественно, возникает вопрос, почему именно явление вихря могло доминировать в многочисленном пантеоне охот-

---

[1]) Зеленин Д. К. Табу слов... Сборник МАЭ, т. IX, стр. 40. обозначение волка у народов Поволжья и Алтая.

[2]) Богаевский П. М. Очерки религиозных верований вотяков. Этнографическое Обозрение, 1890, № 4, стр. 61—64.

[3]) Богаевский П. М., цит. соч.

[illegible] 1886 г. [illegible] Пер Несс, в 1900 г. [illegible] в Гос. Эрмитаж (Ленинград).

ничьего племени? Слово Пер, как видно из перечисления, было и у славян, эстонцев, финнов, в Карелии, у ненцев, коми, пермяков,[1]) у народов Поволжья, удмуртов, мари, чуваш, вогул и даже на Чукотке, — за десяток тысяч километров. Вопрос о слове, которое охватывает такую грандиозную территорию, требует особого исследования. Здесь же я считаю нужным лишь разъяснить значение явления вихря для охотника-анимиста.

Для рыболова, обитателя приморского побережья, вихрь-ветер означает очень многое: это жизнь, так как на берег выбрасывается обильная добыча, и это же смерть, когда опрокидывается примитивная лодка. Отсюда и почитание ветра у прибрежных племен: эстов, финнов и, очевидно, ненцев, которые некогда, повидимому, захватывали все побережье Белого моря и Ледовитого океана. Европы и части Сибири.

Распространение культа вихря-ветра у охотничьих племен внутренних водоемов не трудно объяснить тем же значением этой стихии природы. Для жителя огромного Онежского бассейна ветер играл ту же роль, как и на море в океане. Для коми, марийца, удмурта, пермяка, манса, живущих хотя и в глухих лесах, но вдоль великих рек (Северная Двина, Вычегда, Мезень, Волга, Ока, Кама, Обь), ветер в такой же степени влияет на рыболовство. Кроме того, все явления четырех времен года связаны с усилением или ослаблением действия ветра. Осенние бури, зимние вьюги, безветренное затишье лета — именно от этого, в первую очередь, зависит примитивное хозяйство рыболова и охотника. Десятки для нас незаметных моментов были весьма ощутимы для анимиста. Привожу выписку из статьи половины XIX века. «Зыряне видят присутствие и действия лешего в кружащемся вихре, под прикрытием которого он несется в свисте и вое, бывающем во время сильного ветра; в скрипе сухих шатающихся от ветра деревьев; в бое древоточивого червя; нередко в эхо, раздающемся от стука; в тени идущих облаков; в плеске волн; в далеко слышных уханьях и песнях соотчичей своих и, наконец, занятые мыслью о леших, в собственной тени». [2])

Весьма существенный момент — выявление, что, например, манси (вогулы) делились на две брачных секции, из них одна именовалась Поры-махум. Именно на мысе Пери Нос, и нигде больше, мы находим три соответствующих момента: лишение девственности специальным орудием, т. е. дефлорация, сцена— мужчина в состоянии эрекции бежит за женщиной и, наконец, комбинированный образ coitus'а и деторождения. Эти

---

[1]) Пермяк, конечно, от слова Пермь, которое, очевидно, происходит от слова Пер-ма, т.е. земля Пера. Таким образом, слово Пер будет племенным названием.

[2]) Вологодские Губ. Ведомости, 1859, № 4, стр. 32.

три петроглифа, взятые в соответствующей между собой связи и, в особенности, композиция неоспоримой дефлорации, являются указанием на возможность существования брачных фратрий в эпоху петроглифов. Конечно, нельзя говорить безапелляционным тоном о бытовании такого сложного института лишь на основании одной сцены лишения девственности, но подобный петроглиф все же является намеком.

Подводя итоги вышесказанному, учитывая значение очертаний пятого мыса Пери Носа, учитывая также слово Пери, как некоего духа, кое-где превратившегося в национального богатыря (финны, эсты, коми, удмурты, пермяки, манси), мы можем предполагать, что группа скал Онежского озера в эпоху петроглифов была святилищем. Это положение после приведенных в ряде глав дополнительных аргументов о священном значении петроглифов, хочется надеяться, может быть зачисленным в фонд проблем, разрешенных советской наукой.

2. Обстоятельство, что мысы Пери Носа имеют более трехсот изображений, в том числе сорок композиций и отдельных фигур людей и «духов», гарантируют большой интерес для науки памятников этого Носа. Действительно, даже то, что удалось расшифровать в области первобытной психики и ее своеобразных законов мышления, является крупным вкладом в представление о неизвестной и, казалось бы, бесследно исчезнувшей культуре. Благодаря композиции из 58 фигур на центральной скале этого Носа (вывезенной в 1935 г. в Эрмитаж) мы получаем невыявляемый никакими иными путями ряд несомненных доказательств степени развития мышления эпохи петроглифов.

Уже указывалось, что Пери Нос имеет в основном семь групп изображений и ряд отдельных композиций, а также одиночных фигур.

Мои многочисленные попытки, примерно с 1926 г., увязать эти раздробленные группы в нечто одно целое до сих пор оканчивались неудачами.

Эти неудачи легко объясняются тем обстоятельством, что, конечно, свыше 300 изображений не появились одновременно, в виде какой-то единой композиции. На ее отсутствие указывает само расположение изображений то тесными группами, то отделенными друг от друга пустыми пространствами, то скупо заполненными отдельными фигурами разного масштаба. Непропорциональность их величины, прежде всего, указывает на разновременность появления петроглифов.

Я полагаю, что весь мыс в целом своими свыше чем 300-ми изображениями должен дать больше, чем я располагаю.

Все же достигнуто уже многое. Мною расшифрованы две основные по численности группы (центральная скала, находя-

Центральная скала Пери Носа, вдали Бесов Нос.

щаяся в Эрмитаже, и самый южный мыс), постепенно расшифровывается группа, примыкающая с юга к центральной скале. Однако, все же не удается понять содержания всей скалы в той степени, как можно понять общий смысл изображений Карецкого Носа, Бесова Носа и Кладовца. В силу этого я затрудняюсь, в каком порядке давать описания и изображения Пери Носа. Поэтому начну с описания центральной скалы Пери Носа. Наибольшая сгущенность изображений и топографические данные указывают, что эта скала является ведущей на мысе Пери Нос (табл. 17).

Почти квадратная, метра два с половиной на три, скала, возвышаясь на метр от уровня воды, совершенно гладкая, с легким скатом посередине, являлась крайним выступом в озеро.

Путешественники, в частности те, кто открыл Пери и Бесов Носы, т. е. Швед и К. Гревингк, при описании петроглифов Онежского озера делали зарисовки (весьма фантастические) Бесова Носа и этой скалы Пери Носа (табл. 1). Изображения остальных мысов не попали в орбиту внимания исследователей.

На самом деле, две эти композиции, ныне описываемая центральная скала Пери Носа и центральная композиция Бесова Носа, действительно являются ведущими. Все остальные мысы, группы, композиции и одиночные изображения являются лишь дополнениями.

Вглядываясь в рисунки центральной скалы Пери Носа, глаз не улавливает связи между отдельными изображениями. Между тем, центральная скала Пери Носа имеет весьма стройную и очень понятную композицию (табл. 18).

Метод расшифровки общего значения всех этих 58 изображений очень поучителен для дальнейшей работы. Поэтому, я коснусь хотя бы сжато основных этапов моей расшифровки композиции этой скалы.

Первая и, может быть, основная трудность начала расшифровки — незнание, на что именно прежде всего обратить свое внимание.

Все мои многолетние попытки терпели неудачу до тех пор, пока я не отметил на планшете расположения стран света. Тогда сразу на север лег петроглиф — человек колет оленя, на юг — выводок дичи, а на восток и запад — охота на лосей с лодок, что происходит, как известно, весной и осенью. В основном расшифровка была произведена! На это потребовалось не больше минуты времени, но чтобы додуматься до такого учета стран света, потребовались годы. Сразу же сделалось понятным — композиция дает четыре охотничьих сезона в год.

Что север означал в мышлении древнего человека зиму, доказывает петроглиф — единоборство человека с оленем (ло-

Табл. 18

Табл. 19

С
Ю
восток
Весна
символ солнца
север
Зима
Осень
Лето
юг
Убитые люди
запал

сем?). Необходим глубокий снег, чтобы загнать и затем воткнуть копье или рогатину в грудь этих животных.

Юг означал лето, так как выводки бывают лишь в летнее время.

Много сложнее решить, какая из охот на лосей с лодок означает осень, а какая весну? Как читать композицию: справа налево, или, как хотелось, слева направо, т. е. начать зимой, а кончить осенью, как подсказывало направление фигур животных.

Здесь уже потребовалось больше времени, чтобы преодолеть свою тягу итти по направлению композиции. Только идя навстречу рисункам, удалось выяснить, где весенний, где осенний промысел.

Судя по расположению фигур (табл. 19), по мировоззрению анимистов древней Карелии, год начинался прилетом лебедей, которых били палками (№ 2), бумерангами, капканами. Затем со вскрытием озера с юга приходили (или отправлялись на север?) большие, дальнего плавания лодки (№ 3). Они имели примерно 16 (32?) гребцов. Начинался промысел на переплывающих реки лосей (№ 4). Животных били хвостягами (№ 5) с этих (как № 3) походных лодок, где оставалось мало (в данном случае 3) гребцов (№ 6). Повидимому, остальные были на берегу, занятые подгоном животных из леса к нужному месту реки, где их убивали (№ 7), о чем свидетельствует опрокинутое на спину животное.

После этого промысла начиналось время ловли рыбы сачками (№ 8). Происходило спаривание птицы (№ 9). Лодки отправлялись на запад, то-есть внутрь Онежского озера. Начинался сезон промысла за линяками (№ 10), которых убивали метанием острых снарядов (№ 11), а также ловили спасающихся от людей выводков (№ 12). Начиналась осень. Охотники наставляли капканы (№ 13). Вновь, теперь уже в своих местах, на небольших лодках (№ 14) начинался промысел за лосями (№ 15), их били хвостягами (№ 16) и колючими снарядами (№ 17), которые мы уже видели при подобной же охоте на композиции Карецкого Носа. Год оканчивался зимой, когда копьями били лосей и оленей (№ 18). Зимой продолжали ставить капканы (№ 19).

Таков цикл промыслов, которыми заполнялся год у населения эпохи петроглифов. Как видим, рассказ идет совершенно плавно, и соответствует общеизвестному промысловому круговороту охотничьих времен современного крайнего Севера.

Нет смысла подробно останавливаться на принципиальной ценности такого документального подтверждения занятия древнего общества севера (не только нашего, но, очевидно, значительно шире). Выбитые изображения на данной скале Онежского озера, таким образом, являются из числа памятни-

Табл. 20

ков севера, древнейшей летописью годового цикла существования охотников северной Европы.

Обратим теперь внимание на те фигуры в центре композиции, которых мы не коснулись, чтобы не нарушить плавной смены сезонных промыслов. Над композицией (весенний промысел за лосями) на одном уровне с хвостягой (№ 5) выбито изображение лосиного рога. Олени и лоси, как известно, сбрасывают рога весной. Таким образом, этот петроглиф подтверждает правильность моего чтения.

На другой стороне хвостяги даны изображения лодки, которая по своей форме резко отличается от всех других лодок особой высокобортностью. На мой взгляд, это является показателем ее пригодности к плаванию на относительно дальние расстояния. Но в лодке только пять человек. Что хозяева района Пери Носа относились к людям этой лодки с неблагожелательностью, свидетельствует выбоина у самой морды лося, которой по традиции украшена лодка. Кроме того, у самой лодки выбит контур метательного камня. Враждебность магических действий к пришедшей с юга лодке, повидимому, вызвана нежелательными действиями пришельца. Только этим можно объяснить уникальный случай повреждения части лодки. Чем вызваны подобные действия?

Эта лодка находится в одном ряду и обращена носом к сцене дефлорации. Учитывая, что основным сюжетом «Калевалы», народного эпоса, является добывание женщин — будущих жен, законно допустить подобную гипотезу, как наиболее подходящую к этому случаю догадку (табл. 20).

Сцена дефлорации, о которой я говорил при упоминании названия Пери, не вызывает никаких сомнений в подобной расшифровке. Распростертая фигура имеет явно вырисованные груди горизонтальной (не отвислой) формы, а рука другой фигуры, вооруженная длинным узким орудием, направлена прямо в область гениталий. У второй фигуры любопытная деталь — плоская грудь и резко отвисший живот — имеет все данные быть расшифрованной, как старческая фигура женщины. Голова девушки, кстати сказать, повернута в сторону поврежденной лодки. Весьма распространенный на петроглифах Онежского озера жест для фигуры en face — правая рука поднята, левая опущена вниз — мною не расшифрован.

С другой стороны сцены дефлорации помещено изображение человека, пляшущего над фигурой гуся (или большой рыбы?). Зная прием изображения мужчин и женщин, легко определить пол: это пляшет мужчина, у которого широкая грудь и узкий таз.

Немного в стороне фигура, расшифровываемая мною как топор. Правильность такого понимания подтверждает несомненное изображение молота в композиции — охотник и

Центральная скала Пери Носа. Композиция весеннего промысла.

собака преследуют лося. Фигура пляшущего человека помещена над изображением лосиного рога, а последний находится над носом лодки, под которой лежит убитый на промысле лось (табл. 21).

Подобная компановка дает право увязывать одно изображение с другим, что в результате приводит к гипотезе о существовании особого брачного периода (обычного при экзогамии и при существовании брачных фратрий) в весенний период после коллективного промысла.

Это указывает на проведение весенних промыслов не одной узко родственной группой, что, повидимому, видим на осеннем промысле, где за теми же тремя (то-есть многими) лосями в лодке только четыре гребца. Величина лодки указывает на законность предположения (табл. 19, фиг. 3-6 и 14)

Если в осеннем промысле участвовало только четыре гребца, то почему в весеннем должно быть в несколько раз больше? Композиция весеннего промысла показывает только трех гребцов на лодке, явственно для них чрезмерно большой. Зная промежуток места между двумя гребцами в этой лодке, мы видим, что она вмещает 9—10 парных гребцов (если каждый гребет одним, а не двумя веслами). Где же остальные 6 (12) человек? Очевидно, на берегу, занятые загоном животных в реку. А почему тогда на осеннем промысле промышляли на маленькой лодке с четырьмя гребцами? Можно полагать, что животных также загоняли в воду, но, повидимому, сгонщиков не надо было подвозить на лодке, так как они были местными. Следуя этим логическим выводам, можно допустить, что весенний промысел, при котором применялись большие лодки, был периодом съезда чужеземных людей.

Связанность одних изображений с другими дает возможность допустить, что в это время (после промысла) происходили брачные торжества, к которым подготавливали девушек путем предварительной дефлорации.

Таким образом, центральная скала Пери Носа дает сравнительно большой полноты картину быта населения. Путем сопоставления одного изображения с другим мы получаем большой ряд догадок, большей частью подтверждаемых тем или другим логическим выводом. Эти данные имеют ту ценность, что их никогда не может дать раскопочный материал. В этом зиждется особое значение петроглифов, в особенности для эпохи неолита.

Было бы ошибочным полагать, что только эти данные можно получить из композиции центральной скалы Пери Носа. Мы не рассмотрели крайние, т. е. самые восточные и самые западные изображения.

На западе мы видим две композиции, из них одна допускает разные варианты расшифровки. На первой — человек, за-

щемленный громадным, в его рост, капканом (табл. 23, фиг. 1). Другая композиция значительно сложнее. В ней три фигуры и дополнительные к ним изображения, в моем чтении, являются изображением актов двух смертей. Внизу мы явственно видим человеческое тело en face с расставленными ногами, одной рукой держащееся за голову и поднятой вверх другой, на что-то указывающей. Ее тело (живот? гениталии?) соединены тонкой, вверху раздвоенной линией со странной фигурой, больше всего похожей на так называемые «пермские образки» (два крыла, по-птичьи круглая голова, повидимому, с клювом на левой стороне). Этот «образок» в данном случае может являться символом души — он наглухо соединен сплошной овальной тонкой линией с человеческой фигурой. Вверх поднимается отросток, оканчивающийся утолщением, из которого под прямым углом в левую сторону исходит другая линия в виде ремня, охватывающая за шею человека и загибающаяся затем вниз. Человек вызывает большое любопытство. Голова у него повернута лицом влево и кажется или птичьей, или на нее надет тип глухого шлема с прорезью около носа. Грудь, повидимому, ранена. В области гениталий показан или непропорционально большой фаллос, или меч, на ноге тонким пунктиром выбито подобие шпор. (Иного обозначения для овальной линии, выходящей из пятки, не подобрать) (табл. 22).

Конечно, образ рыцаря со шпорами кажется совершенно невозможным для петроглифа, датируемого неолитом. Однако, все: голова, мечеобразный отросток, шпоры и, наконец, конфигурация спины совершенно несвойственны манере изображения всех остальных людей на петроглифах. Смущает еще одно обстоятельство: человек явственно мертв (без рук, как и у попавшего в капкан). При этом он повешен и имеет рану в груди. Очевидно, это не единоплеменник тем, кто владел этой местностью. Закон родового общества не знает, в большинстве случаев, кровавой расправы со своим сородичем. Странного вида человек связан с композицией, весьма напоминающей могилу.

Допустим вариант: чужеземец убил туземца и подвергся расправе. Рана на груди и повешение указывают на правдоподобие такой гипотезы.

Итак, на западе мы видим изображение смерти. На противоположной стороне — на востоке — мы найдем, повидимому, символическое изображение солнца (двойной круг с зигзагообразной линией внутри него (табл. 23, фиг. 2). В непосредственной близости находится замечательная композиция: мужчина соединен фаллосом с женской фигурой, у которой из области гениталий выходит линия (пуповина?), заканчивающаяся изображением ребенка (табл. 33).

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Следовательно, запад ассоциировался у творцов петроглифов со стороной смерти, а восток означал рождение. Любопытны при этом непосредственные доказательства, что люди той эпохи понимали связь между половой жизнью и деторождением. Этнография знает, что эта связь, чаще всего, постигается на поздних ступенях культуры. Таким образом, эта композиция свидетельствует о существовании представления о востоке, как стороне жизни, а также о знании причинности зачатия.

Правда, надо учесть, что быть может это памятники более позднего времени. Однако, композиция coitus — деторождения — стилистически идентична большинству изображений людей и ничем не подтверждает возможности более позднего появления.

Несколько в стороне, выступая на север, изображен человек с распростертыми руками. Под правой рукой показано животное с четырьмя короткими конечностями, со странным отростком в виде хвоста или мужских гениталий. Голова его напоминает заячью, с длинным ухом (рогом?). Животное не поддается расшифровке. Вся композиция стилистически дает резкий контраст с характером очертаний других изображений людей.

Заканчивая описание центральной скалы Пери Носа, недавно перевезенной в Ленинград, отметим еще раз, что ее расшифровка оказалась возможной лишь благодаря учета расположения стран света. Однако, этот ключ к другим композициям оказался неподходящим.

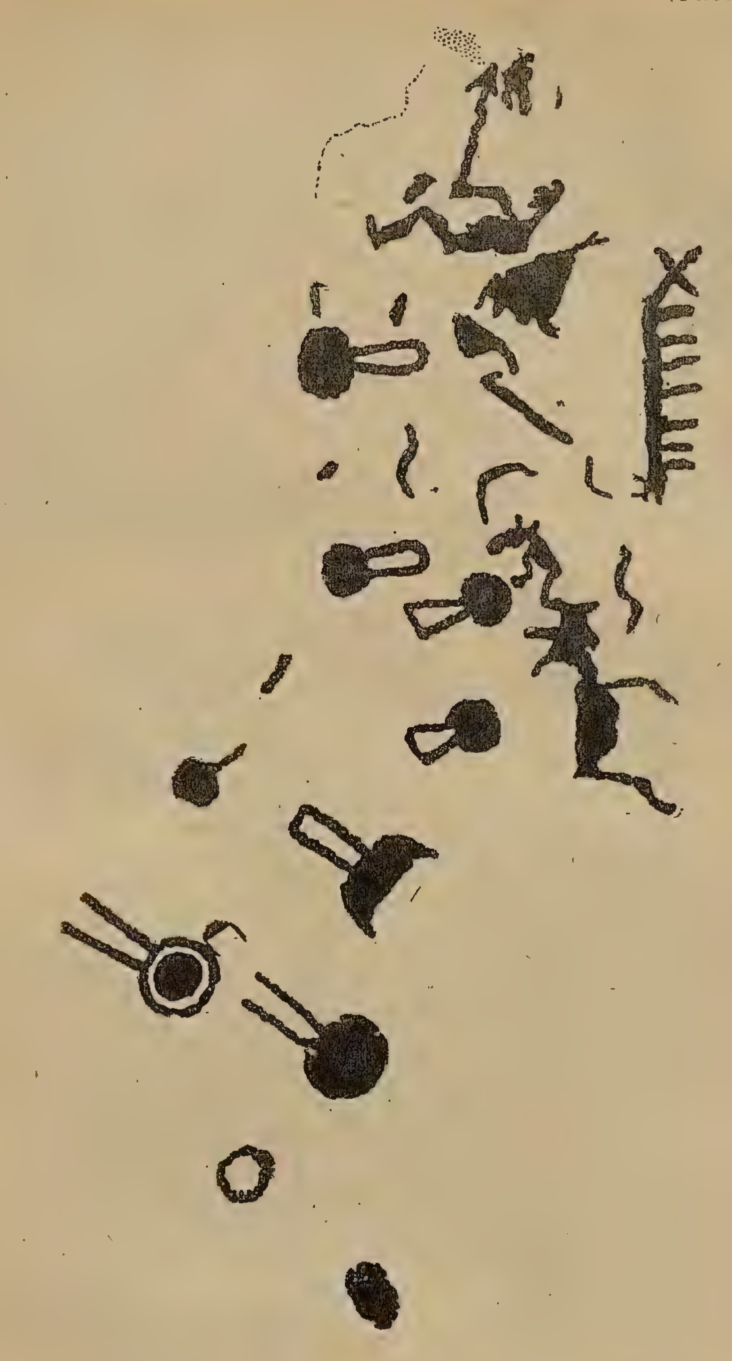
3. Следующей скалой, повидимому игравшей большое значение в культе жителей древней Карелии, надо считать самую южную, которой заканчивается группа мысов Пери Носа.

Этот мыс содержит самые многочисленные группы изображений. Их 77 рисунков и, при этом, только на одну тематику — сухопутный промысел.

Особая насыщенность скалы изображениями при наличии слабо использованных соседних площадей указывает на какую-то причину, по которой население стремилось выбить данное изображение именно на этом месте, на этом мысу.

Насыщенность изображениями одного и того же характера указывает, что данная скала была выбрана только для этого вида изображений. 60% числа всех капканов на Пери Носе и 35% числа капканов вообще выбитых на скалах Онежского озера мы встретим на этом мысу. Но кроме капканов, мы имеем ряд других изображений, опять-таки, охотничьей тематики. Вот почему шестой мыс Пери Носа я называю «охотничьей скалой» (табл. 25, фиг. 1).

Внимательно всматриваясь и сопоставляя между собой петроглифы «охотничьей скалы», нельзя не подметить любопыт-

6—1172—21

ную черту: контуры этих изображений (зафиксированные В. И. Равдоникасом за №№ 14—17), подобно вышеописанной центральной скале, выделяются высокой техникой: симметричностью, ровностью линий и т. д. В. И. Равдоникас при описании отмечает: «Изображение 52 производит впечатление выполненного при помощи циркуля». Но можно ли то же самое сказать про фигуры, занумерованные собирателем под №№ 1—13? Ассиметричность очертаний, в особенности метательных орудий (занумерованных В. И. Равдоникасом за №№ 1—13), показывают или нарочитость такой манеры выполнения или крайнюю неискусность художника.

Старательность выполнения фигур и точность совпадения между собою ряда деталей лишний раз констатирует мое указание, что мы имеем полное право доверять точности конфигурации очертания петроглифов. Иными словами. выбитый на этом мысу метательный снаряд точно передает силуэт бытовавшего у населения охотничьего снаряда.

Если не трудно понять специфику описываемой скалы, то еще нет возможности рассказать общее содержание данной композиции, хотя изображения состоят исключительно из тридцати охотничьих снарядов, двух лодок, раненого хвостягой лося, раненого выводка гусей и т. д.

Соотношение численности охотничьих снарядов к прочим петроглифам дает право предполагать, что скала вообще не имеет общей композиции. Подтверждением такого вывода служит факт, что петроглифы по своей сгруппированности распадаются на ряд самостоятельных частей.

Одна из композиций состоит из двух рядов капканов, из которых верхний ряд наставлен рычагами вниз. Кроме того, изображен особый убитый лосенок, а также ряд, должно быть, метательных палок. Тут же находится охотничий шалаш, из-под которого, повидимому, виднеется нижняя часть туловища сидящего человека, рядом с шалашом изображен охотник, колющий копьем зверя [1]). У животного показана одна голова, туловище настолько избито (?), что в настоящее время не имеет определенных очертаний. Вблизи головы охотника выбита лодка с семью гребцами. Связать между собой все эти изображения оказывается пока затруднительным. Можно допустить также другой вариант чтения этой группы, дающей любопытную композицию картинного письма. Рассматривать ее надо обычным путем, как и все рисунки Онежского озера, т. е. стоя спиной к воде. Тогда мы увидим, что у лося широко раскрытая пасть (означающая, что он ревет),

---

[1]) Небольшие продолговатые пятна величиной в ступню охотника, я считаю, означают следы охотника. След впереди охотника, быть может, означает, что промышленник, убив зверя, пошел дальше.

Фиг. 1.

Фиг. 2

впереди него лосенок. Можно понять, что они входят в место, огороженное со всех сторон капканами. Непонятные разной формы «кривули», как отделяющие капканы от правой стороны, где выбиты вниз головой изображения лодки и охотника, так и заполняющие пустоты пространства между верхним рядом капканов, будут означать валежник и жерди, составляющие изгородь. Животное, тем самым, не может выйти из цепи капканов, которая заканчивается каким-то кольцом. Повидимому, это ничто иное, как изображение ямы, обычно маскируемой в натуре жердями, ветвями или дерном (табл 24).

Вторая группа рассматривается в обычном для всех других мысов порядке, так как нижнее изображение находится ближе к воде. Эти изображения в такой же степени затруднительно увязывать между собой.

Крайняя с севера фигура является настоящим ребусом; ее можно рассматривать как до крайней степени схематизированный образ духа. К этой мысли приводит отросток, действительно законно понимаемый В. И. Равдоникасом за фаллос. В то же время эту фигуру можно рассматривать как некоего змея, и тогда фаллос превратится в какого-то зверька, сидящего на спине пресмыкающегося. Вблизи этого изображения выбита, можно полагать, рука, согнутая в локте. Я лично склонен рассматривать эту фигуру, как некоего «духа». Неискусный художник выбил руку таким образом, что локоть очутился выше лба, а потому и не был соединен с фигурой.

Минуя один под другим выбитые капканы, мы доходим до интересной композиции оленя с хвостягой, воткнутой в спину[1]). Его передняя нога почти касается громадного капкана с круглой, идеальной точности, плахой и двумя длинными рычагами (табл. 25, фиг. 1).

Следующая композиция дает исключительно любопытный образ. В капкан попал человек, на голову которого одета морда волка (?). В шее зверя показан разрез в виде невыбитой полоски гранита, очевидно, это щель, необходимая для дыхания и чтобы видеть. У ноги этой фигуры сзади наставлен один капкан, спереди — другой. Моя прежняя (периода студенчества — 9 лет назад) трактовка об издыхающем хищном звере неправильна. Это не зверь, а замаскированный человек, который инсценирует попавшего в капкан хищника. Цель подобного обряда понятна. Это из разряда, так называемой, «имитативной магии», когда путем соответствующей имитации действий, замаскированный человек воссоздает желаемый

---

[1]) В. И. Равдоникас объявляет хвостягу «солярным знаком». Размер оленя — 11 см., а «солнца» — 4 см. Это орудие, например, показано на центральной скале Пери Носа над головой переднего лося в композициях весеннего и осеннего лова с лодки (см. табл. 19, фиг. 5 и 16).

эффект — в данном случае попадание хищника (волка) в капкан[1]) (табл. 25, фиг. 2).

Теперь остается остановиться лишь на одном образе: человек с традиционно поднятой вверх правой и опущенной вниз левой рукой. При этом у него нет кисти правой руки. У его ног — непонятная фигура.

Не касаясь выводка гусей, один из которых ранен метательной палкой, не останавливаясь на разных типах охотничьих снарядов, рассматриваемых мною во второй части исследования, есть смысл остановиться на фигуре, представляющей, очевидно, ожерелье с набором предметов украшения: резцы бобра и лося, медвежий клык и коготь. Подобные находки весьма многочисленны в могильнике на Онежском озере, находящемся примерно в сотне километров от Бесова Носа.

Суммируя все вышесказанное, вряд ли можно видеть в петроглифах «охотничьей скалы» какую-либо единую композицию. Зато эта скала бесспорно указывает, что отдельные мысы посвящались определенной тематике. Последнее, конечно, делалось для лучшего обеспечения результатов магических действий. Этим, и только этим, можно объяснить именно на этой скале цепь капканов самых разнообразных форм.

4. Следующей по значению композицией будет небольшой мыс, севернее которого находилась центральная скала Пери Носа.

Общее содержание осталось непрочитанным. Не удается расшифровать, почему один лебедь убит, другой изображен с орудием ранения, а третий цел. Почему между ними проходит цепь мифологических существ и т. д.?

Зато понятна идея, связывающая все эти изображения. В сущности, вся эта композиция является как бы сборной таблицей приемов обозначения магических ранений и показа изображения разных степеней ранений и символизации смерти. Все животные показаны или ранеными, или умершими.

Так как наш глаз обычно только скользит по формам и стилистическим приемам изображения, не улавливая связи между ними, то остается лишь классифицировать петроглифы по характеру нанесения вреда изображенным на них объектам.

Виды ранения обозначаются в данной группе (как и вообще на петроглифах Онежского озера) следующими способами.

1. Животное (в данном случае лебедь, гусь, ящерица) и два мифологических существа изображены без всяких следов поранения. Затем после делались выбоины, которые вклиниваются в тело изображаемого животного или человекообразного существа.

---

[1]) У В. И. Равдоникаса дана иная расшифровка: «изображение, обращенное влево (к северу), человек в маске рогатого животного и с лунарным знаком в руках».

Фиг. 1.

Фиг. 2.

2. Выбивается изображение с таким расчетом, что оно пересекает естественную трещину скалы. Получается вроде рассечения изображения. На данной скале таким образом изображен лебедь, голова его рассечена естественной трещиной. Что это делалось умышленно доказывается тем, что с противоположной стороны трещины дана лишь самая верхняя часть черепа птицы. Чтобы дотянуть голову до трещины, художнику пришлось вытянуть шею лебедя на 71 см. (между тем длина туловища птицы равна лишь 25 см.).

3. Тот же лебедь имеет на туловище вблизи шеи заостренной формы пятно, очевидно, метательный камень.

4. Другой лебедь и какая-то сухопутная дичь с мясистым туловищем изображены с самыми предметами ранения, соприкасающимися с местом поражения добычи.

5. На Карецком Носу, где нет трещин, художники прибегали к иному приему. Шея, грудь, череп, часть ноги и т. д. не выбивались, а поэтому фигура обычно состоит из двух между собою не соединенных частей (табл. 13).

6. Смерть показывалась тем, что ее объект, по отношению ко всей композиции, обычно опрокинут головой вниз (табл. 26, фиг. 2).

В описанной композиции лось опрокинут на спину, при этом у него чрезмерно вытянута одна из конечностей, что, очевидно, означает предсмертную судорогу. Последнее наблюдение основано на аналогичных случаях Карецкого Носа и центральной скалы Пери Носа.

Для людей состояние смерти, как показывают два случая, символизировалось отсутствием рук (табл. 22 и табл. 23, фиг. 2).

Кроме вышеперечисленного показа приемов магического нанесения вреда и смерти в разбираемой группе интересны четыре фигуры каких-то мифологических существ.

Как можно отличить, что данное изображение олицетворяет человека или какое-то нереальное существо? Первобытный художник достигает этого показа обычно путем несохранения им пропорций частей тела и схематизации. Последняя, как правило, не относится к реальным людям, а применялась для показа воображаемых духов, которые зачастую при этом изображаются без рук. [1])

В описываемой группе все четыре изображения мифологических существ имеют человекообразные туловища. В доказательство, что это не люди, творцы данных изображений применили следующие приемы:

1. Туловище в одном случае не имеет талии: наборот, широкое в середине, оно суживается на концах. Голова не-

---

[1]) Данное замечание относится только к чисто зооморфным существам в виде «хозяев» лосей и оленей.

естественно сплющена, яйцеобразна, ступни ног неестественно длинны, как на лыжах. Духу, повидимому, поврежден путь доступа к раненой птице.

2. Следующий дух имеет обычное тело мужчины (без фаллоса) с очень хорошо моделированной мускулатурой. Но фигура имеет длинный толстый хвост, очень длинную шею, птицеобразную морду с острым звериным ухом. Духу нанесено повреждение затылка, конца хвоста и ступни (табл. 27, фиг. 1).

3. Соседняя фигура «духа» в два с половиной раза меньше предыдущего и последующего, также антропоморфного вида, но все же это не человек. Кроме хвоста, он изображен горбатым и с головой птицы. Повидимому, дух не считался вредным, так как не носит на себе следов повреждения (табл. 27, фиг. 2).

4. Последнее изображение данной группы представляет духа en face. Он мыслился анимистами в виде высокого тонкого существа с длинным рогом, оканчивающимся развилиной, с длинными конечностями, с весьма гипертрофированным фаллосом (все трое предыдущих показаны без него). Поза рук шаблонна: правая рука поднята, левая согнута вниз. Но длина конечностей является для данного образа специфичной. Особенно интересны ступни ног. Вместо обычных человеческих, они имеют вид птичьей лапы (правая нога явственно состоит из трех колоссальных пальцев). Образ дан с большой экспрессией, гипертрофия кистей рук указывает на свойство хватать кого-то, а характер ног показывает быстроту передвижения [1]). Гипертрофия первичных половых признаков констатирует сексуальные мотивы в поверьях об этом духе. Весь образ в целом напоминает синтетические черты образа лешего у ряда народов. Выбоинами образ поражен в левую и правую ноги (табл. 27, фиг. 3).

Кроме вышеописанных петроглифов следует указать еще на изображение ящерицы. Она дана также по мередиальной линии, как и на центральной скале Пери Носа, но на этот раз повернута головой не на юг, а на север.

Сбоку выбита одна над другой две лодки носом на юг. Повидимому, они весьма позднего времени и появились самыми последними, не имея непосредственной связи с прочими фигурами группы.

Подытоживая вышесказанное о данной скале, можно сделать вывод, подтверждающий заключение по охотничьей ска-

---

[1]) Повидимому, эти мифологические существа олицетворяют те силы, которые в скандинавской мифологии именовались «тролли». «Тролли — злые духи природы, воплощенные в образе чудовищ, страшных, человекоподобных существ, зверей или птиц; они всячески вредят людям, особенно же часто — посылая непогоду, бурю, град». (Тегнер. Сага о Фритьофе. Л., 1935, стр. 335, прим. 71).

Фиг. 1. Фиг. 2. Фиг. 3.

ле. Очевидно, каждая более или менее связанная между собой группа изображений выражала собой какую-то определенную цель. «Охотничья скала» была предназначена для удовлетворения желания поймать добычу капканами, а только что рассмотренная группа указывает на желание ранить (убить) объекты промысла, а также поразить, повидимому, вредящих на промысле «духов».

5. Пробегая взглядом бесчисленное количество раз по планшетам петроглифов Пери Носа, всякий раз приходишь к выводу — за исключением композиции на трех скалах: все остальные изображения возникали от времени до времени без всякой взаимной связи одного скопления фигур с соседними.

Вот почему, очевидно, более целесообразно дать сжатое описание прочих мысов этого носа в порядке следования хотя бы с севера на юг.

Первый мыс [1]) Пери Носа

Десяток фигур птиц, размещенных в одиночку вдоль гранитного выступа серого цвета, находится напротив островка Модожа. Сопоставление этих изображений с птицами, выбитыми на мысе Кладовце, показывает совершенно разный стиль. Формы изображений дичи на мысу весьма регрессируют. Можно полагать, что эти изображения выбивались непривычной рукой. Быть может они являлись своего рода пробой для приобретения навыка в деле высечения фигур на граните.

Второй мыс Пери Носа

Значительно более интересные петроглифы в числе шести фигур изображены на небольшом мыске вблизи основного мыса Пери Носа.

Две пары [2]) лебедей, внутри одной из которых — небольшой лебеденок. В некотором отдалении — капкан, еще дальше — змея головой на юг.

Пара лебедей имеет гипертрофированные шеи (длина туловища—20 см., шеи—73 см.). Такие фигуры встречаются лишь на скалах Онежского озера и при том в очень ограниченном количестве, их не больше 8-ми. Определить, в какой стадии петроглифов они появились, невозможно, так как нет никаких указаний. Гипертрофия длины шеи, будучи общим признаком для данной группы лебедей, теряет свое значение, так как стилистические особенности изображения туловища этих птиц са-

---

[1]) Чтобы не вносить разнобоя в литературу о петроглифах Карелии, я придерживаюсь порядка описания В. И. Равдоникаса.

[2]) Одна пара лебедей дана распространенным приемом показа— одна птица выбита над другой. От верхней фигуры остался лишь фрагмент — задняя часть лапы, остальное отколото вместе со скалой.

мые разнообразные. Поэтому, законно предположить о каком-то неизвестном для нас значении гипертрофии шеи. Наиболее правдоподобный вариант из всех мне известных — поверие, что лебеди, как и гуси, имеют своих предводителей, выделяющихся ростом (на языке пиктографии это легче всего выразить величиной шеи).

Весьма интересно уникальное изображение змеи. Однако, голова имеет отчетливую форму наконечника копья. Возможно, что это действительно комбинированный образ, напоминающий известное библейское сказание о Моисеевом жезле, который превратился перед фараоном в змею.

Образ змеи (имеющей голову в виде треугольного наконечника), быть может, сохранился до наших дней в виде предания, что опытные охотники дают змее кусать свое новое ружье, после чего оно делается «злее» и начинает метче бить. У гольдов бытовало следующее предание: «...На змее имеется крючок, которым (дух) задерживает сохатого, и тогда охотник попадает в зверя. Змея вроде остроги у «суву». Этот дух помогал при охоте на сохатого, изюбря, медведя». [1])

Третий мыс Пери Носа

Он начинается компактной группой из 15 изображений. Внутренняя связь между ними непонятна, но судя по ее элементам, группа выражала какую-то идею, так как четыре капкана одного и того же типа все направлены на запад. Пятый капкан иной формы наставлен на юг.

Группа интересна тремя изображениями.

Человек (на голове хохол, тщательно выполненный фаллос) держит за шею предмет в два раза больше себя. Моя трактовка, что это изображение мифа об некоем удачливом охотнике, убившем колоссальную птицу, я считаю, необоснованно оспаривается В. И. Равдоникасом. Что эта фигура не из реального мира, а из области фантастики, доказывает ее размер, при котором человек вряд ли мог ее нести. По своей конфигурации она наиболее приближается к фигуре мертвой птицы. «Варианты», т. е. нечто похожее по форме, действительно встречаются дважды. На Карецком Носу такая же фигура в верхней части очень плохой сохранности, что показано в атласе В. И. Равдоникаса пунктирной линией. На скале Пери Носа головы действительно нет, как нехватает у ближних к ней фигур частей туловища (у лося № 146 — одна лишь голова, у оленя № 130 — лишь голова и верхняя часть спины). Зато на скале Бесовы следки мы вновь встретимся с этой композицией: человек (опять мужчина) тянет за шею гуся (лебедя), в два раза больше его самого (табл. 28).

---

[1]) Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи... Изд. Дальгиза, 1933, стр. 518.

Таким образом, кроме подтверждения правильности трактовки композиций Онежского озера, мы имеем любопытные совпадения одного и того же поверия, несмотря, повидимому, на различную хронологическую дату их появления. Эти две аналогичные композиции доказывают существование в эпоху петроглифов (даже древнейших, какими являются «Бесовы следки») охотничьего эпоса (сказа).

Это дает нам возможность не обозначать каждую человекообразную фигуру как обязательно «человек в маске». При внимательном отношении можно внести четкие, вполне обоснованные признаки для выявления изображений действительных людей, отделяя их от мифологических образов.

Соседнее изображение отнюдь не будет, как пишет В. И Равдоникас, «человеком в маске животного». Это образ одного из хозяев типа уже встреченного при описании изображений на Карецком Носу. Фото (рисунку в издании В. И. Равдоникаса нельзя верить) показывает типичную лосиную ногу с копытом. Таким образом, от «человека» ничего не остается. [1])

Другой любопытной фигурой будет образ двух птиц, соединенных хвостами, обращенных головами в противоположные стороны. Они как бы срослись хвостами. Одна и другая птицы имеют на шее выбоины, сделанные несомненно во время магических действий.

Соседняя к западу группа состоит из выводка (три птицы) сухопутной дичи (это доказывается высокими ногами и формой туловища) и крупного изображения двух лебедей, головами повернутых друг к другу. Их туловище соединено овальной линией, образующей внутри каждой из них замкнутый круг. Следов повреждения (как и в вышеописанном случае) нет. Направление одного лебедя с севера на юг, другого — с запада на восток.

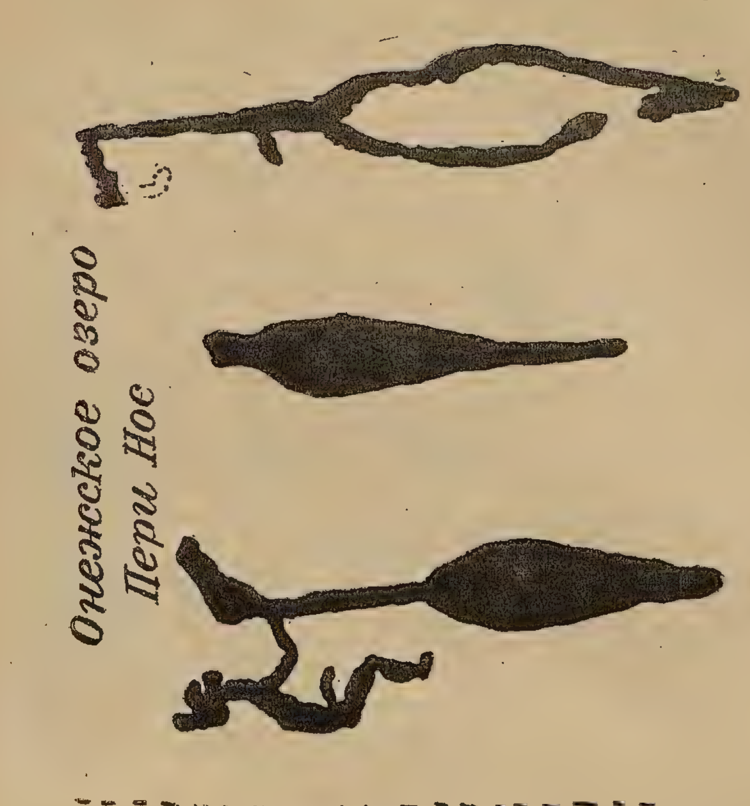
Из прочих фигур интерес вызывает человекообразная фигура без ступни и руки. Такого рода фигуры встречаются, например, у гольдов и делаются при болезни ног[2]).

На изгибе мыса на юг сравнительно близко друг от друга расположено свыше 30 фигур. Из них интерес вызывают композиции двух выводков по четыре и шесть фигур, плывущих как бы вдоль берега. [3])

[1]) Если сравнить в издании В. И. Равдоникаса фото (табл. 45) с силуэтом (табл. 7, № 2), то легко убедиться, как искажены детали рисунка: нога в сапоге (на рисунке), на фото окажется четко показанной ногой с копытом. Также существенная разница в туловище и голове.

[2]) Штернберг Л. Я. цит. соч., стр. 515—516.

[3]) Любопытный методологический момент. Если учитывать только показания компаса, то получим выводок уплывающим от берега вглубь озера. При учете очертаний скалы, получается иное: выводки плывут вдоль берега.

Онежское озеро
Пери Нос

Белое море
Бесовы Следки

Здесь же находится очень любопытная фигура: голова, две руки с традиционными тремя пальцами и небольшой частью туловища. Изображение выбито очень тщательно, и нет никаких данных подозревать, что остальная часть «утрачена». В. И. Равдоникас при описании этого петроглифа усмотрел только одно: «позу адорации». Кроме этой фигуры мы найдем отдельные изображения ноги (на четвертом мысу Пери Носа), отдельные изображения руки (на центральной скале Бесова Носа), головы и двух рук и отдельно двух ног (на мысе Кладовце).

А. Я. Брюсов хочет расшифровать часть этих изображений как символизацию лунных фаз, учитывая фольклорные и этнографические параллели. Одно несомненно, фигура верхней части «человека» изображает не человека. На это указывает голова. Видя человекообразную фигуру, у которой нет рта, можно понять, что это олицетворение какой-то стихии.

Ту же самую фигуру, но уже с одной рукой, зато с фаллосом и хвостом, мы найдем несколько в стороне от центральной группы Бесова Носа. Эта фигура окажется срощенной с лебедем, раненым в шею. В обеих композициях направление туловища с юга на север (голова на юге, лицо обращено на запад (табл. 29).

Законно ли видеть в этих двух композициях одну и ту же тематику? Несмотря на чрезвычайное сходство головы, длинной шеи, поворота лица в одну и ту же сторону, это — не две стадии луны, так как на Бесовом Носу фигура, теряя одну руку, в то же время приобретает продолжение туловища до колен, копьеобразный фаллос и хвост. Такие приобретения кажутся мало вероятными для символического обозначения луны.

Я склонен трактовать эти два образа, как олицетворение некоей стихии (вероятнее всего, восточного ветра), так как лицо повернуто на запад. Ветер с востока в одно время года хотя и сильнее, но проходит быстрее,[1]) а в другой сезон делается более слабым, но дольше продолжается.[2]) Изображение раненого в шею и убитого лебедя означает, повидимому, приносимое для успокоения стихии жертвоприношение.

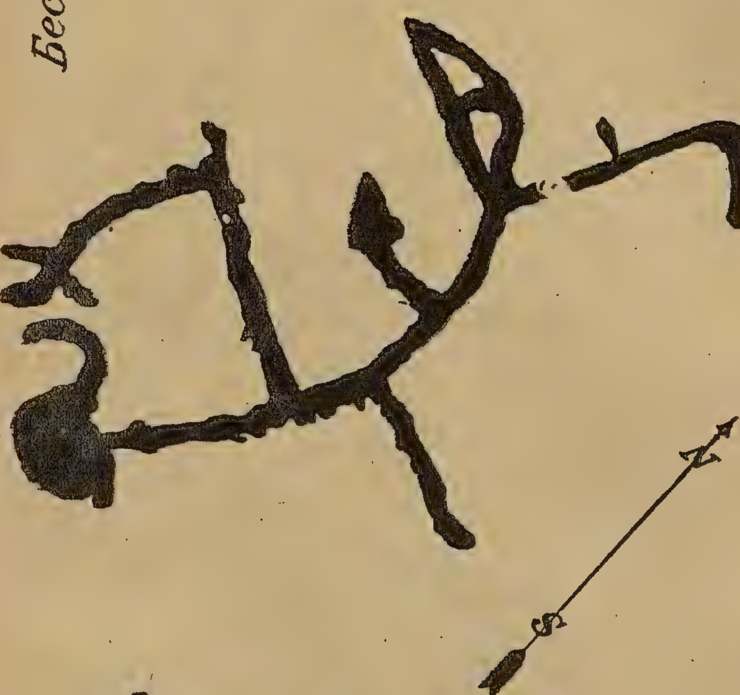
Почему восточный ветер мог быть нежелательным для анимиста периода петроглифов? Весной он относил летящую птицу в западную сторону, летом и осенью он относит от берега рыбу, которая лучше всего попадается во время ветра с запада, когда вместе с волнами рыбу прибивает к берегу.

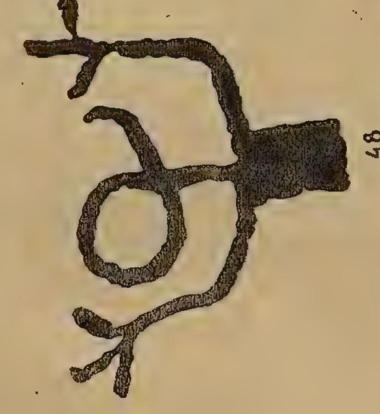
---

[1]) Пиктографически это может быть выражено коротким туловищем и, например, двумя руками.

[2]) Пиктографически это может быть выражено длинным туловищем и, например, одной рукой.

Бесов Нос

48

Пери Нос

Разумеется, это лишь гипотеза, и можно создать еще ряд догадок. В данном случае я пытаюсь лишь обосновать свое несогласие с А. Я. Брюсовым и предложить взамен его теории о лунных фазах, на мой взгляд, более правдоподобный вариант.

Не задерживая внимания на малозначимой фигуре человека en face (голова, повидимому, какого-то животного), остановимся на двух других фигурах. Первая имеет человеческое

Табл. 31

лицо и туловище какого-то животного. Этот образ был неблагожелателен к людям. Анимисты кололи его туловище, что доказывается выбоиной. Второй образ тоже из разряда мифологии: какая-то фигура, вроде лягушки, без передних конечностей. Повидимому, это фантастическое существо выполняло полезные для анимиста функции. За это он увековечил ее, выбив петроглиф, чтобы иметь возможность влиять

на это существо, и не наказал фигуру никаким видом ранения и нанесения ей ущерба (табл. 30, фиг. слева).

Далее идет ряд друг от друга изолированных фигур.

Интересно уникальное изображение плота и стилистически весьма своеобразного лося с громадным рогом.

Параллельно, головой на север, выбиты два изображения мифологического характера.

Одно из них изображает существо с отвислым брюхом, с ногами явственно оканчивающимися копытами, с головой без шеи, с утолщением на макушке. Копыта и отсутствие шеи (всегда отмечаемое творцами петроглифов) указывают, что это существо мифологического порядка.

Чувство сильной досады вызывает трактовка В. И. Равдоникаса соседней фигуры. Из прямого сопоставления фигуры № 52 Карецкого Носа видно, что данное изображение является идентичным такому же образу на Карецком Носу — оленя, здесь — лося. Нижние конечности в виде подставки совершенно одинаковы. Однако В. И. Равдоникас пишет о фигуре Карецкого Носа, что это: «Изображение человека в звериной маске», а такую же фигуру на третьем мысу Пери Носа № 65 объявляет «фрагментом... изображения, обращенного вправо (к северу) животного из семейства оленей, вероятно лося» (табл. 30, фиг. 65 и 52).

В двух с половиной метрах к востоку от этих фигур дана замечательная композиция промысла на лося с собакой. Во второй части работы я коснусь стилистических приемов этой композиции, здесь же отмечу, что эта группа из четырех петроглифов (лось, собака, мужчина и топор) дает ряд указаний. Самое главное — это доказательство, что в это время на Онежском озере уже была собака, и она была приспособлена человеком к участию в промысле. Этот факт для историка культуры является исключительно важным, так как указывает на относительно высокое развитие охоты[1]) (табл. 31).

Нельзя безоговорочно решать, производился ли зимний промысел на лося только в порядке единоборчества охотника с животным. Но в пользу такой трактовки существует аргумент, что коллективность охоты за этими животными во время весенних и осенних переправ через реку показывается художниками иным образом, чем зимние.

Подтверждением существования охотничьей собаки служит вывезенная в Эрмитаж композиция. В этой группе имеется изо-

[1]) В. И. Равдоникас пишет: «А. М. Линевский считает изображения №№ 68—70 сценой охоты с собакою на лося. Мне кажется, что изображение № 69 больше всего имеет сходство не с собакой, а аналогичными, показанными в той же проекции сверху, изображениями ящерицы... Композиция имеет более сложный характер, чем простое изображение сцены охоты» (Наскальные изображения Онежского озера, стр. 59).

бражение человека с собакой и гусями над его головой. Фигура человека выбита в редкой стилистической форме: его туловище выбито лишь по контуру, голова состоит из круга, затем внутри идет полоса нетронутого гранита и, наконец, второй круг, выбитый по всей площади. Положение рук традиционно: правая согнута в локте, рука поднята, левая, слег-

Табл. 32

ка согнутая в локте, не докончена. Пальцы выбиты так, что получается подобие креста в руке. Круг, выбитый контуром вокруг головы, имеет некоторое подобие нимба (табл. 26, фиг. 2).

Композиция ценна тем, что подтверждает существование

собаки. Она дает понятие о ее размере по отношению к фигуре человека. Величина неолитической собаки, судя по рисунку, была не меньше, не больше охотничьей лайки севера.

Опрокинутые ногами вверх птицы (гуси ?), очевидно, трофеи охотника с собакой.

Следующая группа, в центре которой дана эротическая сцена, изолирована от всех других изображений на ряд метров. Это обстоятельство, повидимому, служит аргументом за отнесение десяти фигур — лося, птиц, капкана, снаряда для зажигания огня (или, быть может, сверления ?) и двух непонятных изображений—к сцене погони мужчины за женщиной.

Эта композиция, сексуальное значение которой неоспоримо, выбита в каком-то темного цвета мелкозернистом включении в гранит, а потому очертания двух человеческих фигур получились весьма тонко выполненными, вплоть до таких деталей, как очертания лица, обычно искажаемые случайностями при отколке гранита (табл. 32).

Очень отчетливо видны округлые черты женщины, причем явилась возможность даже сохранить кружок центрального гранита и, тем самым, создать иллюзию блестящего глаза. Нельзя не обратить внимание, что выполненная с громадной тщательностью фигура женщины совершенно лишена изображения женской груди. Специфика женского тела передана через окружность большого живота. Крайне интересно, что в противовес мужской прическе в виде торчащего чуба, женщина имеет круглую, как бы лишенную растительности голову. Реалистически изображенная спина не имеет чрезмерных утолщений бедер и ягодиц.

Мужская фигура выполнена с не меньшей тщательностью. Черты лица значительно угловатее и резче. Губы, подбородок явственно лишены растительности. Длинный и прямой нос. Над лбом — громадный чуб волос.[1]) Любопытна трактовка мужского тела: грудь и живот образуют прямую линию, спина кажется горбатой из-за стремления художника передать характер ее ширины и мускулатуры. Фаллос изображен такой величины, что не оставляет сомнения об эротическом смысле композиции. Лицом фигуры обращены на север.

Общий смысл вышеперечисленного десятка петроглифов, которые показаны над головой этой пары, мне кажется следующий: мы имеем право предположить, что лось без рогов, шипящий гусь, вальдшнеп, токующий тетерев указывают на весну, как сезон брачного времени. Это полностью совпадает с указанием композиции на центральной скале Пери Носа о дефлорировании девушек в период весенних переправ лосей через реки.

---

[1]) Акад. Шренк отмечает, что такой же чуб носили юноши некоторых племен Дальнего Востока.

Крайне любопытна фигура, которую В. И. Равдоникас определил как снаряд для добывания огня трением. К такой расшифровке можно безоговорочнс присоединиться.

Обращает на себя внимание казалось бы неподходящий к обряду брачного ритуала капкан. Наше внимание должно обостриться еще больше, учтя, что он раскрыт и над ним помещена очень непонятная фигура, имеющая четыре конечности. Эта черепахообразная фигура (неправильно объясняемая В. И. Равдоникасом, как птица) не является результатом плохой техники художника. Учитывая чрезвычайную тщательность, фотографическую точность передачи форм, например, шипящего гуся, вальдшнепа, курлыкающего тетерева, неудобопонятные очертания этого шарообразного существа не являются случайными. Очевидно, они ассоциировались с представлением о духах, имеющих такое туловище (хвост у него отбит выбоиной). Это повреждение тела, как уже нам известно, сигнализирует о вредности данного изображения. Поэтому, фигура настороженного капкана между «духом» и брачующимися, я полагаю, является оберегом от опасных поползновений данного «духа». Как широко известно, до самых последних лет на всем севере (Карелия, Печорский край, Коми республика) свадебный период считался самым опасным для «порч». Многочисленные категории колдунов, оберегающие свадебные поезда и брачующихся от разных враждебных действий, дожили до наших дней. Поэтому, свое чтение я считаю вполне обоснованным, как с фактической стороны, так и с теоретической, учитывая, что традиции свадебных порч тянутся несомненно из самой глубокой древности человечества. На это указывает универсальность этого явления на всех материках света.

Минуя мало чем интересные отдельные фигуры птиц, оленей, капканов, лодки, перехожу к замечательной комбинации коитуса и деторождения. Композиция, к сожалению, уничтожена в 1934 г. во время взрывов при откалывании кусков гранита с петроглифами, ныне перевезенных в Эрмитаж. К счастию, сделанные мною в свое время снимки хорошего качества увековечили эту группу (табл. 33).

Эта композиция была расположена в нескольких метрах от центральной скалы Пери Носа, где дана сцена дефлорации. Выбита она была на блестящем граните, плоскость которого имела такой уклон, что фигуры бывали заметны лишь в определенное время дня, когда лучи отсвечивали на глянцевитом фоне гранита. Поэтому лишь в шестой свой приезд на Бесов и Пери Носы я заметил эту группу, расположенную к востоку от знака солнца. Я полагаю, что этот поздний петроглиф был выбит на таком месте из-за желания поместить его в соседстве с петроглифом солнца (табл. 23, фиг. 2).

Трактовка фигур такая же, как только что описанная. Прямая линия груди и живота мужчины, полукруглая спина, опять же прямой нос, густые брови, но кажется с наличностью волосатости на лице. Чуб на голове отсутствовал. Фаллос соединен с женской фигурой a tergo. Фигура женского тела полностью повторяет недавнее описание: прямая линия спины, выпуклость нижней части живота, отсутствие грудей. Решительно изменена лишь трактовка лица: чуб (если только это не головной убор, весьма похожий на убор саами—лопарей), длинный нос. Из области ее гениталий выходит слабо намеченная полоса, оканчивающаяся изображением ребенка. Фигуры выбиты лицом на запад, головой на юг.

Минуя сравнительно детально описанную центральную скалу Пери Носа, ныне вывезенную в Эрмитаж, минуя также описанную скалу, где каждое изображение имеет те или иные виды повреждений, мы остановимся на трех более южных группировках.

Самая северная из них состоит из семи расположенных отдельно друг от друга петроглифов. Из них вызывают интерес три изображения.

Первое дает фигуру какого-то человекообразного мифологического существа без головы и рук. Вместо головы у него на шее два круга, по конфигурации напоминающие восьмерку. Направление этого существа, повидимому, — запад. Это обстоятельство все же не позволяет безоговорочно рассматривать данный мифологический образ как божество солнца, хотя подбираются не плохие параллели. У айну — фигура «хозяина» солнца представляется с руками, согнутыми в круг посередине. [1])

Также не поддается расшифровке мифологический образ, находящийся невдалеке. Он весьма близок по строению головы к уже описанному «лягушкообразному» существу без рук и со странной такой же столбообразной головой. Описываемому образу также близка фигура соседняя с «хозяином» лося, поврежденного выбоиной. Повидимому, это одна серия более или менее близких по своей функции духов. Это своеобразие, непривычное нашему глазу, не позволяет окончательно решить, имеют ли они какие-либо знаки телесного повреждения или нет. Ни одна из этих фигур не страдает, например, от выбоины, обычного знака магических манипуляций над изображениями.

Не лишено интереса изображение, как можно думать по аналогии, молота. Там, где должен быть прикреплен к рукоятке камень, изображение выбито по контуру.

---

[1]) Штернберг Л. Я. Культ инау у айну. Из сборника изд. Дальгизом, 1933, стр. 616.

Последняя скала третьего мыса Пери Носа, на которой выбито 19 изображений, заставляет исследователя много огорчаться трудностью своей расшифровки. В то же время она дает очень любопытный момент, не встречаемый ни на Онежском озере, ни на Беломорских петроглифах. В этой группе подавляющее количество изображений дано незаконченными — часть предмета вместо целого. При этом совершенно отчетливо видно, что художник, начиная высекать фигуру, заранее знал, что он выбьет только часть. Этот прием — «часть вместо целого» — хорошо известен в магии. Скала, таким образом, наглядно подтверждает, что в период петроглифов была развита также парциальная магия (табл. 34).

Парциальная магия, по-моему, существовала в обществе высоко развитой системы религиозных воззрений. Последнее положение, я полагаю, доказывается дифференцированием мифологических воззрений, что, конечно, отражалось в соответствующих действиях. Если имитативная магия, напр. когда переодетый волком человек нарочно попадает в капкан, чтобы в такие же ловушки чаще попадались волки, является первичным фактом магических действий, то парциальная магия означает значительный шаг в процессе разрастания религиозных представлений. Вот почему последняя скала главного мыса Пери Носа, очевидно, принадлежит к творчеству хронологически более позднему, чем, в основном, прочие петроглифы Онежского озера. [1]

Читать эту скалу нелегко. Фигуры верхней (восточной) части из-за плохой сохранности гранита и низкого качества работы разбираются с трудом. Я склонен понимать эту часть группы как изображение охоты с лодки на оленей и похищение убитой добычи злоумышленником, который получает рану в ногу. Дано изображение оленя (?) в виде головы и полосы верхней части туловища. Контуры прочих линий тела слабо намечены, ног нет совсем. В нижней части группы дана выразительно сделанная голова лося с шеей. Туловище и ноги даже не показаны. От этой головы на расстоянии десятка сантиметров выбиты прямо сверху и снизу иные фигуры. Была ли голова лося выбита до них или после — суть не меняется; художник заранее удовлетворялся мыслью выбить лишь наиболее характерные части животного.

Тут же вблизи выбита морда, надо полагать, зайца: от головы идет лишь одна прямая линия.

Группа изображений, выбитых на четвертом мысе Пери Носа, состоит из 17 фигур. Наиболее ценным петроглифом является изображение собаки. Поднятый хвост и общие кон-

---

[1]) Исключение — две головы лебедей, выбитых на Бесовом Носе, судя по расположению, тоже более позднего времени.

Табл. 34

туры позволяют даже приблизительно усмотреть в ней породу лайки. Таким образом, это третье изображение собаки на петроглифах Онежского озера, неопровержимо доказывающее, что в период неолита человек древней Карелии уже имел домашних животных.

Кроме изолированного изображения ноги (которую я отмечал в свое время выше) и изображения хвостяги, интерес вызывает человекоподобная фигура, руки которой оканчиваются кругами. Голова этого существа направлена на север, круги, которыми изображены руки — на восток и запад. Если их принять за символ восходящего и заходящего солнца, то человечек может считаться как «хозяин» солнца. В подтверждение этой догадки, однако, нет иных данных.

Заканчивая описание петроглифов Пери Носа, мы воздержимся здесь от напрашивающихся многочисленных выводов, которые будут в основном сделаны в конце всей работы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Бесов нос

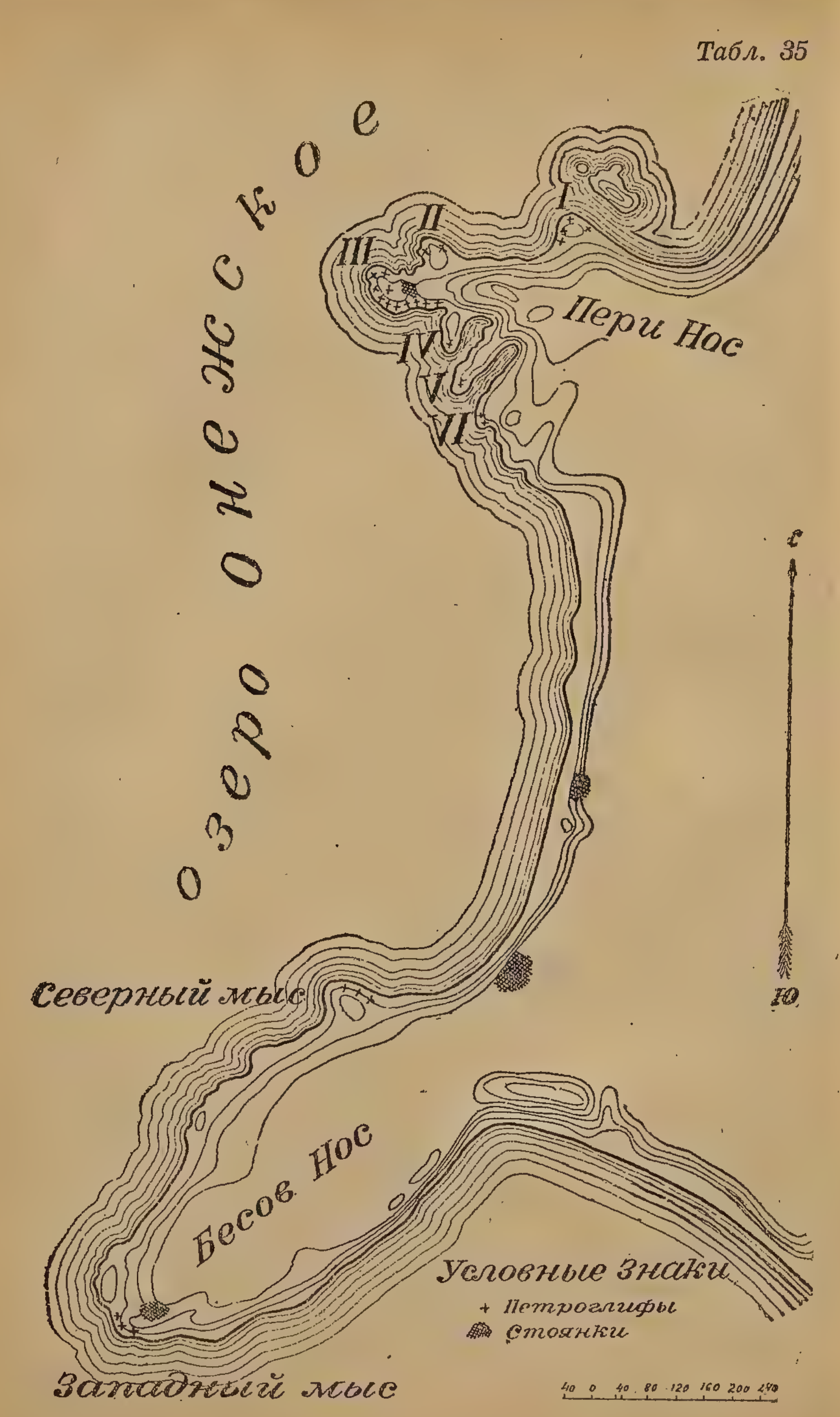
Пери Нос со всеми шестью (а для анимиста, повидимому, семью) мысами, на которых выбито много бытовых изображений, заканчивается на южной стороне уже описанной «охотничьей скалой».

Эта скала выделяется из всех групп Онежского озера своей тематикой: на ней даны только объекты промысла и, при этом, лишь сухопутного. В центральной части скалы нет ни одного изображения птицы. «Охотничья скала» является единственной, на которой нет ни одной фигуры лебедя, гуся, гагары, утки. Это обстоятельство сигнализирует нам, что творцы петроглифов не выбивали где попало то или иное изображение. Появление какого-либо петроглифа на данном, а не на другом месте, не было случайным. Оно имело определенный для анимиста рационалистический смысл. Надо обязательно учитывать этот момент, иначе наскальные изображения Бесова Носа останутся непонятыми.

Небольшая километровая песчаная бухта отделяет Пери Нос от Бесова Носа, который от берега примерно на полкилометра врезывается в озеро. Это обстоятельство, а также направление носа, явились решающими поводами возникновения петроглифов не только на этом мысе, но, надо полагать, вообще в данном районе (табл. 35).

В. И. Равдоникас, делая описание Бесова Носа, совершенно пропустил эти моменты, хотя они имеют исключительно важное значение для рыболовства, которым, в основном, полгода жило и до сих пор живет население этой местности.

Мыс Бесова Носа, выходя на полкилометра в озеро, имеет направление с северо-востока на юго-запад. Благодаря этому три четверти «розы ветров» не являются опасными для лодки. Либо со стороны Пери Носа, либо с противоположного мыса Кладовца почти всегда будет тихое, безветренное место, где нет волнения. Высокий, полукилометровый хребет Бесова Носа, густо покрытый щетиной соснового бора, является надежным молом при появлении восточного, северного, северо-западного, западного, южного и, наконец, юго-восточного ветров. Лишь северо-восточный и юго-западный ветры могут взволновать воду одновременно вдоль берегов двух бухт. Это

Озеро Онежское
I
II
III
IV
V
VI
Пери Нос
с
ю
Северный мыс
Бесов Нос
Западный мыс
Условные знаки
+ Петроглифы
Стоянки
40 0 40 80 120 160 200 240

свойство мыса Бесов Нос — как самой природой созданного мола — несомненно учитывалось древними рыболовами.

Будучи естественным молом, Бесов Нос только в полное безветрие не обливается волнами. Ветер почти постоянно нагоняет волну, хотя в песчаных бухтах, ушедших вглубь берега, в это время часто бывает тихо. Для анимиста это постоянное волнение воды у конечности мыса — признак присутствия какой-то «силы».

Итак, Бесов Нос — это мыс, у которого почти всегда можно укрыться в сильный ветер. В то же время — это место частого волнения. Мыс, выдаваясь на полкилометра в озеро, господствует над ним, он виден за два, за три десятка километров. Вот поводы возникновения святилища на восточном побережье Онежского озера. Можно полагать, Бесов Нос мог иметь культовое значение для большого пространства этого бассейна.

Рассматривая Бесов Нос, как несомненноее святилище [1], необходимо прежде всего разобраться в стадиальности появления изображений, что весьма способствует расшифрованию и уточнению форм исчезнувшего культа.

1. Бесов Нос имеет две точки расположения петроглифов. Меньшая — 22 изображения — при начале выхода гранитной массы в озеро, и центральная — 93 изображения — на конечности мыса. Одна численность фигур, не говоря уже ни о чем другом, делает ясным, где был центр этого святилища.

Центральная группа по своей структуре в свою очередь распадается на три композиции, отделенные друг от друга трещинами. Первые две группы образуют композицию стаи из 7—8 лебедей на площади 5╳ 2 метра и бессистемно расположенных 13 фигур на пятиметровой площади.

Центральная композиция состоит из трех почти трехметровых фигур беса, выдры и налима и сорока девяти фигур, так сказать, подсобного значения. Разница в величине первых трех с остальными настолько разительна, что, конечно, с первого взгляда возникает вопрос: имеет ли эта группа композиционное строение или нет (табл. 36).

В. И. Равдоникас коснулся этого вопроса, и он дал противоречащее действительности заключение. Ссылаясь на высказанное в 1914 г. в беглой заметке мнение А. М. Тальгрена, В. И. Равдоникас объявил: «Сложность и разновременность состава описываемых изображений, как будто бы, исключает возможность рассмотрения их как некоего композиционного замысла». Слова «как будто бы» не дают автору спасительной

---

[1]) Я считаю, что мыс Бесов Нос является наиболее древним святилищем. Что же касается мыса Пери Нос, Карецкого и Кладовца, то характер магических манипуляций на этих мысах еще не дает права называть их святилищами.

для него оговорки, так как строчкой выше В. И. Равдоникас категорически заявляет, что фигура беса является одним из самых поздних в ряду изображений Онежского озера.

Как раз наоборот! Фигура «беса» является одной из самых ранних фигур, от которой зависело появление не только петроглифов на Бесовом Носу, но (по моей концепции) вообще всех петроглифов Онежского озера.

Доказать это положение, выявить общую композицию, установить стадиальность появления изображений — все это достигается примерно через несколько минут внимательного рассмотрения этой группы.

От В. И. Равдоникаса ускользнула одна деталь. Между тем от этой детали как раз зависит расшифровка композиции Бесова Носа. В своем описании фигуры «беса» В. И. Равдоникас пишет: «Изображение попорчено трещиной в граните, проходящей через все туловище и голову «беса». (Разрядка моя. А. Л.). Если бы эта трещина не являлась по мнению исследователя «порчей», он смог бы избежать ошибки.

Я утверждаю, что трещина в скале образовалась до появления петроглифов «беса». Доказательство неоспоримо: трещина делит фигуру «беса» на две абсолютно равные половины. Благодаря этому она проходит вдоль узкого горла фигуры, а ноги не заходят за щель. Больше того, рот беса выбит в месте развилины, отходящей от этого места скважины. Стоит, прочитав эти строки, взглянуть на фото, как легко убедиться в правильности моего положения. Итак, изображение «беса» выбито после появления трещины (табл. 38, фиг. 1).

Теперь обратим внимание на то, что расстояние фигур выдры и налима от «беса» одно и то же. Такая точность соотношений, конечно, не могла возникнуть случайно. Нельзя допустить, что творцы этих петроглифов, что называется, по нитке отмеривали расстояние в обе стороны от обыкновенной трещины. Зато более естественно допустить, что вначале было сделано изображение «беса», а затем, на равном от него расстоянии, было определено место и выбиты два одинаковой с «бесом» величины изображения. Обратим внимание на любопытную геометричность линий расположения этих трех фигур.

Легко понять, что, желая сделать рот «беса» в развилине двух трещин, которые затем были обиты воронкой (как и обе стороны трещины на протяжении всей фигуры «беса»), [1]) художник не мог выбить изображение выше или ниже — главная трещина и отходящая от нее боковая трещина не позволя-

---

[1]) Обратим внимание, что обивка трещины прекращается сразу же, как она выходит за пределы фигуры. Это четко видно на фото. Рассматривая голову «беса», мы видим, что через десяток сантиметров линия трещины из широкой сразу делается узкой.

Табл. 36

Центральное панно Бесова Носа

9,0

10,0

8,5

9,5

ли поместить фигуру в ином месте. Зато положение фигур выдры и налима могло зависеть от местонахождения петроглифа «бес». Если взять линейку и положить ее на плечи «беса», она соединит его с самым концом хвоста налима и с концом туловища выдры. Случайно это или не случайно? Нагромождение ряда «случайностей» всегда исключает друг друга.

Перед нами совершенно осмысленное, лишенное каких-либо случайностей, геометрически правильное расположение трех основных фигур. Это доказывается одинаковым расстоянием между выдрой и «бесом», «бесом» и налимом. Далее, конец туловища выдры и конец фигуры налима выбиты на одной линии с началом «туловища» «беса». Все три петроглифа почти равной величины [1]) (табл. 36).

Таким образом, перед нами несомненная композиция из трех фигур, причем выдра и налим занимают зависимое положение от фигуры «беса». Наличие определенной композиции центральной группы Бесова Носа, как видим, не может быть опровергнуто. Доказать это было очень легко. К сожалению, В. И. Равдоникас и для читателя СССР, и для иностранного ученого мира (в переводе своего описания на французский язык), дал совершенно неверное заключение.

Остается дать стадиальное расслоение и показать, какие из фигур появились раньше, какие позже. При внимательном отношении к обязанностям исследователя, это тоже не вызывает никаких трудностей.

Выше было показано, что фигуры выдры и налима появились в тесной зависимости от «беса», а потому все три могут считаться более или менее одновременными. Теперь надо выявить стадиальность в отношении этих трех изображений к прочим петроглифам меньшего масштаба. Какая из этих двух групп появилась раньше, какая позже?

Помня относительную одновременность крупных петроглифов (выдра, бес, налим), мы сразу можем решить этот вопрос, если проделаем очень несложную операцию — закроем листом бумаги две только что упомянутые фигуры (табл. 37).

Композиция сразу изменится. Отсутствие фигуры выдры, как самой крайней, неощутимо. Наличие «беса» подчеркивается изображением стерляди и ряда опрокинутых вниз головой лебедей. Здесь мы уловим первое доказательство, так как эти фигуры расположены на одинаковом расстоянии от трещин. Последнее получилось потому, что фигура «беса» с раскинутыми руками по обе стороны не позволяла выбить ни стерлядь, ни лебедей на расстоянии более близком к трещине. Значит, фигура «беса» выбита раньше окружающих ее изображений.

---

[1]) Длина «беса» — 2,46 м., длина выдры — 2,56 м., длина налима — 2,66 м.

Но это заключение относится лишь к ближним по отношению к «бесу» петроглифам и не выявляет стадиальности правой части, где гуще всего расположены фигуры.

Табл. 37

Если мы взглянем в эту сторону, то тотчас же заметим, что рисунки, начиная с медведя и кончая нижними, идут в виде полосы. Как им, так и фигурам с другой стороны, мешает сдвинуться узкая полоса длиной в 2,5 метра, занятая налимом. Очевидно, этим изображениям, выстроенным в столб,

нельзя было податься в сторону, потому что там была уже выбита фигура налима, и только после нее появились остальные петроглифы (31 изображение).

Это обстоятельство подтверждает и доказывает мое положение — фигуры «беса» и связанных с ним выдры и налима являются на центральной скале Бесова Носа самыми ранними, так как от их расположения зависит местонахождение прочих фигур.

В дальнейшем я докажу, что «бес», выдра и налим являются вообще самыми ранними фигурами Онежских петроглифов. Но для доказательства этого прежде всего надо изучить еще не описанные мною петроглифы Бесова Носа.

2. Чтобы понять композицию петроглифов Бесова Носа, надо прежде всего выяснить, что означают древнейшие фигуры выдры, беса, налима, вокруг которых расположены прочие фигуры, появившиеся, как только что было доказано, после этих трех изображений.

В предыдущем разделе данной главы было показано, что изображения выдры и налима появились в тесной зависимости от фигуры «беса». Как показывает общая схема, «бес» по своему месторасположению является центральной фигурой всей группы. От правильного расшифрования этих трех крупных изображений зависит верное понимание всех остальных петроглифов данной композиции.

В главе о причинах появления петроглифов, насколько позволяет архитектоника исследования, я посвящаю ряд страниц выявлению по лучшим первоисточникам нашей этнографической литературы анимистических представлений племен на стадии охотничьего хозяйства.

Поэтому нет необходимости их снова повторять. Напомню лишь стержневые моменты, тесно связанные с представлением о «бесе» разбираемой нами композиции.

Основной вопрос любого читателя, кто взглянет на этот петроглиф, конечно, будет вроде следующего: «Что же означает эта столь грандиозная человекоподобная фигура?» Ответ может быть один — так называемый христианами «бес» является изображением «духа» дохристианского периода. Но абстрактного понятия вообще «дух» для анимиста не существует. Поэтому, обязанность исследователя выяснить, к какой стихии надо отнести этого духа.

Для разрешения этого нелегкого вопроса напомним лишь одну цитату о представлении анимиста о «хозяевах» (так как каждый дух является «хозяином» чего-нибудь): «Каждый речной, озерной или лесной хозяин является собственником всей дичи или рыбы, которая содержится в его владениях. Без его разрешения нельзя заниматься промыслом, да и удачи не будет. Вместо удачи случится несчастье. Поэтому,

начиная промысел, нужно принести жертву местному хозяину и обеспечить таким образом его благосклонность». [1])

Какими же возможностями наделяет анимист «хозяина»?— «Наиболее важным для гиляка богом, «хозяином», является Пал-Ыз — хозяин гор и тайги и Тол-Ыз — хозяин моря. ...Ему подчинены все звери тайги и он по своей воле раздает их гилякам. Бог моря... в определенное время посылает несметные отряды лососей, без которых жизнь гиляка была бы невозможна. Это он рассылает касаток водворять порядок в морях и гнать навстречу гиляку всяких зверей морских».[2]) И, наконец, последний и решающий вопрос: «Какого же рода дарами можно получить благосклонность хозяина, и чем эти дары являются?» Л. Я. Штернберг неоднократно отмечает в своих работах, что: «Принцип жертвы — обмен, поэтому богу моря нельзя давать рыбы, а богу тайги — мяса животных». [3])

Если теперь мы всмотримся в изображения, окружающие нашего «беса», то-есть хозяина неизвестной нам стихии, то увидим, что окружение состоит из стерляди, пары уток и пары лебедей, то-есть рыбы и птиц. Вблизи «беса» мы не найдем третьего вида промысловой добычи — лосей, оленей. В них данный «хозяин» очевидно не был заинтересован.

Следовательно, мы можем предположить, что «бес» был из рода хозяев тайги. Другой законный вариант, что это — «хозяин» ветра с востока, то-есть с суши.[4]) Этот ветер отгоняет рыбу от берега, не дает лодкам пристанища, относит стаи перелетной птицы от прибрежной линии. Очень возможно, что представление о хозяине леса и хозяине восточного ветра для берегового жителя сливалось в один образ. Обратим внимание, что птицы изображены только перелетные (лебеди, утки). Повидимому, в сухопутной дичи, как и в лосях и оленях, этот «хозяин» не нуждался. Из этого мы вправе сделать заключение, что эти объекты промысла находились в личных владениях данного духа.

---

[1]) Богораз В. Г., Религиозные идеи первобытного человека, стр. 73.

[2]) Штернберг Л. Я. Первобытная религия, Л., 1936, стр. 34.

[3]) Штернберг Л. Я. Первобытная религия, Л. 1936, стр. 35.

[4]) «...Долгое время держали мнение, что лопари имеют власть над ветрами. Циглер сообщает, что лопари завязывают три волшебных узла, и когда они развязывают один узел — поднимается ветер умеренной силы, когда они развязывают второй узел — начинает дуть ветер более сильный, когда развяжут третий—поднимается буря и гроза... Другой писатель сообщает, что лопари могут удержать корабли на ходу тем, что никакая сила ветров не может их сдвинуть с места» (Харузин Н. Н., О ноидах у древних и современных лопарей. Этнографическое обозрение, 1789, № 1, стр. 41—42).

3. Разберемся теперь в двух прочих фигурах. Заметим, что они равной величины с «бесом». Я считаю это знаком равного их значения с ним.

Если «бес» является сухопутным «хозяином», то налим, конечно, был хозяином озера, точнее, его дна.

На это указывают фигуры, окружающие изображение налима. Опять пара опрокинутых головой вниз лебедей, опять так же, как у беса, пара уток, лось, внизу его лось или олень, опять ряд изображений перелетной дичи. Всю эту колонну, вытянутую столбом, возглавляет медведь.

Правда, в этом же ряду мы встретим два изображения рыбы. Но они резко отличаются от всех других фигур тем, что даны вместе с изображением орудий ранения этих рыб. Сиг (или судак) изображен с воткнутым в его бок трезубцем. Осетровая рыба дана с воткнутым гарпуном. Кроме того, над ней выбит еще гарпун, который втыкает человек. Эти две рыбы изображены пойманными (поскольку в них торчат орудия их ранения?) и не являются жертвами налиму. Очевидно, это образ пиктографического рассказа, что за пойманную рыбу последует расплата с хозяином дна в виде гуся или лося, направленных головой вниз, т. е., надо понимать, убитыми или опущенными ко дну озера.

Все это дает право считать, что самый крупный петроглиф— налим — изображает хозяина дна Онежского озера.

Можно привести ряд отголосков прежних поверий о водяном, в котором он ассоциируется с крупными рыбами. [1])

Так, например, у коми существует следующее поверье: «На Выми рыболовы остерегаются бить острогой особенно крупную рыбу: так как... «Куль-васа» (водяной — А. Л.) иногда принимает вид крупных рыб, как семги, щуки и других, ибо «васа» может вырвать из рук рыбака острогу и заколоть его ночью самого Правда, обыкновенную рыбу можно отличать от такого оборотня: в противоположность обычным рыбам оборотни стоят головой не против течения, а по течению». [2]) Как видим, даже такая деталь, как направление налима, подходит нам. Голова его обращена к суше. Обратим внимание, что и головы сига и осетровой рыбы повернуты к берегу. Последнее понятно — анимист-рыболов конечно был заинтересован, чтобы добыча была ближе к берегу, что позволяло добыть рыбу ударом трезубца и остроги.

---

[1]) «Любимая рыба водяника есть сом... Необходимый его спутник. Часто видят водяного, разъезжающего верхом на соме. Но если водяному вздумается в воде прокатиться на каком-нибудь сухопутном животном, то оно подламывается под ним и утопает». (Новгородские Губ. Ведомости, 1861, № 46, стр. 397).

[2]) Журнал «Коми-Му», № 1—2, 1924, стр. 48. Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян.

Если мы примем, что «бес» олицетворяет хозяина суши и, предположительно, ветер с суши (то-есть с востока), а фигура налима означает «хозяина» дна Онежского озера, то какие же функции могло нести изображение выдры?

Выдра — одно из крайне немногочисленных хищных животных, живущих и на суше и в воде; питается она рыбой, разоряет гнезда водоплавающих птиц, и, говорят, ловит из воды лебедей, гусей, уток. Другими словами, это главный разоритель хозяйства озерно-речного рыболова и охотника.

Мышление анимиста в некоторых вопросах настолько отличается от нашего, что моментами нам трудно понять сложные изгибы логики анимиста. Одним из таких путанных и для нас бессмысленных представлений является отношение к хищникам, вредным или опасным для существования человека. В основу поступков первобытного охотника к таким хищникам положено несопротивление по принципу: «я тебя не трогаю, не трогай и ты меня». Отсюда, вместо попытки уничтожить животное, причиняющее зло, анимист, наоборот, старается его умилостивить, одним из видов чего является почитание этого животного. Чем иным, как не почитанием медведя являются медвежьи праздники, распространенные, кажется, у всех народов на охотничьей стадии от Урала до Камчатки? Третье колоссальное изображение на Бесовом Носу представляет как раз несомненное доказательство культа выдры. [1])

Выдра, конечно, не могла играть никакой роли в хозяйстве как объект питания. Ее красивый мех мог вполне компенсироваться мехом бобра (о котором речь ниже) и, конечно, разного возраста оленя. Однако, она и только она попала в число наиболее почитаемых животных. Заметим, что даже медведь, культ которого является универсальным у всех народов севера, на петроглифах Онежского озера не имеет ни одного крупного изображения. Как увидим ниже, охотники эпохи петроглифов охотились за медведем, его убивали. В то же время выдра, животное, конечно, не опасное для жизни человека, повидимому, была обожествлена анимистами Онежского озера.

Правда, она получает несколько (в нашем понимании) курьезное жертвоприношение. Кроме крупного лебедя мы увидим одни головы (с шеей) не то лебедей, не то гусей. Последние изображения выбиты таким образом, что явственно можно понять — художник не собирался выбивать их туловище, са-

---

[1]) В. И. Равдоникас в своем описании пишет: «А. М. Линевский вслед за К. Гревингком считает эту фигуру изображением выдры, что вряд ли правильно». Отнюдь не так трудно выяснить у зоологов — кого изображает один из трех основных петроглифов Онежского озера. Но В. И. Равдоникас не захотел выяснить у компетентных лиц, а потому в тексте для иностранцев (на французском языке) он пишет: «Похожее больше всего на ящерицу».

мую ценную часть птицы. Этот момент характеризует форму жертвоприношения — часть вместо целого, еще недавно бытовавшего у саами (лопарей).

Других видов жертвоприношения выдра не получила. Это понятно. Рыбу она сама ловит, а мясо лосей и оленей не ест. Головы лебедей указывают на форму договорных взаимоотношений следующего типа: «Я тебе дам лебединых голов, а позволь мне охотиться на лебедей, поймаю — дам целого лебедя».

О существовавших поверьях о выдре говорят данные не только нашего материка, но даже у тлингитов Северной Америки. [1]) «выдра возбуждала сильнейший страх тлингитов, и до прибытия европейцев охота на выдру была для тлингитов строгим табу».

Укажу на поверие тлингитов, что у выдры: «страсть уносить украдкой людей и обращать их в людей-выдр... Само шаманство пришло к людям от выдр, через пойманного ими человека. В сказке... говорится, что люди-выдры, когда им удастся вернуться на землю, становятся шаманами... Шаман убивает выдр. Шаман тотчас вырывает у нея язык — эту самую драгоценную для него вещь, которая дает ему способность понимать язык всех неодушевленных предметов, а также птиц, зверей и других живых существ, в которых кроется вся его сила». [2])

Понятно, что раз изображение выдры сделано той же величины, что петроглифы «беса» и налима, анимист Карелии относился к ней с таким же чувством уважения, как и двум другим. А это, в свою очередь, дает нам право допустить, что существовали поверья о выдре не менее значительные, чем только что процитированные. В таком случае культ выдры делается понятным. В самом деле, конечно, у рыболовов бывали случаи, что их сородичи тонули, и культ выдры тем самым мог быть культом предков, культом мертвых, хотя бы в форме зоолатрии.

Подведем предварительные, только предварительные, итоги.

Рассмотрение трех центральных фигур — «бес», налим, выдра — дало нам олицетворение хозяина суши, озера и комбинированный образ, повидимому, уводящий нас к культу мертвых.

Поскольку почитание не только выдры, но по существу «беса» и налима сводится в своей древней сущности к почитанию мертвых, остановимся на этом моменте, привязывающем все три данные образа к неясным корням первобытной религии.

Считая, что изложение своими словами первоисточника

---

[1]) Штернберг-Ратнер С. А. Музейные материалы по тлингитскому шаманству. Сборник музея Антропологии и Этнографии Ак. Наук, т. VI, стр. 82—84.

[2]) Там же.

обычно бывает слабее, чем цитирование, даю большую выписку, вскрывающую основу той связи, которая существует между охотником-анимистом и «хозяином», который еще мыслится далеко не тем высшим божеством, представление о котором мы встречаем в монотеистических религиях. Л. Я. Штернберг так резюмирует понятие охотника, еще не потерявшего пуповины с родовым обществом: «Горный, морской и т. д. человек один... Любимцы и избранники «хозяина» той или другой стихии, от щедрот которых зависит все благополучие, они после смерти сейчас же переходят в род соответствующего «хозяина» на довольно продолжительное время... И все это время, конечно, специально благодетельствуют своим сородичам, посылая им зверей лесных (горный человек), либо рыбу и морских животных (водяной, морской человек). Когда гиляки говорят о каком-нибудь «горном» или т. п. человеке, который его кормит, он имеет в виду своего сородича, который на памяти одного, самое большее его отца или деда, указанными выше путями очутился среди сонма «хозяев». Век такого избранника недолог (самое большее два поколения), и часто не успевает приобщиться к богам один сородич, как за ним следует другой, третий и т. д. Случаи смерти от дикого зверя и на воде нередки. Таким образом связь между живущим поколением сородичей и их божественными сородичами-благодетелями глубоко живая, реальная». [1])

Эта цитата очень подходит к пониманию образа «беса» и налима. Крест и слова Іс Хс с титлами и нимб с «всевидящим оком» (очевидно, XIV или более поздний век), выбитые на фигуре «беса», доказывают, что именно этот петроглиф еще чтился в момент прихода русских. Не будет ошибочным предполагать, что, повидимому, монахи соседнего Муромского монастыря потрудились выбить крест, так как они сами боялись этого двух с половиной метрового изображения. Последнее вполне достоверно, так как национальные «боги» превращались, согласно учения церкви, в «бесов», т. е. все-таки оставались духами, наделенными (по пониманию христиан) функциями злых сил.

Можно думать, что петроглиф выдры включал в себя не только самого юркого зверя, которого не так уж легко заметить, так как он очень чуток и пуглив. Этот образ анимистами понимался значительно шире. Выдра приносит вред рыболовству и прибрежному птицеловству, поедая яйца, разгоняя птиц. Я думаю, что вред, приносимый этим странным животным, одновременно водяным и сухопутным, ассоциировался с представлением о злых покойниках. Вышеприведенный культ выдры у тлингитов вполне идентичен воззрениям гиляков

[1]) Штернберг Л. Я. Гиляки. Изд. Дальгиза, 1933, стр. 89.

конца XIX века, воззрениям во многом родового общества, к которому относятся все Онежские петроглифы.

Поэтому привожу еще одну выписку, которая дает представление о культе злых сил: «Чорт один — то-есть общий враг в лице умершего сородича, убитого чужеродца и т. д. Сородичи при некоторых обстоятельствах после смерти могут перейти в род благодетельных божеств и стать кормильцами и покровителями рода. Точно так же может случиться обратное: сородич, озлобленный при жизни и разошедшийся с родом, не отомщенный или не получивший почестей похоронного ритуала, не попавший поэтому в селения мертвых, может перейти в род злых божеств или просто на свой страх и риск всячески мстить роду. То же может быть и со стороны обиженного чужеродца». [1])

Учитывая только что приведенную цитату, можно сказать, что образ выдры, отнюдь не опасного для жизни зверька, приобретает совершенно иное значение. В петроглиф «выдры», вредной для хозяйства, анимист Карелии (как и ряда других мест), вероятно, вкладывал свое понятие о зле (тем самым о вреде, голоде, лишениях).

Противоположное значение в жизни первобытного населения Онежского озера имел налим. Учтем, что в непромысловое, самое голодное время года (октябрь—январь, когда идут дожди, а затем выпадает глубокий снег) налим стаями подходит к берегам озера и к устьям рек (в данном случае к речке Черной). Его ловили, преграждая речку «приколами» (заборами, снастями), а когда появлялся ледок, то били пешней (на местном языке это до сих пор называется «кожаров бить»). Поэтому я считаю себя вполне правым полагать, что петроглиф «налим», в противоположность петроглифу «выдра», был символом «добра» (промысла, насыщения).

Качественные функции «беса» определить, конечно, труднее. Мы знаем лишь то, что это сухопутное божество, игравшее в жизни анимиста не меньшую роль, чем предполагаемые мною носитель зла — выдра и носитель добра — налим. Но это представитель стихии, от случайностей которой может быть анимист Карелии не был защищен. Развилина и воронка в полости рта и обитая трещина вдоль туловища являются доказательством, что изображение «беса» кормили. Следовательно, это могло быть божеством типа сейда у саамов, которое нуждалось в реальном кормлении (табл. 38, фиг. 1).

Культ кормления духов распространен почти по всем народам севера и Сибири. Приведу необходимые моменты лишь из воззрений саамов средины XIX века ,так как они, как и ненцы, наиболее очевидные из обитателей территории Карелии до

---

[1]) Штернберг Л. Я. Гиляки, изд. Дальгиза, 1933, стр. 93—94.

заселения ее русскими.[1]) Культ сейдов у саамов, как известно, бытовал в течение всего XIX века. «Гекстрем прибавляет, что сейды теряют свою божественную природу, если им перестанут приносить жертвы».[2]) В другом месте отмечается, что «лопари питали великий страх к этому божеству на озере Энаре у дер. Кюре, с ужасом указывали на темные пятна крови и жира на поверхности. Кажется они и поныне представляют себе, что в нем (в скале) пребывает злой дух».[3]) Путешественники отмечали дифференциацию жертвоприношения, находящегося в тесной зависимости от занятия самого населения. «По словам Гекстрема, горные лопари имели также обычай окроплять своих истуканов кровью оленей, а лопари-рыболовы мазали свои сейды рыбьим жиром. Когда потом высыхал этот жир от солнечных лучей, то лопари думали, что сейды съедали эту жертву».[4]) Приведенные цитаты иллюстрируют то отношение, какое, повидимому, было у неизвестного нам племени по отношению к изображению «беса». Сквозь воронку, устроенную в полости рта, и широкую трещину поперек туловища, должно быть, ушло не мало крови в озеро.

У нас есть еще одна возможность проверить формы обращения с изображениями «беса», выдры, налима. Как мы знаем, у всех народов севера существует весьма своеобразное отношение к изображениям своих покровителей. Даю это отношение в описании начала XVIII века: «Егда время угодно начынаеться быти ловлению рыб... тогда служытелие бесов... начнуть лестьми коварно произносити... что вся рыбы морския... ввести имееть в ловли (ловушки — А. Л.) их... И первую рыбу морскую, яже нелму нарыцають... в его приносять жертву сваривше сию прежде сытостию уста и нос идолу сему змазують... Егда же на первом ловлении морския не обрящуть рыбы вскоры, возвращаються с премногим ругателством... влекуть его во вся бесчестная места... и дотоле в том содержать бесчестии, донележе полов рыбный начнеть исправлятися».[5])

Следы подобного «бесчестия» мы легко увидим на каждой из этих фигур.

---

[1]) Учтем, что в завещании Лазаря Муромского (хотя подлинность документа не установлена) говорится о «лопляных и самояди», как соседях основанного им Муромского монастыря, находящегося в 30 км. от Бесова Носа.

[2]) Дергачев К. Этнография Лопской земли. Арх. Губ. Вед., 1869, стр. 36.

[3]) Этнографические заметки Кастрена. Вестн. Русск. Географ. Об-ва, т. IV, стр. 313.

[4]) Дергачев К. Там же.

[5]) Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 г. СПб., 1884, стр. 56—57.

У «беса» (на стороне, где выбита стерлядь) из его бока выходит острый угол. Как увидим далее на Беломорских петроглифах, это знак ранения. Кроме того, с противоположной стороны на лбу идет шрам. Это не бровь, так как над другим глазом подобной черты нет.

Изображение выдры имеет знак поражения (в виде трещины) вдоль морды.

У налима в том месте, где у него печень, — крупная выбоина, отколовшая часть петроглифа.

Таким образом перед нами неоспоримые доказательства, что к этим фигурам было такое же отношение, какое Новицкий в XVIII в. наблюдал у «остяков». [1])

Пользуясь этнографической литературой, мы можем до некоторой степени восстановить в общих чертах формы культа Бесова Носа. Для примера берем ненцев, которых под именем «самоядь» упоминают в завещании Лазаря Муромского, как насельников района Бесова Носа. «У самоедов каждое семейство имеет особливых хаев (идолов), жертвует им в особливое время и содержит их на особливом месте... Бывают у них и общие, но не в многолюдстве отправляемые жертвоприношения, во время бытности их на промыслах, где все самоеды артелями кочуют... Сверх того есть у них и общее место жертвоприношения на острове Вайгач, куда не только все почти в Мезеньской округе находящиеся самоеды, но многие и из-за Сибирского Камня по обещанию приезжают. Богослужение совершается на носу сего острова, прозванного по их мольбе (молитвам. А. Л.) Болванским. На сем месте есть к морю дира, отверстием вокруг около шести сажен. Прежде сего повергали они в пропасть сию жертвенных оленей». [2])

Если мы не знаем, за что именно «дух моря» получал в жертву оленя, то у нас есть надежное свидетельство XVI в. о жертвоприношениях Святому Носу, где жили и живут саамы, также упоминаемые, как насельники района Бесова Носа. Герберштейн в 1526 г., а за ним Антонио Дженкинсон в 1557 г. были свидетелями следующего жертвоприношения: «7 мая прибыли мы к мысу, называемому Svetinose [3]) который образует вход в губу св. Николая. У этого мыса лежит большой камень, которому проходящие ладьи обыкновенно приносят

---

[1]) «Низовой ветер бушевал в течение нескольких дней и не позволял ни промышлять рыбу, ни плыть дальше; тогда из палочки было вырезано изображение, его бросили на землю и яростно били камнями, а потом швырнули в Енисей, сказав: «ступай домой». (Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков, СПб., 1914, стр. 87).

[2]) Лепехин Ив., академик. Путешествие в 1772 году, 4-я часть, 1805 г., стр. 268—269.

[3]) Svetinose— это несомненно мыс Святой Нос. Само название указывает на культовый характер этого мыса.

Фиг. 1

Фиг. 2.

в жертву масло, муку и другие припасы, полагая, что в случае отказа в этом приношении, ладьи и другие суда должны погибнуть, что часто и случалось». [1])

Заканчивая раздел о трех основных изображениях Бесова Носа, я считаю, что все вышесказанное приводит к следующим неоспоримым выводам. Некогда, до колонизации русскими, Бесов Нос был святилищем. Дух зла — выдра, дух добра — налим и «бес» — вероятнее всего, хозяин суши и, быть может, ветра, являлись основными объектами этого культа. Учитывая, что на Онежском озере, в частности в районе его восточного берега, мы пока не знаем иных следов какого-либо другого святилища, можно полагать о значительном радиусе действия святилища на Бесовом Носе.

4. Посвятив столько места разбору значения трех фигур Бесова Носа и собираясь заняться разбором окружающих изображений, мы в начале придем к выводу, что о них ничего почти нельзя сказать. Это понятно — все эти изображения являются лишь жертвенными объектами и фактически не имеют никакого самостоятельного значения.

Однако, оставляя в стороне опрокинутые головой вниз пять пар перелетной дичи, две головы лебедей, двух лосей и т. д. (все это — явственные объекты жертвоприношения), мы все же найдем немало ценного для воссоздания исчезнувшей культуры.

Прежде всего, только здесь, на центральном плато Бесова Носа, мы увидим три изображения рыбы с тремя видами охотничьих снарядов. Это будет сиг (или судак) с проткнутым боком, из которого торчит трезубец. Повидимому, вблизи дана рыба той же породы, из головы которой тянется нитка, надо полагать, от крючка. Наконец, там же дана рыба лососевой породы, которую добывали костяными гарпунами.

Невольно возникает вопрос, неужели не было иных способов лова? Нет сомнения, что были заколы — род забора, повидимому, из наваленных камней, которые ставились поперек речки. Бесов Нос содержит ряд изображений, расшифровка которых поддается с немалым трудом. К фигуре, возможно имевшей значение верши, можно отнести изображение с длинной шейкой и круглым телом. Очень настороженное внимание вызывает изображение, занумерованное В. И. Равдоникасом за № 13. Это узкая, длинная фигура, у которой один конец открыт, а другой после двух изгибов заканчивается глухим мешком. Эта фигура, выбитая по контурам, имеет два перехвата, в середине первого изгиба и в середине последнего. Недоходя до последнего перехвата, к этой фигуре прикреплена, повидимому, густая ветвь. После перехвата шеи —

[1]) Гамель, академик. Англичане в России в XVI и XVII вв., 1865, стр. 14.

Табл. 39

Трезубец.

Трезубец.

13

Рыболовная снасть.

длинный, еще более узкий отросток. Я расшифровываю эту фигуру как рыболовную снасть (табл. 39, фиг. 13).

Начало этой фигуры имеет два отрога в противоположные стороны. Они, очевидно, прикреплялись к чему-то, что продолжалось от этой фигуры в обе стороны. Вероятнее всего, это был забор из кольев, переплетенных ветвями. Рыба, натыкаясь на преграду, добиралась до отверстия, входила в него, проходила отверстие в перемычке, добиралась и проходила вторую перемычку и попадала в тупик. За ветвь, вероятно, плавающую на поверхности воды, рыболовы поднимали на поверхность конец снаряда и через узкий боковой отросток вытряхивали добычу. После этого снаряд вновь опускали, как это делается и теперь в этих местах с мережами.

По толкованию В. И. Равдоникаса несомненный для меня этот рыболовный снаряд изображает «пляшущего человека в маске рогатого животного». [1])

Очевидно, к циклу изображений рыболовства надо отнести фигуру человека с пещней. Я полагаю, что это может означать добывание налима путем ударов пешни по тонкому льду.

Помимо этих, для меня несомненных фигур, может быть к рыболовству можно отнести ряд других фигур, но так как они могут вызвать сомнение, предпочитаю временно отказаться от этого.

Интересна повторяющая фигура трезубца. Он имеет безусловно одинаковую форму с тем, который воткнут в рыбу. Однако В. И. Равдоникас признает за трезубец лишь тот, который соединен с рыбой. Это изображение зарегистрировано у него за № 60. Зато тот трезубец, который зарегистрирован № 56, В. И. Равдоникас склонен считать схематизированным символическим образом, причем этот образ носился как культовое изображение на шесте[2]) (табл. 39, фиг. 56).

---

[1]) Привожу полностью описание и расшифровку, производимую В. И. Равдоникасом: (№ 13 таблица 26 и 33). «Недостаточно понятное изображение, расшифровываемое мною как изображение пляшущего человека в маске рогатого животного. Голова, туловище и ноги фигуры переданы двумя параллельными линиями, соединенными поперечными чертами в двух местах (у шеи и у ног). Изгиб линий туловища и ног передает динамику пляски. Голова в маске животного обращена назад. Разветвление впереди фигуры скорее надо толковать как изображение дерева, чем изображение рога оленя. Левая нога испорчена выбоиной. М. Беркит толкует эту фигуру как незаконченное изображение оленя. Наибольшая длина изображения 0,39 см.» (В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера, стр. 90).

[2]) В точности моих слов легко убедиться, сравнив его стр. 95 (описание № 56) со следующей страницей (описание № 60 и № 61). В русском тексте В. И. Равдоникас считает нужным объявить это культовым изображением, носимым на шесте, а во французском тексте В. И. Равдоникас превращает изображение трезубца в «схематическую фигуру человека с поднятыми руками» (см. стр. 191).

Большой интерес представляют два изображения медведя, причем в одном случае дана композиция охоты на него. Человек копьем колет в грудь животное. Эти медведи даны таким образом, что лишают какой-либо возможности усмотреть признаки почитания их. Нигде на других мысах мы не найдем фигуры медведя.

Весьма любопытны три символические сложные фигуры, причем две из них, как легко различить, имеют человекообразные головы, а третья имеет голову, повидимому, птицы. Обе фигуры расположены по обе стороны налима. Я не буду их рассматривать в этой части исследования, так как работа над расшифровкой этих образов еще не закончена. Третья композиция, в которой туловище человека в нижней части превращается в лебедя, я подробно описал, расшифровывая аналогичные изображения третьего мыса Пери Носа.

Минуя некий снаряд для метания в дичь (фигура лебедя дана при изображении снаряда), перейдем к самой отдаленной к востоку фигуре (табл. 41).

Это несомненно фигура человека, и, как отмечает В. И. Равдоникас, с очень натуралистически изображенным фаллосом.

Хотя фигура выдержана стилистически в шаблонных для Онежского озера формах — расставлены ноги, на руке три пальца, — но учтем, что он изображен с раной на груди. Ту же самую форму ранения груди мы уже встречали у повешенного человека в композиции на центральной скале Пери Носа. Детали, которые позволяют осознать значение этого петроглифа, следующие. Как отмечает В. И. Равдоникас, изображение «частично пострадало вследствие выбоины и выветривания (не вполне ясно прослеживаются детали головы, задет конец правой ноги и шеи)». Говоря правильнее, анимисты древней Карелии нарочно «попортили» правую ногу и затылок. Это означает, что хозяева местности Бесова Носа недоброжелательно относились к образу этого раненного в грудь человека. Чем он вызвал антипатию? Это поясняет та фигура, которую он несет на голове, а именно, большой лебедь: туловище лежит на голове человека; одной рукой несущий придерживает лапы, другой держит голову длинношеей птицы. Повидимому, перед нами изображение похитителя лебедя. Потому-то он ранен в грудь, а в силу магических манипуляций над этим образом ему повредили правую ногу и затылок.

Все это нам дает право предполагать, что перед нами некий документ о расправе с нарушителем собственности. Последнее обстоятельство подскажет историку целый ряд соображений о ступени развития общественного строя в период петроглифов. Несомненно, население района Бесова Носа зна-

ло общинную, родовую собственность на территорию и на все, что в ней находилось. Фигура помещена крайней на восток. Я думаю, это не случайно, очевидно, из лесов выходили чужеплеменники и с ними расправлялись как с похитителями общеродовой собственности. Впрочем, возможен иной вариант: петроглиф означает духа — похитителя лебедя, точнее, сезонной добычи населения.

5. Теперь остается рассмотреть интересный культ лебедей. Этим можно закончить рассмотрение петроглифов Онежского озера.

Лебеди, гуси, гагары, утки — словом, та дичь, которая регулярно прилетает и улетает, повидимому, играли исключительную роль в жизни населения Онежского бассейна. Особых доказательств этому положению не надо приводить, если учесть, что дичь появляется в самое тягостное, самое голодное время в охотничьем году. Снег стаивает настолько, что прекращается промысел за лосем и оленем. Рыбы еще нет; под толстым льдом древнему рыболову не было наживы. Прилет лебедей, как правильно отмечает Поляков, является событием громадной важности. ...«Для остяка, уже проголодавшегося зимой, истребившего все запасы, лебедь первый открывает вид на новую жизнь, связанную с большим изобилием птиц... За этим прилетом птиц начинается ход рыбы». [1])

По наблюдению местных старожилов бесоносовско-усть-шальского района, первые лебеди прилетают на «благовещение» (25 марта старого стиля, т. е. 8 апреля). Лебедь до сих пор называется «первой вещуньей»; он садится около мест, где вода не замерзает, или успела уже оттаять. Важное указание сделал старик А. П. Сапожников из дер. Мошниково, что на р. Шалице: «Черная речка раньше наших рек вскрывается». Поэтому не случайно наличие на соседнем с речкой Черной мысе Кладовце из 27 уцелевших петроглифов (без фрагментов) 19 изображений птиц (11 лебедей, 4 гуся, 2 утки и прочих 2). Мы можем с уверенностью сказать, что мыс Кладовец был посвящен культу перелетной птицы.

МЫС КЛАДОВЕЦ

Последний из трех красных со стеклообразной поверхностью мысов, очень сильно разрушен.

Мыс Кладовец дает нам серию птиц, изображенных самыми разнообразными стилистическими приемами. Это обстоятельство и затем совершенно неоспоримое отсутствие композиции дает возможность сделать ряд выводов относительно культа перелетных птиц. 23 изображения из 35 относятся к дичи и промыслу на нее.

---

[1]) Поляков И. С. Старинное и современное Лукоморье, стр. 144 (Живописная Россия, т. XI, 1884).

Но было бы неправильно сказать, что только мыс Кладовец тесно связан с весенними (и осенними) перелетами водоплавающей птицы. Бесов Нос имеет целую композицию лебединой стаи, которая отделена от центральной группы (выдра, бес, налим) очень давним обвалом скалы. На самой центральной скале Бесова Носа дана группа из пяти птиц (лебедя, гуся, гагары), обращенных головой в сторону Кладовца, т. е. на юго-восток.

Кроме того, мы знаем серию гигантских лебедей с гипертрофированно-удлиненными шеями (соотношение туловища к шее как 1 : 3): пару лебедей (с детенышем между ними) на втором мысу, три лебедя на третьем мысу Пери Носа, по одному лебедю в двух местах северного берега Бесова Носа, вожака лебединой стаи рядом с центральной композицией Бесова Носа. Последний лебедь из этой серии гигантских птиц находится между выдрой и «бесом». Величина лебедя равна величине туловища выдры.

Вся эта серия гигантских лебедей (нет ни одного лося крупнее, чем половина величины подобной птицы) появилась неодновременно (во всяком случае, не сделана рукой одного художника). Ни одна из этих птиц не похожа на другую (однако, кроме изображения на Бесовом Носу, каждая из двух пар несомненно выбита одновременно, очевидно, изображая самца и самку (табл. 40).

Чем отличается группа гигантских лебедей от прочей полусотни лебединых изображений? Прежде всего, эта группа выделяется диспропорцией шеи к туловищу. Таких птиц первобытный художник не мог видеть в натуре. Это не копии с действительности, которые мы видим в числе свыше полусотни, это — воображаемые, мифические птицы. Перед нами не просто охотничья магия, перед нами доказательство существования мифологических поверий о лебедях.

Резкие стилистические особенности каждого из этих изображений указывают на отсутствие четких канонизированных представлений об этих мифологических птицах, что давало свободу художнику при создании новых изображений.

Нельзя не обратить внимания на факт, что эти гигантские лебеди изображались или в одиночку на отдельных мысах, либо рядом с образами духов. Мы не найдем ни одного подобного лебедя вместе с теми изображениями, которые являются, по терминологии сетующего на меня В. И. Равдоникаса, «снимками с натуры».

Говоря языком моего критика, «необходимо предварительно расшифровать значение в первобытном сознании» этих гигантских лебедей. Это не трудно сделать. Нарушая пропорции туловища к шее, анимист достигал двойной цели:

9—1172—15

указывал потомкам, что это изображение «особого» лебедя [1]), и в то же время давал ощущение необыкновенной величины. [2]) Но часть этих мифологических лебедей имеет знаки ранения, оказываются в состоянии смерти, попадают шеей в капкан. Все это доказывает, что нормы мышления анимиста эпохи петроглифов были иными, чем у современного охотника. Еще недавно в Карелии повсеместно не били лебедей, считая это за грех. Такое отношение к почитаемому животному аналогично отношению верующего к тем или иным предметам культа — бить икону или топтать ее — по нормам мышления верующего — означает богохульство. [3]) По логике дохристианских верований если «дух» не помогал, надо было его наказать. В полном согласии с таким воззрением, мифологические лебеди по представлению древних анимистов, повидимому, попадали в такие же переделки, как и реальные птицы. Но это обстоятельство все же не ставило их на одну доску с действительными «снимками с натуры». Анимист помещал «особых» лебедей рядом с явственно фантастическими образами, имеющими птице- и зверообразную голову, хвосты и т. д.

Очевидно, верную характеристику отношения анимиста к лебедю дает цитата из Анучина, хотя она относится несравненно к более поздней стадии развития общества. «Лебедь— белая птица «тих» — любимая птица доброй богини Томам. Лебедь подчинен не каждому шаману; по поручению шамана, лебедь летает и к Томам и на Ледовитый океан. Он может приносить только добрые вести; он не состоит на посылках у самого Ес.. Когда шаман во время камлания выкрикивает полебединому, это вызывает радостный гул среди присутствующих. Слова «тих — лебедь» часто служат именем человека». [4]) О существовании культа лебедя-гуся в эпоху металла можно догадаться благодаря литым изображениям гусей. [5]) После появления русских, создается весьма правдоподобное восно-

[1]) Для анимиста, конечно, не было мифологических образов. Воображаемые существа казались в такой же степени реальными, как и для верующего почитаемый им «святой угодник».

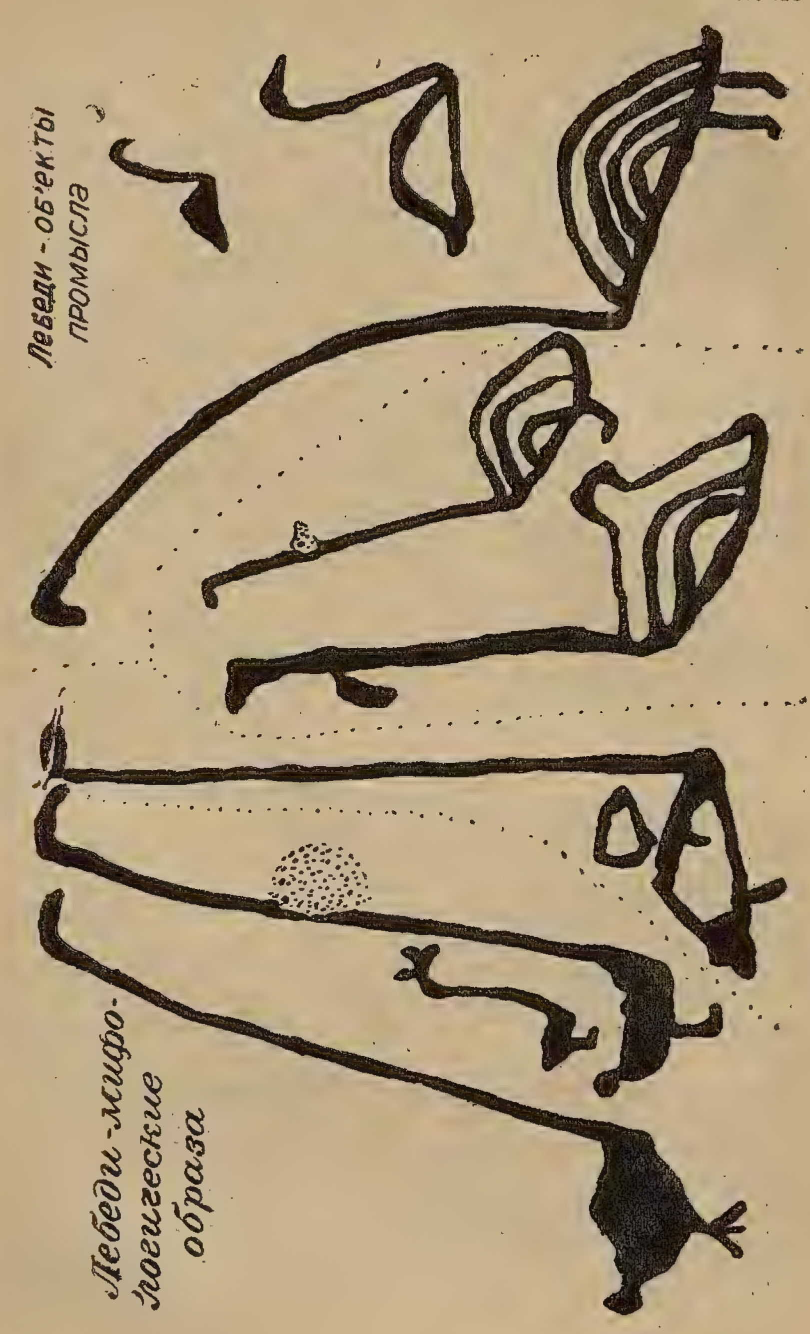
[2]) Это стремление дать впечатление особой грандиозности птицы будет понятно, если учтем, что племена Урала—Оби имели широко развитый культ прилетной водоплавающей птицы, считая лебедя за царя птиц. См., например, Гондатти Н. Н., Следы язычества у инородцев северо-западной Сибири, 1886, стр. 55.

[3]) «...В большом уважении у лопарей древние священные места. Места эти и принявшим христианство кажутся так страшны, что они не смеют приблизиться к ним без жертв, а потому в околице их не живут и не ловят птиц». (Дергачев Н. Этнография Лопской земли, стр. 43, отдельный оттиск Арх. Губ. Ведомостей, 1869).

[4]) Анучин В. И. Очерк шаманства у Енисейских остяков. СПб. 1914, стр. 55.

[5]) Радлов В. Сибирские древности, 1891, т. I, вып. 2, стр. 23, приложения.

Табл. 40

минание о культе Обского старика в виде серебряного гуся.[1]) Несомненным доказательством некогда существовавшего культа служат украшения коми и ряда других племен в виде гусиных лапок, которые выполняли роль амулетов — оберегов от разных видов зла. «Выдающееся место в мифологии зырян уделяется утке... Старинные зырянские серебряные серьги на Выми называются одни «чусами» — массивные и крупные, а другие «лапи» — имеющие подобие лапок. В каждой почти крестьянской избе можно наблюдать солонки в виде утки или утки с группой утят на спине. Изображение утки является любимым, очень распространенным вариантом украшений фронтонов домов и крылец. Встречаются флюгера в виде уток, по представлению крестьян с. Важгорт, водяной (кульвасса) принимает вид утки («чож»), грудная кость утки заботливо хранится зырянами около божницы». [2])

Поверия этих племен совершенно аналогичны бытовавшим в Карелии, что лебедь находится в физическом родстве с человеком. «Лебедь раньше был женщиной». [3]) «...Лебедь имеет, как женщины, месячные очищения...» [4]). Эти поверия мы найдем у бурят, причем лебедь — уже родоначальник племен. Буряты, считая лебедя своим предком, не убивают эту птицу. [5]) Те же представления существуют у гольдов. [6])

Все эти аналогии, которые легко можно утроить, если не удесятерить, приводят к выводу, что в Карелии действительно существовал такой же культ лебедя, как например на Оби, великой магистрали другого района севера. И там и тут — причина одна и та же — лебедь самая ранняя прилетная птица, вестник наступления большой добычи (дичь, рыба). Гондатти пишет про народы западной Сибири, что «лебедь раньше был царем птиц... Весной начинает прилетать очень рано, а осенью отлетает очень поздно...» [7]) Местное население района Бесова Носа говорит, что лебедь первым прилетает, а в устье р. Черной и заливе между Бесовым Носом и Пери Носом вода вскрывается раньше других мест. Вот почему мысы, окаймляющие этот залив, дают такой большой процент изображений прилетной водоплавающей дичи. Чтобы установить это обстоятельство, надо не только воссоздавать

---

[1]) Гондатти Н. Н. Следы язычества инородцев северо-западной Сибири, 1888, стр. 54.

[2]) Коми-Му, № 1—2, 1924, стр. 44. Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян.

[3]) Гондатти Н. Н. Следы язычества..., стр. 55.

[4]) Там же, стр. 54.

[5]) Вяткина. Пережитки тотемизма. Советская Этнография, 1935, № 5—6, стр. 64.

[6]) Штернберг Л. Я. Гиляки, гольды... Изд. Дальгиза, 1933, стр. 503.

[7]) Гондатти Н. Н. Следы язычества..., стр. 55.

особые нормы первобытного мышления, как рекомендует мне В. И. Равдоникас. Для этого надо, кроме того, изучить природу, и, тем самым, знать первоначальные формы хозяйства населения данного района.

6. Мысом Кладовцом по существу оканчивается галлерея Онежских петроглифов.

Между этим мысом и следующим Гажьим Носом находится устье неширокой речки Черной и песчаная бухта. Гажий Нос, весьма похожий на Карецкий формой и серым цветом, вдвое больше последнего и имеет очень большую площадь, вполне пригодную для петроглифов. Однако, на всем носу только 12 изображений.

Эти немногочисленные памятники древнего искусства любопытны, главным образом, тем, что очень резко выделяются по стилю от прочих петроглифов Онежского озера и способны ввести искусствоведа в заблуждение. Все это до последней степени стилизованные изображения водяной дичи, лося, лодки. Некоторую аналогию им можно найти в таких же стилистически чуждых петроглифах первого мыса Пери Носа. Этот контраст делается особенно разительным при сопоставлении с так художественно выполненными фигурами той же дичи на Кладовце.

Из всех фигур Гажьего Носа любопытно лишь одно изображение какого-то мифологического существа. Это явственно доказывается формой головы, тонкими заостренными концами передних лап и толстыми копытообразными задними конечностями. Близкую аналогию (правда, на этот раз фаллического существа) мы встретим на Кладовце. Одна из ног этого изображения соединена с гагарой. Любопытно, что похожую фигуру с такой же формой гипертрофии фаллоса мы встретим на Беломорских петроглифах Залавруги (табл. 41, фиг. 9).

На следующем Толстом Носе петроглифов нет.

Небольшая группа, как бы сборный планшет типичных по стилю Онежских петроглифов, выбита на мысе острова Большой Гурий. Два разных стиля лебедя, гагара, два типичных капкана разной формы, трех типов лось и лодка, ничем не отличающаяся от других, — вот и все девять изображений этого острова, выбитые на самой конечности мыса. Все эти фигуры — типичные «снимки с натуры». Это указывает, что островок не имел культового значения, на нем нет даже человекоподобной фигуры, которую можно было бы принять за изображение «хозяина» этого островка.

Этими петроглифами заканчивается полоса Онежских наскальных изображений, выбитых на пяти носах.

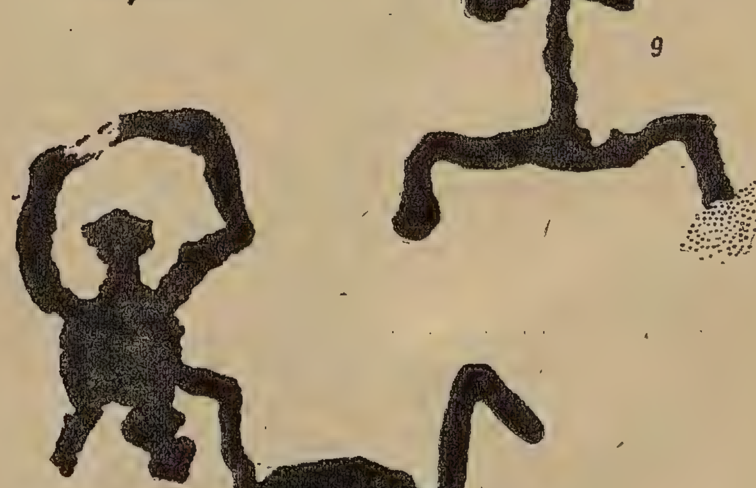
Петроглифы Онежского озера, число которых перевалило за полтысячи, безусловно дают весьма разнообразный мате-

Белое море
Залавруга

Онежское
озеро

риал, способный осветить большой круг жизни родового общества. Но культура эпохи петроглифов Онежского озера, ее стадии развития, контрастнее всего выявляются при сравнении с двумя иными стадиями культуры Беломорского бассейна.

Поэтому лучше вначале проделать подобную же работу с Беломорскими наскальными изображениями. Это позволит с большим основанием дать картину стадиального развития общества древней Карелии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

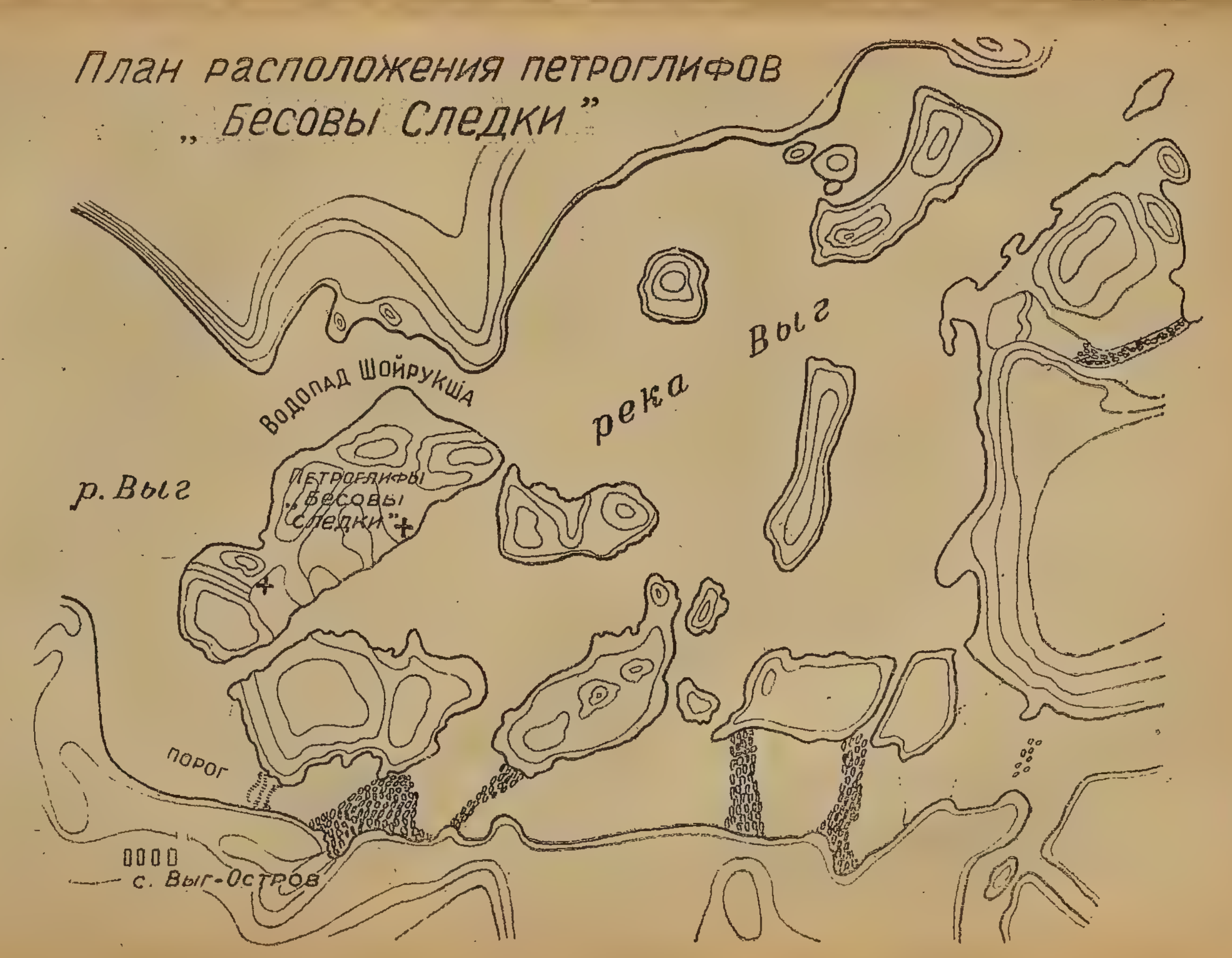
Беломорские петроглифы

БЕСОВЫ СЛЕДКИ

Одну из самых крупных рек Карелии, Выг, в семи километрах от ее впадения в Белое море пересекает каменная гряда. Широкое течение втискивается в узкую, саженей в пять, гранитную щель, называемую Шойрукша, в которой вода, разбиваясь о подводные гранитные глыбы, из-за большого ската дробится и превращается в сплошную пену. Еще в сотне саженей слышится грохот водопада и порога. Через полкилометра идет новая полоса порожистых мест (продолжение той же гряды, так как река делает изгиб), образуя известный по документам XVII века порог Золотец. После ряда других, менее бурливых мест, река выходит в Сорокскую бухту Белого моря.

В том месте, где гранитная щель создает очень сильный порог Шойрукшу, вся масса рыбы, идя из моря в верховья, поневоле застревает перед непреодолимым препятствием. Сама природа образовала естественный «забор» из гранитного островка, который преграждает реку. Правда, река проходит также с правой стороны островка, но и там каменная масса образует водопад. Рыба не может перескочить его, так же как не в силах преодолеть мощность быстрины порога Шойрукша. Только отдельные крупные экземпляры семги и сигов, как говорят местные рыболовы, вскачь по скалам перебираются через преграду, вся остальная масса застревает перед этим гранитным островком. Кроме островка поблизости находится целая цепь отмелей, островков и камней, быть может нарочно накиданных. Таким образом, рыба, попадая как бы в карман, под напором задней рыбы, не возвращается обратно (табл. 42).

На большом островке, преграждающем реку (на самом деле их два), на ближайшей к порогу горизонтальной скале красного цвета выбита группа из 300 почти всюду вполне четких наскальных изображений, называемых местным населением «Чортовыми следками» и переименованных мною, по ассоциации с широко известным Бесовым Носом, в «Бесовы следки».

План расположения петроглифов
„Бесовы Следки"
река Выг
р. Выг
Водопад Шойрукша
Петроглифы „Бесовы Следки"
порог
с. Выг-Остров

Из вышеизложенной топографии местности понятна несомненная зависимость появления петроглифов в месте вынужденного скопления рыбы из-за порога Шойрукши и водопада с другой стороны. Это подтверждает тематика изображения: мы встретим исключительно охотничьи мотивы (табл. 48 и 49).

Центральная часть скалы насыщена до предельной возможности изображениями. На ней буквально нельзя поместить ни одной новой фигуры, величиной хотя бы в 10 см. По сторонам скалы заметна разреженность, а по краям еще можно было бы вместить несколько десятков петроглифов. Но в целом вся удобная площадь целиком использована. Лишь с очень большим трудом намечается ряд изображений на верхней части скалы светло-серого цвета, которая до последних лет была покрыта землей и растительным слоем.

1. Необычайная насыщенность изображениями разных видов животных, при этом без соблюдения друг к другу естественной пропорции, в силу чего, например, медведь в пять раз меньше лебедя и равен по величине лисице, создает вначале весьма сложное для разбора панно (табл. 43).

Чтобы разобраться в этой мешанине, я раскрасил каждую группу изображений лишь ей одной присущим цветом (например, рыбы, морские животные и лодки — голубым, олени и лоси — коричневым, люди — черным цветом и т. д.). Тогда вся эта как бы сливающаяся масса тотчас же разбилась на ряд группировок. Это явилось первым шагом к расшифровке изображений.

Прежде всего, чтобы начать чтение, надо было решить, есть ли в данной группе единая композиция, как, например, на центральной скале Бесова Носа или центральной скале Пери Носа? Нет ли напластования нескольких композиций или, быть может, все это одиночные, не имеющие взаимной связи изображения?

Это является самым трудным моментом во всем изучении петроглифов Бесовых следков. Но отказаться от разрешения этой проблемы значило начать скользить по поверхности, заняться простейшим описанием и сомнительного качества разглагольствованием «по поводу», нахватывая отовсюду понемногу цитат и справок кто из каких археологов запада, как на эту тему когда-либо думал. Не желая итти по этому очень широко распространенному шаблону, пришлось отдать очень много времени, чтобы разобраться в нередко друг друга разбивающих доводах.

За наличие композиции, казалось бы, говорила проходящая через всю скалу цепь следов то правой, то левой ноги, оканчивающаяся изображением «беса».

Против существования композиции были другие более или менее убедительные доводы — полнейшая бессистем-

ность расположения изображений и вопиющая диспропорция одной фигуры к соседней.

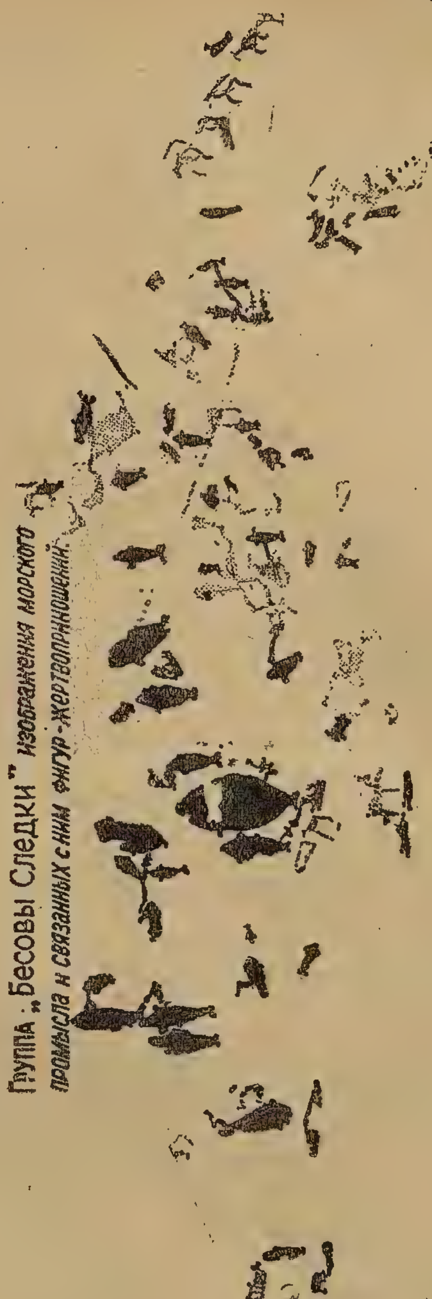
Много времени ушло прежде чем я додумался до такой простейшей вещи, как копирование на кальку изображений только морского промысла, нанося пунктиром прочие изображения, непосредственно соединенные с объектом этого промысла. Кроме того, особой штриховкой были нанесены на эту выкопировку следы и фигура «беса». Только глядя на этот планшет с выборочными фигурами, я смог ответить самому себе на до сих пор неразрешенный вопрос об единстве, множественности или полном отсутствии композиции.

Прежде всего сделалось ясным, что в группе Бесовых следков нет единой композиции, в стиле центральной скалы Бесова Носа.

Далее, сделалась понятной стадиальность появления петроглифов. Объекты водяных промыслов (главным образом, морского) занимают площади столько, сколько им требуется: фигуры не стеснены, масштабы не исковерканы. Словом, в момент их создания художники не были стеснены пространством. Это очень отчетливо заметно в южной половине группы, где свободно расположились три композиции промысла за морскими животными на лодках. В центральной части господствуют олени и лоси. Объекты морского промысла здесь включены (судя по величине) как второстепенные, уступая прочим сухопутным животным (табл. 44).

Возникает вопрос, нет ли двух композиций по этим двум основным подразделениям охотничьего хозяйства? Мы видим, что подавляющее большинство объектов водного промысла дано головами на запад. Это — один из основных признаков если не композиции, то определенной целеустремленности. Зато лоси и олени даны в самых разнообразных направлениях. К этому доводу при несомненном отрицании единой композиции добавляется другой, на который указывает разнокалиберность фигур сухопутных животных. Сразу решается вопрос по отношению к элементам сухопутного промысла: единой композиции нет, изображения высекались от случая к случаю. При этом, расположение фигур лесных животных часто зависело, повидимому, от конфигурации имеющегося свободного пространства (табл. 45).

Совсем в ином положении объекты водных промыслов. Все они (кроме немногочисленных случаев, причина которых будет разъяснена ниже) помещены головой вверх по течению рек и, тем самым, хвостом к морю. Это обстоятельство указывает, как только что было отмечено, на наличие в это время свободной площади и на магический характер создания этих петроглифов — художник стремился привлечь их из глубины моря в сторону материка.

Группа „Бесовы Следки" изображения морского промысла и связанных с ним фигур-жертвоприношений.

Следовательно, изображение водных промыслов, можно полагать, появилось раньше фигур сухопутных животных.

Как узнать, какое изображение появилось раньше? Между двумя крупными изображениями оленя и лебедя мы видим друг к другу головами две фигуры людей, которые по величине почти втрое меньше этих животных. Совершенно очевидно, что эти изображения людей как бы втиснуты между оленем и лебедем и, следовательно, появились после создания фигур оленя и лебедя.

Возникает вопрос, почему, допустим, данный олень повернут головой на северо-запад? Сделав на прозрачной кальке копию этого оленя, будем поворачивать его по оси, чтобы узнать, имел ли художник возможность выбить это изображение в ином направлении, или отсутствие площади обязывало его изображать только в данном направлении.

Работая такими, по сути дела, простейшими приемами вначале над крупными, затем над средней величины фигурами, можно выявить без существенных ошибок стадиальность появления отдельных петроглифов.

Конечно, вышеописанные до нельзя несложные приемы все время контролируются исследователем над иными, но идентичными фигурами. Наблюдения контролируют и очень часто могут разрешить весьма существенные затруднения. Так, например, в центральной части группы в разных местах мы видим три человеческие фигуры одной и той же величины. При этом они окружены с одной стороны двумя очень крупными лебедями, а с другой стороны — тоже крупными фигурами оленя и рыбы. Возникает вопрос, почему люди имеют такую незначительную величину по сравнению со своими соседями. Является ли их размер результатом отсутствия свободной площади, или эта величина уменьшена в силу тех или иных соображений. Сравним эти фигуры с изображением человека в южной половине скалы. Выбитый между фигурами касатки и оленя, занимая все пространство между ними, он крупнее трех изучаемых нами фигур. Следовательно, мы можем полагать, что величина трех изображенных людей зависела от имевшейся в то время свободной площади. Стадиальность этих фигур по отношению к окружающим животным, по-моему, определяется безошибочно. Но у нас в резерве возможность проконтролировать вопрос — не было ли у людей изучаемого нами периода тенденции изображать человеческие фигуры меньшей величины, чем ценных в промысловом отношении животных? Посмотрим на крайнюю с севера композицию стада лосей (оленей?) и сзади их человека на лыжах. Если это изображение лосей, то пропорциональность между величиной животных и человека — вполне выдержана. Следовательно, последнее сопоставление

Группа „Бесовы Следки“.
без изображений морского промысла

подтверждает мое предположение, что изображения людей появились позднее фигур соседних с ними животных. Таковы приемы медленного, очень кропотливого расшифрования стадиальности появления того или иного петроглифа.

Теперь нас интересует другая проблема (с первого взгляда менее сложная): когда появились следы и фигура «беса». У нас нет убедительных данных без особой предварительной работы. Доводы «за» и «против» не имеют под собой никакой почвы. Изображение «беса» выбито в окружении широкой полосы свободного пространства и потому не поддается установлению взаимной зависимости и, тем самым, установлению стадиальности по отношению к другим петроглифам.

Иное дело — установление времени появления следов, тесно окруженных прочими изображениями. Последнее обстоятельство является единственным средством относительного датирования этих петроглифов (табл. 46, фиг. 1).

Вглядываясь в цепь следов, пересекающих группу петроглифов, мы видим правильное чередование то правой, то левой ноги. Вот это обстоятельство, как мы увидим сейчас, является исходным пунктом для стадиальной датировки следов и частично фигуры «беса». Рассматривая линию следов, легко подметить несомненное стремление художника соединить след одной ноги со следом другой. По сути дела мы имеем три пары следов, из которых каждый имеет свое направление, несколько отличающееся от предыдущего следа. Кроме того, расстояние между каждой парой следов всегда больше, чем между следом правой и левой ноги. Промер расстояния между ними таков: между первым и вторым следом— 92 см., вторым и третьим — 119 см., третьим и четвертым — 51 см., четвертым и пятым—118 см., пятым и шестым—89 см. и между шестым и изображением «беса» — 214 см. Как видим, расстояние между парами следов далеко не одинаковое. След первой пары отделен от второй на 119 см., следующая отделена на 118 см. и чуть не вдвое больше расстояние (214) у третьей пары. Если мы попробуем раздвинуть вторую пару следов так, чтобы интервал между ними был бы равен интервалу первой пары — 90 см. (вместо существующего 51 см.), то увидим, что след ляжет или на изображение лодки, или на гуся, окруженного метательными ядрами. Очевидно, первобытный художник был стеснен по этой самой причине. Следовательно, у нас есть право предположить, что следы выбивались после появления этих им мешающих изображений.

Прочность каждого вывода зависит от дополнительных подтверждений по созданному заключению. Мое положение, что следы являются более поздними, чем крупные изображения морского и сухопутного промысла, имеют следующие дополнительные доводы: следы не идут по прямой линии чередования, у каждой пары свое направление. Это зависит, как легко можно подметить, от расположения соседних фигур. Это особенно заметно у последней, третьей пары следов. Если

Фиг. 2.

Фиг. 1.

продолжить направление этой пары, то оно придется на плечи фигуры «беса». Очевидно, изображения, находящиеся внизу у последнего следа, не позволяли художнику дать верного направления этой «дороги» и соединить ее прямой линией с ногой «беса».

Возникает вопрос, что в таком случае художник мог бы выбить изображение духа повыше, чему вполне позволяет место, но этого не сделано. Является законная догадка, что следы появились позднее, чем изображение самого «беса».

Дополнительным доводом этой догадки будет факт, что последний перед фигурой «беса» след, как и след самого «беса», принадлежит одной и той же ноге — оба они изображают левую ступню.

Почему бы в случае синхронизма следов и «беса» не сделать духа с правой ногой и тем самым не нарушать естественное чередование хода ног? Повидимому, потому, что «бес» был выбит раньше идущих к нему следов.

Но тогда возникает вопрос, почему не выбить первый след ступни левой ноги и тем самым подогнать правильную чередуемость следов? Ответ, по-моему, один — первый след (правой ноги) был выбит раньше. Поэтому художнику осталось лишь выбить след следующей ноги.

Такое заключение имеет подтверждение. Первый, самый южный след действительно резко отличается от последующих. Во-первых, он имеет небольшой отросток, символизирующий часть ноги. Во-вторых, он внутри имеет пустоту (нетронутый круг гранита), что означает, очевидно, ранение. В третьих, его величина и стиль [1]) разнятся от всех последующих. Поэтому законно предположить, что прежде был выбит на крайней южной стороне правый след, а на северной стороне группы—фигура «беса» со ступней левой ноги. Цепь следов появилась уже позднее.

Такой вариант появления следов в более позднее время имеет подтверждение в следующем факте: по прямой линии над последним к «бесу» следом левой ноги мы видим след правой, наколоченный на голове лебедя (табл. 46, фиг. 2).

Если в натуре человек имеет большие пальцы ног расположенными внутрь, то в данном случае большие пальцы будут каждый с наружной стороны.

Не трудно предвидеть затруднения художника-анимиста, когда ему пришлось делать изображение следа на голове лебедя. Если высечь след левой ноги, то «дорога» пойдет в сторону от изображения духа, что не могло устроить своеобразного реалиста, которым является анимист. Очевидно, по

---

[1]) Длина первого следа — 20 см., всех остальных — 21—24 см., ширина в пальцах — 9 см., у всех других — 11—12.

этой, и только по этой, причине пришлось выбить ступню правой ноги.

Таким образом, путем наблюдений и сопоставления ряда фактов я считаю возможным сделать следующие выводы о порядке стадиальности заполнения скалы петроглифами «Бесовы следки».

I. Первая стадия. Прежде всего появились на южной части скалы крупные изображения и композиции промысла на море, связанные с ними лось и олень. Очевидно, к тому же времени относятся два лося, олень и гусь, окруженные метательными ядрами.

На центральной части скалы. В нижней части: два лебедя, три-четыре оленя, два орудия промысла, трезубец и снаряд для метания, повидимому, в птиц. В верхней части: промысел за касатками (?), лось и лосиха, повидимому, в период течки. В северной части: композиция промысла на моржей и белуху, медведь, сухопутные животные и морж.

Возможно допустить, что к тому же времени относится появление петроглифа «бес», а на южной стороне — первый след правой ноги.

Вторая стадия. Все композиции с человеческими фигурами и ряд мелких фигур, в особенности внизу центральной части скалы.

Третья стадия. Пять следов «беса» и шестой — на голове лебедя. Все прочие фигуры, которые отличаются незначительными размерами. Повидимому, в это же время появились верхние фигуры бесхвостых животных, оленя и волка.

II. Группа «Бесовы следки» не имеет и никогда не имела единой композиции. Кажущееся благодаря цепи следов «беса» единство немедленно распадается при первом же разборе изображения.

III. При сопоставлении группы «Бесовых следков» с Онежскими петроглифами, последние, несомненно, надо отнести к более позднему в стадиальном отношении времени. Это не значит, что я отвергаю относительный синхронизм. Петроглифы «Бесовы следки», несомненно, принадлежат обществу более низкой ступени культуры, чем население Онежского озера.

Доказательством этого положения является отсутствие на скале «Бесовы следки» самоловящих снарядов и отсутствие композиции более сложного порядка, чем мысль «люди ранили такое-то животное».

Сопоставление группы «Бесовы следки» с панорамой Бесова Носа, с пиктографической композицией целого охотничьего года на центральной скале Пери Носа, вывезенной в Эрмитаж, говорит само за себя. «Бесовы следки» — наиболее ранняя ступень петроглифов Карелии.

2. Не малые споры может вызвать решение методологической задачи: как начинать расшифровку полистадиального памятника.

Я являюсь сторонником приема исходить от позднейшей стадии (имеющей кое-какое соприкосновение или остатки в нашей современности) в более раннюю, уже не имеющую достоверных следов. Отправляясь от позднейшего к более раннему, мы можем цепляться за те пережитки, которые дает нам этнография.

Вот почему разбор группы «Бесовы следки» я начинаю с позднейших петроглифов — линии следов и образа духа, — имеющих довольно обширные аналогии, зафиксированные как в самой Карелии, так и у народов, еще недавно находившихся на стадии анимизма.

Какой смысл задерживаться на линии следов то правой, то левой ноги оканчивающейся фигурой «духа»? Чудовищно гипертрофированный фаллос доказывает, что данное изображение, конечно, не снимок «с натуры», а, следовательно, изображает образ мифологического существа, дошедшего, как увидим ниже, до нашей современности. Линия его следов — это та самая «дорога духов», о которой я говорил в главе о причинах возникновения петроглифов.

Эти поверья свойственны населению нашего севера, где их называют «след» или «круг» (б. Вологодская губ.) и «худой след» (б. Олонецкая губ., входящая в состав современной Карельской АССР). При этом эти «следы» связываются всегда с образом лешего.

В бывшей Вологодской губ. в конце XIX в. местной литературой зафиксировано следующее поверье: «Леший для своего обиталища выбирает старые дуплистые деревья... отсюда леший распространяет свою губительную силу на определенную область пространства, в пределах которого он бегает».[1])

Более подробное представление о характере этой «дороги духов» дает поверье, записанное в б. Олонецкой губ. «Нехорошо попасть на худой след, а ругнись на худом следу — и пропал человек. Худой след... бывает в лесу или в поле, или на дому; есть следы, где «хозяин» (домовой) прошел — их не видно так спроста, ну, али свадьба лесового проехала — все одно, значит. Как человек ступил тут, да еще изругался, ну и конец, добру не бывать».[2]) «Худой след» оказывает следующее действие: «...Вижу на снегу следы, будто человеческие, только шаг и нога больше. Остановился я, примерил — как раз, как у человека. Пошел дальше в правую

---

[1]) Вологодские Губ. Ведомости, 1893, № 31, стр. 9.

[2]) Олонецкий сборник, вып. I, 1875—76, отд. II, стр. 53—54.

Фиг. 2.

Фиг. 1.

сторону. Шел долго, а гляжу — опять к таким же следам вышел. Гм, что такое? — думаю. Пошел налево, шел, шел — опять вышел к тому же месту. И будто у меня все в голове спуталось, совсем понимать перестал, в какую сторону итти надо. Не ладно дело. Вспомнил я, чему старики учили — скинуть с себя тулуп, шапку, все... Перетряс все и опять одел. Пошел — и часу не прошло — в деревню вышел». [1])

Это поверье о волшебном свойстве «дороги духов» мы встретим на всем нашем севере у ряда народов. Так, например, у коми: «Одного крестьянина все время из дому выгоняли Олыс'и. Зачем, мол, на нашей дороге дом поставил. Каждую ночь они ему грезились, — так и пришлось перенести дом в другое место». [2]) Или: «Заметив проделки лесного духа, охотники перенесли свою избушку на новое место». [3]) Тот же мотив встречаем у пермяков: «Развели лесники на пустоши с сухим выбитым лесом огонь. Вот несется вихрем леший — кто позволил на моей дороге огонь раскидывать? — Весь костер разбросал» [4]). Об этом же говорят беллетрические очерки краеведов: «А спросился бы он у лесового ночевать, тот и не чудил бы, изба-то, надо полагать, была его». [5])

Всех этих примеров достаточно, чтобы получить сравнительно детальное представление о действии таких дорог. Лешие имели свои дороги, отличающиеся свойством не выпускать человека и животных со своей линии. Следовательно, охотник был весьма заинтересован, чтобы навести нужное ему промысловое животное на эту магическую линию. Отсюда и практический смысл искусственного создания этого «круга», точнее — цепи следов вдоль скалы Бесовы следки.

Посмотрим, вблизи каких животных выбиты эти следы.

Первый след — его путь ко второму следу пересекает какое-то рыбообразное животное, по приблизительному утверждению ихтиологов — касатка; рядом — промысел на моржа.

Второй след — лежит на голове животного, очевидно, из той же породы (касатка?), которая соединена с оленем, о чем будет сказано ниже.

Третий след — его линия пересекает гуся, окруженного метательными ядрами, а также рыбу (не случайно соединенную хвостом с гусем) и, наконец, раненого гуся.

---

[1]) Русское судоходство, 1888, № 32, стр. 31.
[2]) Коми-Му, 1924, № 7—10, стр. 34.
[3]) Коми-Му, 1925, № 5 (9), стр. 47.
[4]) Смирнов И. Н. Пермяки, 1884, стр. 270.
[5]) Арсеньев Ф. А. Охотничьи рассказы, М. 1885, стр. 348.

Четвертый след — как бы натыкается на оленя, соединенного с лодкой, рядом — гигантская раненая камбала (?), рядом опять — подобие касатки.

Пятый след — находится между оленем с какими-то путами на ногах, соединяющими с двумя другими не поддающимися точному определению лесными животными.

Шестой след—окружен изображениями медведя, лисы и какого-то другого животного (размер медведя совсем миниатюрен: меньше величины лисы; очевидно, художнику потребовалось изобразить медведя, а места поблизости уже не было).

Седьмой след—(над шестым следом) выбит на голове лебедя, головой направленного на север.

Внимательное изучение фигуры «беса» дает следующее. Перед нами художественно выполненная мужская фигура с очень сильно развитой мускулатурой спины, а также плеча. Вместо стилизованной руки с тремя пальцами, как на Онежском озере, здесь даны пять пальцев. Жест—поднятая кверху ладонь с растопыренными пальцами — очевидно, аналогичен жесту «беса» с Бесова Носа. Дух имеет большой, безволосый подбородок, толстую верхнюю губу, вздернутый нос, повидимому, выпуклый глаз, узкий, в форме огурца, лоб и длинное звереобразное ухо. Последнее наводит на мысль о лешем с острым ухом, поверье о котором сохранилось у коми (табл. 47, фиг. 1).

Непропорционально большая ступня идентична величине других следов. Очевидно, это условное обозначение «большой ноги», т. е. «большого хода», что может явиться синонимом «быстрого хода».

Обращает на себя внимание чрезмерная гипертрофия фаллоса. Это, вне сомнения, условное обозначение могучей половой потенции «духа».

Если мы станем просматривать литературу народов нашего севера о лешем, то найдем все признаки данного образа. У пермяков он имеет торчащее сухое ухо; отсюда название «сухоухий дядюшка», который отличается любовью к женщинам (при этом он хромой и кривоглазый). [1]) У енисейских остяков он очень сладострастен и насилует женщин. [2]) У уд-

---

[1]) «Вёрген (лесной) — сухоухий дядюшка... старик с торчащими сухими ушами и сумкой за спиной... Особенно любит «сухоухий дядя» встречаться с женщинами». Крупкин, Верования пермяков. Изв. Архангельск. Об-ва Изуч. Русск. Севера, 1911, № 4, стр. 303.

[2]) «Леший — он насилует женщин, тогда родятся уроды». Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков, СПб., 1914, стр. 6.

муртов это — человек, «рассеченный по становому хребту». [1] У коми он имеет следующие функции: «Лесной дух Вӧрса... дает своему любимцу постоянную удачу в охоте. С Вӧрса связан вотяцкий дух Полес-Мурт, т. е. половинчатый человек. У него один глаз, одна рука, одна нога... В зырянских сказках он обратился в половинчатого монаха... Этот Вӧрса не то стихийный дух в виде вихря, в шуме и вое ветра, не то великан, ростом с сосну, без бровей и ресниц, с одним глазом на лбу и ногой навыворот. Каждый лес имеет своего Вӧрса... Вӧрса принимает разные виды». [2]) Даже на крайнем севере, на Чукотской земле, мы найдем этот образ человека с одной рукой и с одной ногой, — дух устья р. Анадыря. [3])

Лешему упорно приписывают свойство сбивать с пути. Так, в Новгородской губернии отмечено, что: «лесовик обыкновенно заманивает посредством ауканья... пока человек совсем не потеряет дороги... Надо надеть все платье наизнанку». [4]) У пермяков: «Встреча с «сухоухим дядей» (лешим) не предвещает ничего доброго... Нелегко выбраться от него... Стоит вывернуть всю одежду наизнанку и леший отступится». [5]) У коми: «...не благословясь пошли, поглумился над вами Вӧрса (леший), а может и Куль-ва (водяной) подшутил». [6])

Таким образом, у широкого круга народов: новгородцев, карел, вологжан, коми, пермяков, даже на Енисее мы встречаем стандартизацию признаков лешего, которые целиком подходят к нашему образу духа: имеет свою магическую дорогу, длинноухий, сладострастный.

Но можно ли отнести образ нашего духа только в разряд лешего? Для решения этого вопроса надо учесть, какие жертвоприношения предназначаются духу, которыми окружен его образ. Мы увидим: позади его шесть лодок, над головой лесную (?) птицу, около голени — выводок птиц, ниже ступни — двух оленей. Эти изображения я разделяю на две категории: 1) дары леса (олень, дичь), 2) лодки позади духа очевидно означают объекты, отданные под его прикрытие, под его защиту. Раз ему принесены дары из животных леса, значит, это не леший, так как он не нуждается в животных, находящихся в его ведении. «Жертвоприношение — это обмен

---

[1]) «Полесмурт — у него один глаз, одна нога, одна рука». Емельянов А. И., Курс по этнографии вотяков, 1921, стр. 114. О том же самом пишет Верещагин, Вотские боги, Изв. Арх. Об-ва Изуч. Русск. Севера, 1911, № 7, стр. 571.

[2]) Коми-Му, 1924, № 7—10, стр. 36.

[3]) Кушнер-Кнышев. Первобытное общество, 1926, стр. 20.

[4]) Новгородские Губ. Ведомости, 1861, № 46, стр. 398.

[5]) Крупкин. Верования пермяков. Изв. Арх. Об-ва Изуч. Русск. Севера, 1911, № 4, стр. 303.

[6]) Арсеньев Ф. А. Охотничьи рассказы, М. 1885, стр. 327—328.

Фиг. 1. Водопад Шойрукша в 1927 г. до проведения Беломорканала.

Фиг. 2. Он же в 1937 г. после проведения Беломорканала.

паями с Нивух'ами. Вот почему никогда жертва не может состоять из тех же самых предметов, за которые жертва приносится». [1]) Отсутствие в числе даров изображений морской добычи и наличие лодок за спиной духа дает право определить этот образ как «хозяина» водяной стихии (табл. 47, фиг. 2).

Какие будут дополнительные подтверждения, что это дух водной стихии? На это прежде всего указывает факт, что второй след — стопа духа — лег на голову морского животного, а седьмой след — на голову лебедя, существование которого также тесно связано с водой. Ни одно из сухопутных животных не придавлено следом этого духа. Следовательно, его власть на них не распространялась, значит — это не хозяин леса.

Кроме того, «бес» является крайним и обращен в сторону непрерывно гремящего порога Шойрукши. Это тоже хорошо ассоциируется с анимистическими представлениями о духе, живущем в этом водопаде (табл. 48, фиг. 1).

Приведу лишь два свидетельства о форме подобного культа: «...Вир (водоворот, а также тайные источники в реке или озере) имеют своего водяника... Они же обитают... в таких местах, которые зимой не замерзают. Это — по объяснению народа — лед тает от дыхания водяника. Сохранилось до сих пор воззрение, что водяной требует человеческой жертвы». [2]) На территории Карелии широко распространено поверье, подобное следующему: «Сопровождающий нас в качестве рулевого быстро поднимается с места, снимает шапку и кланяется. Дело в том, что на Водлозере в «железных воротах» обитает водяной — старик, который иной раз является снабженным гусиными лапами, а другой — похожим во всем на обыкновенных людей. Водлозерцы кланяются ему и часто, проехав мимо благополучно, крестятся».[3]) Таким образом, почитание водяных, проживающих в бурливых местах — тоже один из доводов, что изображение нашего «беса» означает водяного.

Следовательно, мы имеем три аргумента, что данное изображение принадлежит духу водной стихии: 1) непосредственная близость к мощному порогу Шойрукша, 2) жертвоприношения духу состоят из объектов леса, 3) следы «беса» придавливают морское животное и лебедя, а не какое-либо сухопутное животное.

---

[1]) Штернберг Л. Я. Первобытная религия, Л. 1936, стр. 19.

[2]) Богданович А. Е. Пережитки древнего миросозерцания у белоруссов, Гродно, 1901, стр. 76—77.

[3]) На севере. Путевые воспоминания. В. Х. (арузина). М. 1890. стр. 95—96.

Порог у острова с петроглифами «Бесовы следки» (на противоположной стороне деревня Шойрукша).

Но мы не должны забывать, что внешние признаки «духа» «Бесовых следков» поразительно совпадают с поверьями всего севера РСФСР о лешем. Повидимому, в древности «хозяева» как леса, так и воды, наделялись одинаковыми признаками. Гарантия такого предположения обнаруживается в факте, что «духи» «по большей части — это такие же телесные люди, как и он (анимист — А. Л.) сам, во всем подобные ему, даже в одежде, манерах, жестах, речах; они даже говорят на его собственном языке».[1]

Как догадку, которую нельзя ничем доказать или опровергнуть, высказываю предположение, что первоначально «бес» не был хозяином водяной стихии. Все дело в том, что (кроме факта близости порога) остальные аргументы, повидимому, основываются позднейшими изображениями: даров объектами леса, следами на голове морского животного и лебедя и, наконец, изображениями лодок, стилистически очень поздними. Возможно, что спецификацию водного божества «бес» получил после создания группы Залавруги, всецело посвященной промыслу за главными объектами леса — лосем и оленем.

3. В первом разделе я расчленил компактную группу петроглифов «Бесовы следки» на три стадии. Во втором разделе постарался выявить сущность следов «беса», которые являются позднейшей стадией. Теперь необходимо рассмотреть те элементы, которые по всем данным являются древнейшими петроглифами «Бесовых следков» — изображения морского промысла.

Я не стану повторять аргументации, по которой эти изображения действительно являются самыми древними (об этом я подробно говорил в первом разделе).

Чем весьма существенным отличаются изображения морского промысла от петроглифов сухопутного промысла? Как уже указывалось, фигуры лосей и оленей имеют самое разнообразное направление, в противовес петроглифам морского промысла. Там почти все изображения обращены головой к суше, хвостом к морю. Единственное изображение, направленное в сторону устья реки (т. е. по направлению в Сорокский залив и тем самым в море), имеет механическую преграду в виде следа «хозяина», который как бы наступил на голову животного.

Обстоятельство, что изображение повернуто в наиболее благоприятную для промышленника сторону, указывает на несомненный факт — петроглифы «Бесовы следки» созданы в период господства представлений об охотничьей магии.

---

[1] Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Основы первобытной религии. Л. 1936, стр. 11.

Рассматривая объекты морского промысла, мы в подавляющем большинстве случаев встретимся на первый взгляд с непонятным фактом. Эти изображения почти всегда соединены с фигурами лося или оленя. То одной, то двумя конечностями эти сухопутные животные сливаются с петроглифами морского промысла.

Эта, казалось бы, противоестественная связь объектов моря с представителями леса сразу сделается понятной, если вспомнить уже повторенный мною принцип: «жертвоприношение делается всегда из тех объектов, которыми сам хозяин не обладает... Хозяину моря не дают в жертву рыбу, а дают опять-таки что-нибудь такое, чего ему нехватает» (Штернберг). Вот почему, видя, например, на южной части скал центральную композицию — человек из лодки мечет гарпун в хвост морского животного, при этом лодка соединена с задом оленя, — мы можем смело сказать, что олень является предметом жертвоприношения за удачную морскую охоту.

О том же принципе говорит композиция на противоположном конце скалы — изображен целиком охотничий метательный снаряд (гарпун) с обрубками дерева на верхнем конце и наконечником на другом. Снаряд пронизал моржа и входит в спину белухи. Здесь же выбита фигура оленя, который соединен спиной и ногой с элементами этой композиции. Рядом фигура оленя соприкасается передней ногой с изображением моржа и т. д. Совершенно ясно, что олени здесь являются объектами жертвоприношения (табл. 51, фиг. 1).

Анимисты Белого моря довольствовались фактическими жертвоприношениями, какие совершались при магических действиях на мысах Онежского озера (кроме Бесова Носа). Вспомним, что «бес» и налим также снабжены находящимися вблизи их фигурами опрокинутых головой вниз лебедей и уток. Очевидно, там и тут считалось необходимым наряду с объектом поклонения показать те даты, которые духу причитаются.

Показывая объект промысла и полагающуюся им жертву, древний художник оказывает нам большую помощь. Это помогает нам с точностью, не подвергающейся сомнению, выяснить, какие объекты охоты ценились больше, какие меньше.

Было бы просто ошибкой сказать, что лоси и олени — всегда лишь жертва за удачную морскую охоту. В композиции центральной части скалы лось следует за лосихой (очевидно, в период течки). Изображение тюленя, которое выбито поперек ноги животного, является вспомогательным, то-есть тюленя можно считать объектом компенсации за удачный промысел на лося (табл. 50, фиг. 1).

Таким образом, принцип: «жертвоприношение есть обмен» и правило: «жертвую то, чем «хозяин» не обладает» — це-

ликом и полностью подтверждаются петроглифами Карелии, в частности группой «Бесовых следков».

Разбираемый нами памятник имеет еще одно существенное отличие от петроглифов Онежского озера. Подавляющее количество животных в группе «Бесовы следки» изображены с орудиями их ранения.

Кроме того, мы не встретим в этой группе из 300 петроглифов двух изображений с одинаковыми видами ранения. Благодаря этим двум фактам познавательная ценность «Бесовых следков» в области охотничьего хозяйства гораздо больше тех сведений, что мы получаем о промыслах при изучении Онежских петроглифов. Петроглифы «Бесовы следки» дают настолько подробные данные о видах оружия и формах ранения, что отсутствие иных охотничьих снарядов является убедительным аргументом для утверждения, что охотник эпохи петроглифов «Бесовы следки» еще не знал промысла с этими охотничьими снарядами.

Описание видов промысловой жизни населения, как и реконструкция быта, не входит в рамки данной работы; это составляет задачу второй части нашего исследования. Однако, здесь уместно коротко перечислить виды орудий охоты и формы нанесения ранений.

На морских животных (касаток, белух, моржей) применялось одно и то же орудие — кутило, о котором мы, благодаря одному петроглифу, получаем исчерпывающее представление. Орудие метали с лодки на длинном ремне, с одной стороны которого был гарпун, оканчивающийся крючком с двухсторонней зазубриной. К другому концу ремня был прикреплен ряд деревянных обрубков, которые, всплывая на поверхность воды, указывали местонахождение раненого животного. Повидимому, других приемов добывания группы морских зверей человек древней Карелии не знал.

Небольшое количество птиц показывает два приема птичьего промысла. Древнейшим орудием для метания камня была праща. Вблизи этого орудия выбит гусь, окруженный рядом камней. Интересно, что палок типа бумеранга, которых так много изображено на скалах Онежского озера, здесь мы не найдем. Кроме метания ядер, практиковалось метание деревянного снаряда, заостренного с одного конца и с тяжелым тупым противоположным концом. По некоторому предположению это было орудие из кости (лосиного рога). Мы имеем три изображения таких снарядов. Одно дано вместе с метательной рамой С-образной формы, другая фигура выбита поперек горла гуся и третьим, повидимому, проткнуто туловище лебедя.

Лесные животные в виде лося и оленя носят следующие виды ранений: стрела впилась в бедро лося, концы наконечни

Фиг. 1

Фиг. 2

ка копья или дротика торчат из хребта лося и лосихи. Древко торчит из груди оленя, оно же воткнуто в шею лося. Направление древка показывает, что оно брошено сзади. Наконец, несомненен лов с помощью какого-то снаряда или петель, опутывающих ноги. Достоверно, что в зимнее время охота за этими животными производилась на лыжах.

Весьма любопытно, что в то время, как промыслу с лодки за этими животными посвящена вся композиция Залавруги, «Бесовы следки» для невнимательного глаза не дают даже намека на существование этого вида охоты.

Кроме того, ни на «Бесовых следках», ни на группе Залавруги (специально посвященной промыслу за лосями и оленями) мы не найдем самоловных снарядов, в частности, того типа капканов, который так широко распространен на Онежском озере. Это обстоятельство дает право на ряд весьма существенных выводов, которых я коснусь в заключительной главе.

Художники «Бесовых следков» обращали внимание на тех животных, которых мы найдем в числе изображений Онежского озера: лиса, заяц, токующий глухарь.

Хищные звери представлены тремя медведями (у одного из них торчит осколок копья в хребте) и двумя волками или рысями. Возможно, что на них, как и на оленей, употреблялись большие трезубцы. Во всяком случае, между двумя зубцами этого орудия выбито миниатюрное изображение какого-то животного, повидимому, медведя.

Часть изображений «Бесовых следков» остается нерасшифрованной. В эту группу входят сухопутные животные, напоминающие горного барана, и фигуры животных, вообще неопределимые. Условно можно считать морскими звездами фигуры с четырьмя, пятью и шестью лучами (табл. 46, фиг. 2).

Очень невелико число композиций, в которых участвуют люди или антропоморфные существа (изображение людей в лодках на промысле на морского зверя в это число не входит). Композиций с изображениями людей всего четыре (не считая «беса»).

К числу мифологических объектов относится человекообразная фаллическая фигура с какой-то небольшой нечеловеческой головой. Это существо держит небольшую фигурку, напоминающую ребенка. Возможно, что здесь дана композиция — рассказ о похищении детей: выбит трехпалый небольшой, десятисантиметровый след (след беса равен в среднем 22 см.), немного пониже фигурка ребенка (?), затем через некоторый интервал повторен такой же трехпалый след, ко-

торый повернут в сторону композиции мифологического существа, держащего за руку совершенно идентичную фигурку. [1])

Любопытным доказательством бытовавших преданий является композиция — фаллическая фигура человека держит за шею лебедя (гуся) величиной в два раза больше, чем сам охотник. Как уже упоминалось при описании третьего мыса Пери Носа, там мы встречаем тот же самый мотив, к сожалению почему-то оспариваемый В. И. Равдоникасом (табл. 46, фиг. 2).

Описание Бесова Носа мы закончили изучением фаллической фигуры существа, раненого в грудь, с повреждениями в области затылка и правой ноги, которое держит на голове лебедя. Эту композицию я расшифровывал как доказательство борьбы собственников территории Бесова Носа с иноплеменником, похитителем добычи с побережий Онежского озера. Очевидно, тот же самый мотив мы имеем и в группе Бесовы следки (борьбе за добычу, как скоро увидим, посвящена сложнейшая композиция Залавруги). В описываемой композиции мы вновь найдем фаллическую фигуру, в зад которой, повидимому, воткнута стрела. Мужчина прямой линией соединен с изображением, легче всего понимаемым как шкура какого-то животного, напоминающего тюленя (короткие широкие конечности). Фигура выбита между двумя композициями морского промысла.

Очевидно, вполне реалистическое значение имеет также фаллическая фигура на лыжах. Она соединена с изображением тюленя. Можно полагать, что это свидетельство о зимнем промысле за тюленями. [2]) (табл. 46, фиг. 1).

Весьма краткое описание группы «Бесовых следков» закончу чрезвычайно интересной композицией, составляющей любопытный переход к группе Залавруги и быть может ей синхроничной.

Эта композиция расположена самой крайней к северу, ее совершенно не стесняют никакие другие изображения. Поэтому ее появление не зависит ни от каких обстоятельств. Смысл композиции — охотник (показаны первичные половые признаки) на лыжах гонит (преследует, ранит?) стадо лосих или важенок с детенышами, в верхнем ряду три животных убиты; это показано, как и на Онежских петроглифах, опрокиды-

---

[1]) Возможно, что этот образ является одним из вариантов многочисленных лесных духов: «...Более злобным существом является лесной, человекообразный, мохнатый карлик, известный у вотяков под именем Шурали, на руках у него имеется только по три пальца... Он сбивает путников с дороги и заводит их к себе». (Емельянов А. И., Курс по этнографии вотяков, 1921, стр. 124).

[2]) Покойный А. А. Спицын выражал удивление по поводу «несоответствия — охотник на лыжах и вдруг нагишом». Это, конечно, не снимок с натуры, но художнику надо было показать, что фигура принадлежит мужчине.

11—1172—22

ванием объекта промысла на спину. Между ними выбит трезубец, точная копия вышеописанного. Композиция дополнена двумя изображениями лодок. Одна из них — с тремя людьми, другая — без людей, имеет стилизованную форму, аналогичную тем, что изображены позади «беса» (табл. 51, фиг. 2).

Эта композиция выделяется из числа других изображений Бесовых следков большим числом изображений, связанных единым сюжетом. Все прочие композиции этой скалы в лучшем случае трехчленны (например, лось следует за самкой, поперек его ноги выбит тюлень — символ жертвоприношения за удачную охоту на лося. Или второй пример — люди из лодки ранят касатку. Лодка соединена с оленем — символ жертвоприношения за удачный морской промысел). Здесь же мы имеем 16 изображений, объединенных показом одного и того же промысла.

После находки в 1936 г. грандиозной группы Залавруги, эта композиция потеряла свое познавательное значение. Зато она продолжает оставаться весьма ценным образцом напластования двух периодов. Вероятно, в то время, когда в основном уже вся площадь была заполнена изображениями, появилась потребность дать сцену зимнего промысла за оленями. Художники почему-то не могли найти более удобного места, чем выпуклость скалы, уже занятая изображением оленя, соединенного нижней конечностью с лодкой. Повидимому, это изображало промысел за этими животными с лодки. Художник почему-то решил изменить эту композицию, включил ее в свое панно, выбив при этом спереди лосиху с детенышем, а позади старого изображения — двух других самок и человека на лыжах. Разнохарактерность фигур тотчас же бросается в глаза. Равные интервалы между четырьмя фигурами исключают возможность допустить, что изображение животного, соединенное с лодкой, было сделано после. Такой значительный пробел ничем не был бы оправдан. Наоборот, все говорит, что к ним включили и спереди и сзади изображения оленей.

Любопытна также лодка над лосихой, к которой прикасается копьем (?) человек на лыжах. Такую стилизованную форму лодки мы видим лишь позади фигуры «беса» и в немалом количестве в группе Залавруги. Все остальные лодки Бесовых следков весьма стойко повторяют одну и ту же форму [1]), обычно расширяющуюся ко дну, очевидно, для большей устойчивости (табл. 52).

---

[1]) Разница в стиле изображения лодок дает основания допустить, что первоначальный образ «беса» мог быть иным, чем он стал впоследствии, когда сзади него в более позднее время выбили лодки и сильно регрессирующие, по сравнению с другими изображениями, фигуры оленя и птиц.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Залавруга

Примерно в полутора километрах от петроглифов «Бесовы следки» находится группа петроглифов Залавруги. Она выбита на серой, сильно выветренной гранитной гряде на берегу обсыхающей летом «старицы»[1]), невдалеке от русла реки Выг. Местные жители говорят, что только во время весеннего разлива по «старице» несется водяной поток. У самого впадения в реку Выг совершенно гладкое гранитное дно образует двухметровый скат, и вода мчится по дну, выложенному мелкими валунами. В самой реке Выг напротив впадения «старицы» тянется продольный островок.

На обыкновенной, ничем от других не отличающейся гранитной площадке выбито примерно 120 разной четкости фигур. Общее количество изображений, вероятно, равняется 200 [2]), но они такой плохой сохранности, что невозможно зафиксировать точную цифру изображений.

Отчетливо фигуры в этой композиции видны лишь на протяжении двух метров; они изображают артели охотников на лыжах, промышляющих за лосем и отбивающих нападение, повидимому, иноплеменников. Все прочие фигуры, как этой композиции, так и двух других, видны настолько плохо, что работа над ними возможна только в некоторое время дня, когда глаз едва-едва улавливает очертания этих фигур.

Расположение этой группы примерно из 200 фигур в одной из многих «стариц», множество тянущихся вдоль р. Выг островков, большие массы выходов гранита, при учете исключительно плохой видимости, дают возможность допустить, что в будущем будут обнаружены еще новые композиции. Что касается мелких групп и одиночных изображений, то они

---

[1]) «Старица» — старое русло реки, обсыхающей в мелководье.

[2]) В это количество будут входить весьма многочисленные точки, стрелы, пунктир, обозначающий следы лося и т.д. Кроме того, над головами больших трех лосей несомненно существуют многочисленные человеческие и, быть может, медвежьи следы, точная фиксация которых кажется невозможной, до такой степени они сливаются с общей поверхностью скалы.

Фиг. 1. Южная группа петроглифов на островке „Бесовы следки", найдена в 1930 г.

Фиг. 2. Изображение лодки на центральной скале Пери Носа (для сравнения с лодками группы Залавруги).

разбросаны по ряду островков Бесовых следков. Благодаря постройке Беломорско-Балтийского канала и постройке 16-й плотины, уровень воды в этом месте снижен, что дало возможность подняться над водой ряду скал, до сих пор неизвестных. Все эти мелкие группы одиночных композиций я не включаю в первую часть работы, так как они не вносят новых элементов в тип петроглифов Беломорского бассейна. Зато для второй части данного исследования мелкие группы и одиночные изображения явятся ценным подтверждением ряда положений и выводов.

При первом же взгляде на величественную композицию группы Залавруги[1]) делается понятной ее структура. Уже не приходится кропотливо расчленять одну фигуру от более поздней, как на Бесовых следках. Группа Залавруга дает весьма четкое разделение на три основных друг от друга независимых композиции. При этом лишь в центральную группу включены более поздние мелкие композиции.

Главное место в этих трех основных композициях принадлежит, конечно, группе, занявшей все центральное пространство, примерно 6 на 10 метров. Ее сюжет первоначально был очень несложен. С северо-запада на юго-восток идут три громадные лося. [2]) Путь им пересекает сплошная цепь из семи лодок, на которых помещается в среднем по 20 (40) человек. Судя по направлению животных, это осенний промысел во время хода животных с севера на юг.

Вторая композиция, быть может связанная с центральной, состоит из семи оленей, идущих с севера, и одиннадцати оленей, направляющихся с востока. Оба ряда животных сходятся в одной точке. Время — должно быть период зимы, так как сзади оленя, идущего с севера, изображен человек на лыжах, вооруженный луком и копьем.

Третья композиция тянется со стороны противоположной шествию с востока на запад одиннадцати оленей. Повидимому, это три разных повествования лесных жителей о своей борьбе с иноплеменниками, приезжавшими на лодках. Все три рассказа, имеющие каждый свой самостоятельный сюжет, соприкасаются между собой в фигуре, надо полагать олицетворяющей «лес».

Позднейшие напластования группы Залавруги состоят из ряда композиций, можно полагать, культового характера, а

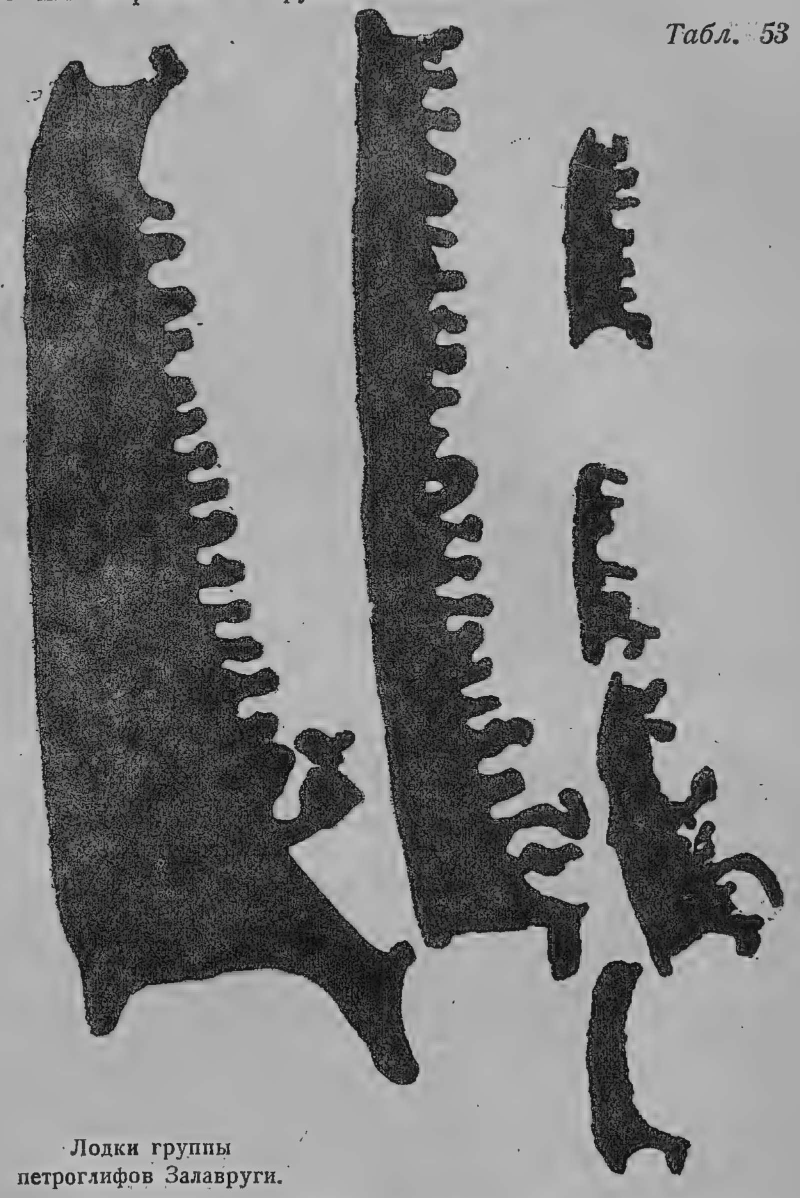
[1]) Нельзя не отметить заслугу жены В. И. Равдоникаса, художницы Л. А. Ивановой, благодаря исключительной зоркости глаз которой была мастерски восстановлена композиция скалы Залавруги.

[2]) Длина лосей — 2,8 м., 2,8 м. и 2,5 метра. Их высота: 2,4 м. (лосиха), 3,2 м. (самец), в том числе рога 1,2 м. и 1,8 м. (лосиха). Длина лодок от 1 м. до 1,9 м.

также следов, как медведя, так и человекоподобных, иногда весьма крупных размеров.

Таково в общих чертах содержание группы Залавруги. То, что мы встречаем в группе Бесовы следки в виде одной-

Табл. 53

Лодки группы петроглифов Залавруги.

двух фигур (лось, раненный стрелой, человек на лыжах), в группе Залавруги развертывается в композицию, грандиозную как по масштабу, так и по сложности повествования.

1. Отличные группы Залавруги от прочих групп петроглифов Карелии состоит в ее сложности. В то время, как художник Бесовых следков не в силах был выразить своей мысли иначе, как только в двух-трехчленной композиции, художники Залавруги дают целую картину из десятков изображений, выдерживая масштабы и догадываясь, каким приемом передать, например, рассказ об этапах удачной охоты за лосем. Все эти данные безусловно говорят, что Залавруга является позднейшей группой не только по сравнению с Бесовыми следками, но и со всеми скалами Онежского озера.

Все композиции группы Залавруги доказывают, что мы имеем дело не с тем видом петроглифов, которые нам до сих пор были известны в Карелии. До сих пор мы встречались с отдельными изображениями, обычно не имеющими связи со своим окружением и появившимися вследствие необходимости совершения над ними магического обряда. Отдельные крупные композиции Бесова и Пери Носов не выдерживают сравнения с архитектоникой группы Залавруги.

Иное дело представляют композиции на скале Залавруги. Они тоже несомненно несли функции обслуживания культа (на что указывает ряд фигур культового значения), но в то же время это уже начаток записи мемориального характера. Конечно, попытка магического сгона оленей с разных мест в одну точку, промысел за лосями с воды, даже рассказ о погоне за лосем и обороне (?) от нападения иноплеменников — все это еще общие явления, периодически возникающие много раз в жизни любого поколения родового общества. Тем не менее оперирование десятками фигур — умение их расставить в необходимой для рассказа последовательности, придача тому или иному объекту композиции разных аксессуаров, дополняющих характеристику данного образа, — является началом пиктографического письма. Это уже подлинное повествование, которое позднее будет схематизировать реалистические изображения в условные значки, что облегчит переход к идеографическому письму.

Вот почему необходимо сделать небольшой экскурс на тему о бытовании изобразительного искусства у охотничьих народов севера. «Северные народы, — пишет В. Г. Богораз, — вообще отличаются большими графическими способностями. Это одинаково относится к рисованию, черчению, картинному письму и даже составлению весьма любопытных географических карт».[1])

Характеристика современной письменности у народов крайнего северо-востока Сибири, менее других

[1]) Сборник «Языки и письменность народов севера», Л., 1934, ч. 3, стр. 8.

подверженных влиянию европейской или азиатской культуры, дает данные, очень близкие к типу наших петроглифов. У нымылланов (коряков) «картинное письмо представляет собою мелкие схематические рисунки различных предметов, расположенных рядами в беспорядке... Охотник записывает обычно, сколько он убил тюленей, лисиц, сколько шкурок того или иного зверя сдано им в факторию, какие товары и в каком количестве взяты им для себя или для товарищей, сколько выловлено рыбы»[1]) (иногда делаются настоящие карты, сводки улова и т. д.). Такое описание напоминает ряд рисунков на отдельных скалах Онежского озера и, в частности, группы Бесовы следки.

Более сложное письмо мы встретим у народов, несомненно высшей стадии общественного развития: «У чукчей (луораветланов) существовало картинное письмо, в сущности говоря, не имевшее характера записей. Оно составлено из ряда охотничьих сцен. При большой художественной одаренности луораветланов такие рисунки отличаются четкостью и реализмом и попадаются очень часто» [2]) (табл. 54).

Общеизвестны чукотские магические дощечки, которые создаются для повышения удачливости промысла путем разных магических манипуляций. Эти дощечки по своей сути выполняют функции петроглифов древней Карелии. Они лишь портативны и недолговечны. Теперь понятно, почему наскальные изображения древней Карелии высекались в местах периодического массового скопления рыбы (Бесовы следки), а также рыбы и дичи (скалы Онежского озера). Они выполняли функции тех же самых чукотских магических дощечек. О наличии подобного изобразительного письма свидетельствуют также исследователи одулов (юкагир), письменность которых типологически близка к петроглифам Карелии и является менее сложной, чем символическое письмо мансов (вогул). [3])

Подобные памятники, составляющие разные ступени перехода от магии к памятникам повествования, мы найдем на многочисленных скалах Енисея (петроглифы), на реке Сосьве, Вышере, Тагиле (писаницы), в Средней Азии (петроглифы), на Дальнем Востоке (петроглифы). Разве не напоминает в общих чертах группу Залавруги следующее описание памятника Минусинского края: «...Вторая группа — облава: пешие охотники, вооруженные луками и стрелами, окружили лося, оленя и, повидимому, буйвола, в стороне — бараны.

[1]) Сборник «Языки и письменность народов севера», ч. 3, Л., 1934, стр. 53.
[2]) Там же, ч. 1, ст. 168.
Там же, стр. 8.

Некоторые животные изображены вверх ногами, по-видимому, убитые». [1]) Как увидим из дальнейшего, совершенно аналогичную композицию, состоящую из трех частей, дает группа Залавруги.

Я решительно отделяю группу Залавруги от всех прочих, стадиально и хронологически несомненно более ранних, петроглифов Карелии. По своей грандиозности, художественности, простоте и ясности композиции скала Залавруги займет несомненно крупное место в ряде памятников искусства древнего человека.

2. Первоначальный смысл центральной композиции Залавруги был чрезвычайно прост — группа лосей (самка, самец, опять самка и детеныш) бегут навстречу цепи больших лодок, наполненных людьми.

Очевидно, в позднейшее время композиция сильно осложняется. Добавляется позднего типа лодка, стоящая поперек цепи прочих лодок, а также культовые группы. Змея (хвост отколот выбоиной); изображение человека с каким-то нерасшифрованным предметом; опрокинутая волной (?) лодка; пять медвежьих следов; не поддающаяся чтению фигура, соединенная с двумя первыми следами медведя; [2]) между первой и второй парой следов — головой вниз (убитый?) человек с разодраным животом, тут же три человека с поднятыми вверх руками. Как можно понять, все эти фигуры являются позднейшим напластованием и в тематический сюжет «трех лосей» не входят.

Величественная композиция, занимающая примерно 10×6 метров, обращает на себя внимание изумительным мастерством: очертания фигур животных, удивительная пропорциональность частей их тела, остроумная компановка трех фигур, умение передать движения и блестящее разрешение масштаба производят очень сильное впечатление. Вглядываясь в фигуры животных, мы видим, что двое задних поднимаются на возвышенность, а переднее спускается очевидно к реке, где в замечательно выдержанном масштабе показаны силуэты цепи лодок с людьми (табл. 55, фиг. 2).

Каждая фигура из трех лосей имеет свои, ей одной присущие особенности.

Задняя фигура с полной очевидностью означает лосиху. Она без рогов, с мягкими округлыми линиями, ноги согнуты в

---

[1]) Описание Попова Н. Н. О писаницах Минусинского края. (Изв. Вост.-Сибирского Отд. Русского Географ. Об-ва), 1873, т. III, № 5, стр. 289. — Цитирую по Вяткиной, «Советская Этнография», 1933, № 5—6, стр. 60.

[2]) Непонятное изображение можно понять и как чертеж местности и как некую фигуру зарезанного медведем животного.

Чукотские магические дощечки (Музей Этнографии Академии Наук СССР).

порыве быстрого бега; с особой тщательностью показано раздвоенное копыто.

Средняя фигура дает нам лося. Задняя часть туловища с какой-то целью сильно схематизирована, мало выразительна, бессильна. Все внимание художника обращается на переднюю часть туловища. Голова лося поднята выше самок, очень красивой линией показана шея. Голова (кстати не имеющая обычной горбоносности и отвислости передней губы) украшена парой рогов, представляющих целый лес отростков. Брюхо животного изображено очевидно с раной. Контур спины, из-за позднейшей выбоины, разомкнут, конечности ног даны со слабо выраженными копытами.

Передняя фигура по своей конфигурации больше подходит к задней фигуре лосихи. В отличие от последней, голова ее снабжена небольшими рогами. Фигура осложнена небольшим изображением с густыми рогами лося (оленя?). Создается впечатление, что лосиха держит в пасти эту фигуру за переднюю ногу.

Лодки разбираемой композиции весьма резко отличаются от лодок Бесова Носа. Там обычно лодка на 3—4 человека, здесь, несомненно, нечто иное — вогнутая линия носа и кормы подсказывает технику судостроения. Дном лодки, очевидно, служила долбленка, затем шли нашивные борты, в большинстве случаев украшенные на носу головой лося.

Лодка центральной композиции Залавруги дана совершенно иного типа; она очень напоминает Онежские лодки, так называемого, скандинавского типа. Разница между ними лишь та, что у лодок Залавруги, очевидно, были выше борты, которые поднимались к носу, заканчиваясь головой лося без рогов. Численность людей от 11 до 24. Верный своему предположению, полагаю, что эти цифры означают число пар гребцов, так как большие лодки не могут иметь один метр ширины, а при большой ширине дна высокие борты не позволяют грести одному человеку. С Онежскими большими лодками эти беломорские суда имеют еще одну общую черту — на двух из семи лодках показаны какие-то овальные сооружения, вроде улья; в одном случае это сооружение находится на середине, другое на корме (табл. 53).

Цепь, преграждающая дорогу лосям, состояла из пяти лодок. С левой стороны выбита параллельно цепи еще одна лодка. Кроме того, одна лодка с очень высокими бортами выбита перпендикулярно цепи и носом соединена с передней ногой среднего лося, отличающегося большими рогами. Эта лодка особенно любопытна тем, что показана с очень высокими бортами, напоминающими Беломорскую шняку.

Совершенно естественно возникает вопрос, почему именно осенний лов лосей (и оленей) во время их переправы через

Фиг. 1. Масштаб фигур лосей.

Фиг. 2. Композиция трех лосей.

реки явился сюжетом такой громадной (10 × 6 метров) композиции. Невольно при этом приходит на память центральная скала Пери Носа, в которой осенний сезон представлен также промыслом за тремя лосями. Совпадает даже такая деталь, как изображение рогатого самца — и на Онежском озере и в Беломорской группе животное, снабженное большими рогами (признак самца), помещено средним. Передние фигуры животного и в той и в другой композиции имеют также небольшие рога.

Разгадка, думаю, лежит в том факте, что лосей ловят в общей сложности свыше ста (тем самым, очевидно, двести ?) человек, изображенных на семи лодках. Численность людей, конечно, не объект точной статистики, но все же надежный показатель массового скопления людей. Почему в осеннее время в Сорокской бухте (река Выг впадает в эту бухту) могло быть такое скопление народа? Потому, что с конца октября начинается «осенний» промысел, приход сельди в Сорокскую бухту, что вызывает концентрацию здесь же белух, моржей, тюленей, которые питаются сельдью.

Сельдь по своему улову — главный промысел населения западного побережья Белого моря, она идет к материку двумя путями. Весной в Кандалакшском заливе появляется так называемая «егоровская» (в конце апреля ст. стиля), заледная (в мае), ивановская (в июне ст. стиля). Осенью подходит к берегам Сорокской бухты сельдь михайловская (начало сентября), успенская (середина сентября).[1]) «Сороцька» сельдь бывает всю осень до того времени, когда море не покроется на другой десяток километров кромкой льда. Как раз в период промысла идет переход оленей и лосей. «Юкагиры осенью подкарауливают оленей, переплывающих реку, и бьют их».[2]) «В прежнее время... осенний убой диких оленей имел важное значение для питания чукчей»[3]) и т. д. Почти каждый исследователь народов севера обычно отмечает значимость этого вида промысла. Мы знаем, что в сентябре у этих животных происходит течка и случка, в октябре процесс остаднения и отправления к югу вглубь лесов. Эти процессы как раз по времени совпадают с сельдяным промыслом в Сорокской бухте.

Не фантазия, а несомненная правда — скопление в это время населения побережья в Сорокской бухте. Прав собственности на бухту население ближайших мест, повидимому, никогда не предъявляло. Сельдь «ничья», так как приходит из

---

[1]) Все даты — по старому стилю.

[2]) Записки Русск. Географ. Об-ва по отд. Этнографии, т. XVII, вып. 2, стр. 34.

[3]) Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка, стр. 106.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

неведомых пучин моря: «...Лов там (в Сорокской губе) с осени свободен. Каждый ловит как, где и сколько хочет». [1]) Сорокская сельдь охватывала очень большой район. Так, в конце XVIII века считалось, что «лучшая сельдь на Анзерских островах (Соловецкий архипелаг)». [2]) Большое количество сельди и раскинутость стай несомненно позволяли крупное скопление населения.

Вот почему могли происходить такие крупные, так называемые, «общественные охоты», которые были, например, в районе оз. Байкал. Было бы ошибочно не считать, что этот промысел имел существенное значение в смысле скопления запасов на зиму. Объектами запасов на голодную зиму, конечно, являлась сельдь и питающиеся ею животные от белухи до тюленя. Рыбу в Коми республике население имеет мужество есть в квашеном виде, это указывает на прием древнейшего вида консервирования.

Полагаю, что исследованная композиция означает общественное празднество, чему позволял сопутствующий этому времени промысел на сельдь. Обеспечить подобное празднество добычей было несложно. Путешественники XVIII века, например акад. Паллас, указывают, что манси (вогулы) верст на 12 в окружности устанавливали изгородь, вдоль которой приходилось двигаться лосям и оленям к месту заколки.

Я устанавливал для населения Онежского озера общественное празднество весной, чему способствовал птичий промысел. Там так же на больших лодках производилась охота на лосей. Празднества сопутствовали брачным связям, на что, помоему, указывает композиция обряда дефлорации.

То же самое, оказывается, было и на осенних торжествах Беломорского населения. Невдалеке от кормы вертикально изображенной лодки выбит петроглиф, опять же изображающий обряд дефлорации. Одна фигура изображена en face и лежит распластанная, другая в профиль, с рукой, чем-то вооруженной, что вошло в область гениталий распластанной фигуры. Сопоставление онежского петроглифа дефлорации с беломорским указывает на связанность этого процесса с массовыми торжествами. Учитывая несомненную экзогамию народов севера, можно полагать, что в древней Карелии происходили съезды членов фратрии. Последнее могло быть лучше всего в период наибольшей обеспеченности питанием. Птичий промысел вызывал празднество не только на Онежском озере. «...Охота на водяных птиц в первую очередь удовлетворяла... «скудность в пище»... Начало охотничьего се-

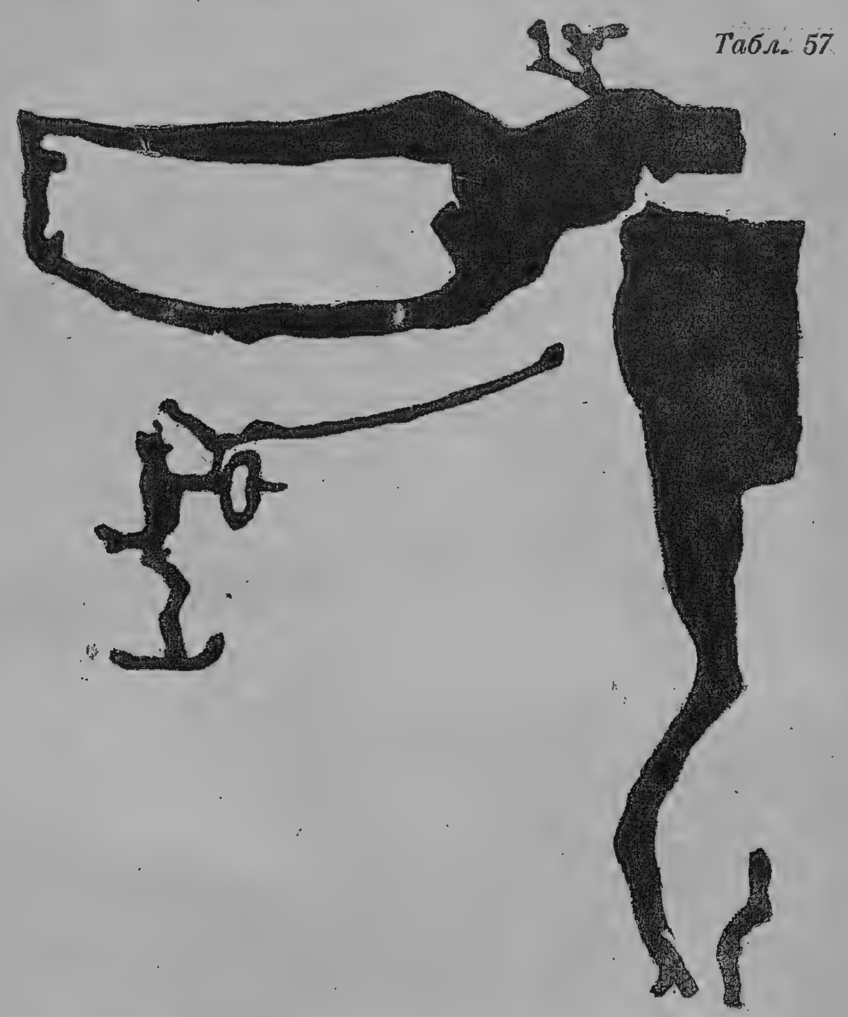
---

[1]) Ефименко А. Артели в Архангельской губернии, Сборник «Об артелях в России», 1874, вып. 2, стр. 47.

[2]) Труды Вольного экономического об-ва, 1793, ч. XVII, стр. 69.

з о н а на э т и х п т и ц о з н а м е н о в ы в а л о с ь б о л ь ш и м и п р а з д н е с т в а м и в Белогорье в честь хранившегося в тамошнем святилище изображения «медного гуся». [1]) Сельдяной промысел в средней части Беломорья, повидимому, сопровождался такими же торжествами-забавами в виде охоты

Табл. 57

на лосей и брачными связями. Композиция Залавруги несомненно посвящена фиксированию этого момента.

Единовременными с разобранной сценой можно считать семь фигур оленей, идущих с севера, и одиннадцать фигур

---

[1]) Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках. Л, 1935, стр. 12. Автор заимствовал это свидетельство XVIII века от Григория Новицкого (разрядка моя — А. Л.).

12—1172—21

тех же животных, направляющихся с востока и сталкивающихся в одной точке (табл. 56, фиг. 1).

Эта композиция, повидимому, создавалась в несколько приемов. Вначале были выбиты идущие с востока четыре животных и пять идущих с севера. Затем был прибавлен шестой олень, резко нарушающий масштабы впереди идущих животных. Этот олень имеет длину 1,70 м., в то время как впереди идущие равны 70, 40, 70 см., 1 м. и 1,20 м.

Затем, должно быть, в период создания противоположной композиции охоты и борьбы с нашельцами, была выбита маленькая в 30 см. фигурка на лыжах с луком и копьем и над ней добавлено туловище седьмого оленя без ног, так как появлению конечностей мешает фигура человека. Расширить композицию было нельзя, потому что вблизи находится, очевидно ранее выбитая, сцена дефлорации (табл. 57).

Полагаю, что перед нами случай вторичного переосмысливания композиции, какое, я подозреваю, произошло с фигурой «беса» на Бесовых следках. Как показывает третья композиция (охота за лосем и война с иноплеменниками), соотношение между человеком и лосем выдержано пропорционально, как 2 к 3. В разбираемой композиции фигура человека равна 30 см., а оленя 1,70 м., т. е. как 1 к 6. Эта диспропорция, равно как и появление седьмой фигуры оленя, для ног которого нет места, свидетельствует, что анимисты позднейшего времени решили переосмыслить композицию.

Нетрудно восстановить два этапа значений этих сходящихся в одном месте фигур промысловых животных.

Первый этап характерен отсутствием фигур людей. Тем не менее олени с двух сторон сходятся в одно место. Как могло случиться, что без личного участия человека главные объекты сухопутного промысла все-таки сошлись? Ответ очень прост — перед нами результат магического сгона оленей. «Колдуны и колдуньи лапландские умели чарами своими перегонять диких оленей из одной земли в другую». [1]) Кастрен рассказывает об одной «ведьме» из русской Лапландии, которая сгоняла на свои земли всех диких оленей. [2])

Второй этап — число оленей доводится до священной цифры 7, и теперь уже появляется фигура человека, который гонит оленей. Сила магических заклинаний заменена более реалистическим воздействием — участием загонщиков.

Очень возможен вариант, что сгон объектов промысла в первом или во втором этапе (может быть в обоих ?) был приурочен к центральной композиции. Обеспечение реальной

---

[1]) Журнал Мин. Нар. Прос., 1868, т. 139, стр. 250.

[2]) Вестник Русск. Географ. Об-ва, 1856, стр. 300. То же в Этнографическом сборнике, т. IV, 1858, стр. 228, «Этнографические замечания и наблюдения Кастрена».

добычей такого количества людей могло произойти лишь при постройке многоверстных заборов, благодаря чему животные с широкого пространства, следуя вдоль изгороди, выбегали в определенном месте к реке, где их на лодках поджидали охотники с гостями.

3. Чтобы не возвращаться больше к этим двум композициям, остановлюсь на четырех самостоятельных группах из немногих петроглифов, которые включены в пространство, занимаемое центральной группой.

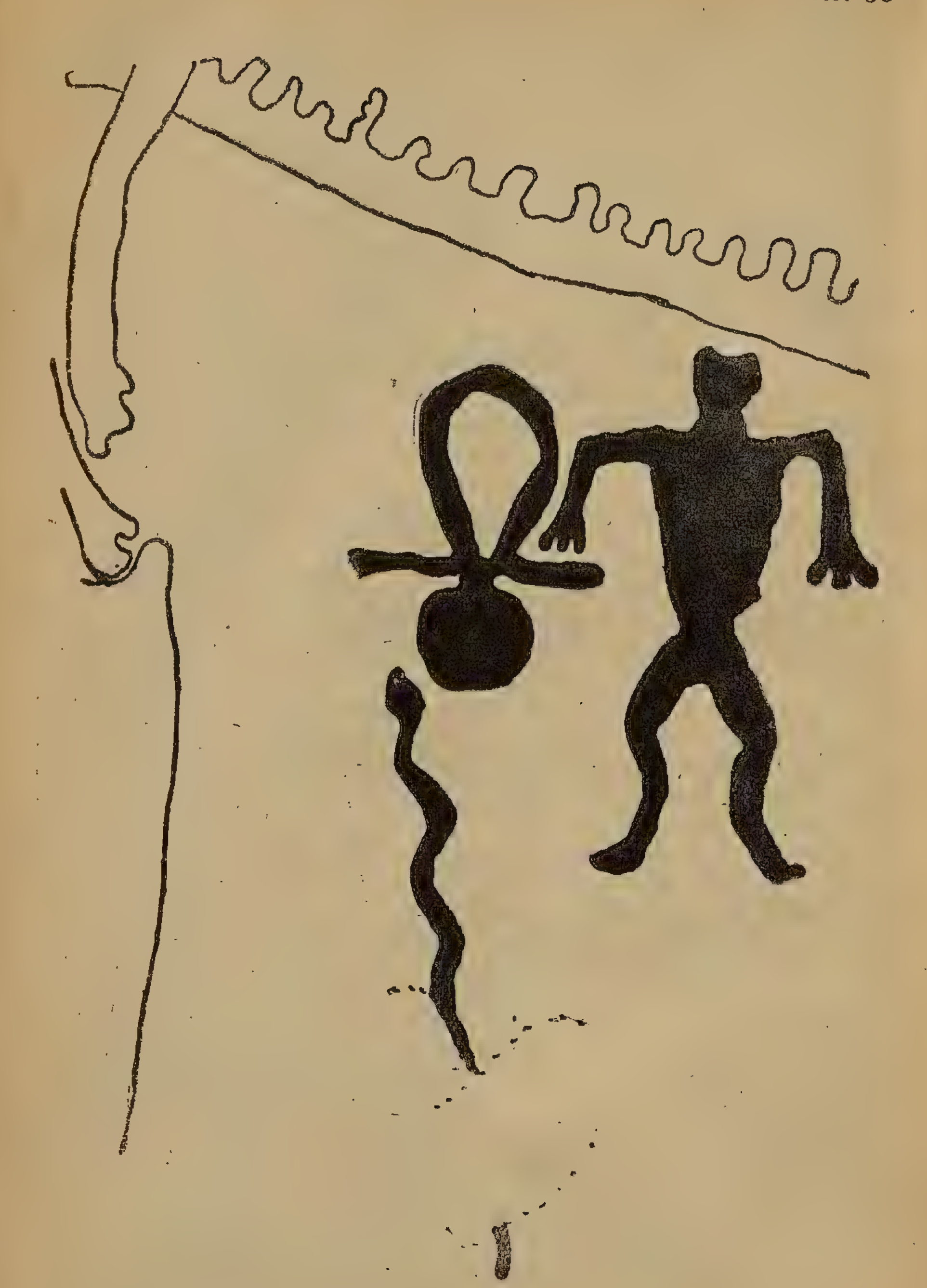
Первая группа состоит из элементов культа. Очень живо показана змея, ползущая на восток. Очевидно, это невыгодно анимисту, поэтому ее туловище разбито большой выбоиной. Вблизи головы змеи изображена сложная фигура, быть может, комбинированный образ трех понятий: эмблема полнолуния, над ней шаманский бубен и колотушка, которой бьют по бубну. Такая расшифровка несомненно спорна, но иного чтения предложить не могу. Легенды о поедании змеем луны, как известно, распространены весьма широко и, в частности, на севере. Третье изображение — фигура человека с широко расставленными и вниз опущенными руками с тремя пальцами (знакомый вариант по Онежскому озеру) — может быть рассмотрено как изображение «духа» (который не раз встречался у ненцев даже в нашем столетии), умершего шамана и т. п.

Эти фигуры расположены в самой непосредственной близости к двум лодкам центральной композиции. Однако, я затрудняюсь приписать эту группу к непосредственному изображению охоты. Гораздо естественнее учесть, что именно это место является центральным на скале. Как нам известно, из композиции, например, Бесова Носа, объекты культа в виде изображений духов высекались всегда в центре скалы. В целом эти три изображения несомненно относятся к разряду культовых объектов (табл. 58).

Две следующие группы я считаю как композиции, рассказывающие о гибели на море и на суше.

Первая из них изображает опрокинутую носом вниз лодку без людей. Над ней вплотную дано сложное изображение, понимаемое мною как показ всех стадий образования морской волны и ее обрушивающегося гребня. О гибели лодки говорит ее положение — она опрокинута носом вниз. Мало понятные фигуры на эмблеме волны понимаются мною как изображения людей.

О гибели людей, повидимому, говорит также следующая композиция. Показаны четыре следа медведя. Между ними дано изображение опрокинутого головой вниз человека. Линиям туловища приданы нарочно безжизненные очертания. Низ живота показан зигзагами (но это не гениталии!). Рядом даны три фигуры людей с поднятыми вверх руками. Диспропорция

(фигура, опрокинутая головой вниз, в два раза больше остальных людей) указывает, что уважением анимиста пользуется фигура человека в неестественном для живого тела положении. Два медвежьих следа соединяются выбитой между ними полой фигурой. Я готов ее рассматривать как комбинированное изображение животного и лежащей над ним человеческой фигуры. Повидимому, общий смысл таков: человек задран медведем, и. отсюда, следовательно, почитание его в образе медведя: «...Современные гиляки... верят, что человек, задранный медведем, превращается в медведя, в супруга задравшего его духа гор, и делается сам таким же духом» [1] (табл. 59).

Положение трех небольших изображений людей по отношению к вдвое большей фигуре покойника показывает на почитание этого крупного изображения. Помещение между двумя парами медвежьих следов этого изображения указывает на непосредственную с ними связь. Анимистические представления о том, что медведь превратился в животное из человека, мы встретим не только у народов Амурского края,[2] но в частности, например, у мордвы. [3] Это поверие несколько завуалировано у коми: «Медведь по представлению зырян обладает всеми качествами человека: ему приписываются чисто человеческие чувства, способности и привычки». [4] Это же представление в конце XIX века зафиксировано на территории Карелии: «На севере России в Олонецкой губернии, например, верят в то, что медведь есть человек, превращенный каким-то волшебством в медведя».[5] На Белом море в середине XIX века существовало поверье, что «...в Ворзогорах... жителей деревни Кушереки называют медведями за то, что они занимаются колдовством и умеют превращаться в медведей и превращать других в этих зверей».[6]

Это поверье Белого моря, конечно, идет корнями от древнего представления о том, что человек, задранный медведем, сам превращается в него. Повидимому, об этом рассказывает нам группа из четырех следов медведя, великана-покойника, жертвоприношения (?) и трех людей с поднятыми руками, что в иных случаях означает состояние мольбы, просьбы. Из

---

[1] Штернберг Л. Я. Первобытная религия, Л. 1936, стр. 176.
[2] Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Академия Наук, 1903, т. III. стр. 130—131 (у гиляков); у орочей—стр. 142.
[3] Живая Старина, т. X, вып. 1 и 2, 1900, стр. 202.
[4] Сорокин. Пережитки анимизма у зырян, Изв. Арх. Об-ва русского севера, 1910, № 20, стр. 55.
[5] Этнографическое Обозрение, 1890, № 1, стр. 114.
[6] Архангельские Губернские Ведомости, 1868, № 75, стр. 2.

этнографической литературы мы знаем о существовании подобных культов. [1])

Четвертая группа — это большое количество следов, разбросанных в разном порядке вдоль всей площади верхней части скалы. Они так сливаются с неровной площадью гранита, что скорее в порядке интуиции можно предполагать, что это след, а не лодка, и в то же время ни у кого не хватит смелости утверждать наличие изображения. После многократных попыток я отказался их фиксировать.

4. Остается рассмотреть последнюю, самую многочисленную по количеству изображений и самую сложную композицию. Она состоит, повидимому, из двух (может быть трех) повествований о неудачном нападении мореходов на жителей леса, о нападении жителей леса на прибывшую лодку и произошедшей перед этим схватке. Таково основное содержание этой композиции, весьма усложненной рядом деталей. [2])

Главная трудность расшифровки этой композиции в том, что прежде всего надо найти начало повествования. Это дает возможность преодолеть типичное для первобытного искусства смешение разных действий, смешение разных времен. Язык данной стадии пиктографии еще не дошел до линейного последовательного повествования, пример которого так четко дан, например, в египетских памятниках. Вместо этого, чтение приходится вести не только по горизонтальной, но также одновременно и по вертикальной линии.

Для иллюстрации этого факта сделаю описание изображений в том порядке, в каком они даны в одной из композиций (табл. 60). Начнем с левой стороны. Между группой из трех лыжников и рассказом, как охотник на лыжах преследовал, догнал и ранит (убивает) лося, пространство заполнено изоб-

---

[1]) Весьма интересное и детальное описание захоронения головы медведя дает Сидоров: «После того, как снятие шкуры начинает подходить к концу, выкапывается неглубокая, до одного аршина, удлиненной формы яма, так чтобы она своими концами была расположена с востока на запад... В получившуюся яму хоронят голову медведя, ставят ее на нос, лицо по направлению длины могилы, читая при этом заговор: «Вот тебя зарываем сюда вниз головой, лицом по направлению с запада на восток, чтобы второй раз не пришел сюда»... По преданию раньше и кости медведя хоронились... Медвежьи клыки и кости хранятся в качестве талисмана около божницы... Аналогичное применение и у кочевых самоедов» (Журнал Коми-Му, 1926, № 5, стр. 32—33).

[2]) Исследователь, работающий в области чтения петроглифов, должен всегда помнить, что очень часто: «С первого взгляда те или иные изображения... кажутся лишь прихотью резчика... Однако, при ближайшем знакомстве оказывается, что все эти «украшения» или даже полное отсутствие их—документальное отображение комплекса событий» (Языки и письменность народов севера, часть 3, Л., 1934, стр. 185). Действительно, одна неправильно понятая деталь — и мысль исследователя уводится в сторону от правдивого осознания всей композиции.

ражением двух лодок и находящимся между ними стреляющим человеком не на лыжах. Далее от упомянутой композиции — охотник на лыжах ранит лося — мы видим двух женщин и двух подростков на лыжах, рядом с ними человек без лыж стреляет, в него снизу летят стрелы, и он во втором изображении уже весь покрыт стрелами. Далее идет хаос в виде линий, составляющих правильный прямоугольник, соединенный с контурами изображения в форме кирпича, соединенного с петлей, имеющей длинный конец. Над хаосом линий дано антропоморфное существо и фигура, изображающая шкуру. С одной стороны человекообразного существа изображен лось, над ним в разных направлениях три человека (один из них не на лыжах), с другой стороны — две лодки. Под нижней линией, тянущейся от петли, выбито шесть лыжников: под ними в разных позах падения люди без лыж, правее — три фигуры без лыж, стреляющие из лука. Над людьми лодка, над ними остов лодки и люди. Не считая ряда мелких фигур, в разных местах выбиты три сложных, не поддающихся чтению, условных обозначения.

Таково в общих чертах описание главных фигур композиции. Сюда не вошли десятки дополнительных, к сожалению не столько разъясняющих, сколько иной раз затемняющих значение мелких фигур.

Я не смог разобраться в композиции до тех пор, пока не наложил на планшет чистого листа кальки. Начался процесс разбора и осознания композиции.

Прямыми линиями я отличал места изображений человеческих фигур, жирно выделяя лыжи и отмечая треугольником, в какую сторону обращено лицо. При этом над каждой фигурой писалось «м (мужчина) стреляет», «ж (женщина) ранена» и т. д. Это позволило, например, в композиции с правой стороны троих людей объединить чертой — «стреляют», а последующие шесть фигур соединить скобой с надписью «раненые». Люди стреляют по направлению шести лыжников, проследив их дорогу — она показана линией. Было нетрудно понять, что человек на лыжах с копьем стоит у остова лодки, под которым находится безголовая человеческая фигура, лишенная лыж. Разгадка композиции сразу сделалась простой, поскольку было найдено начало.

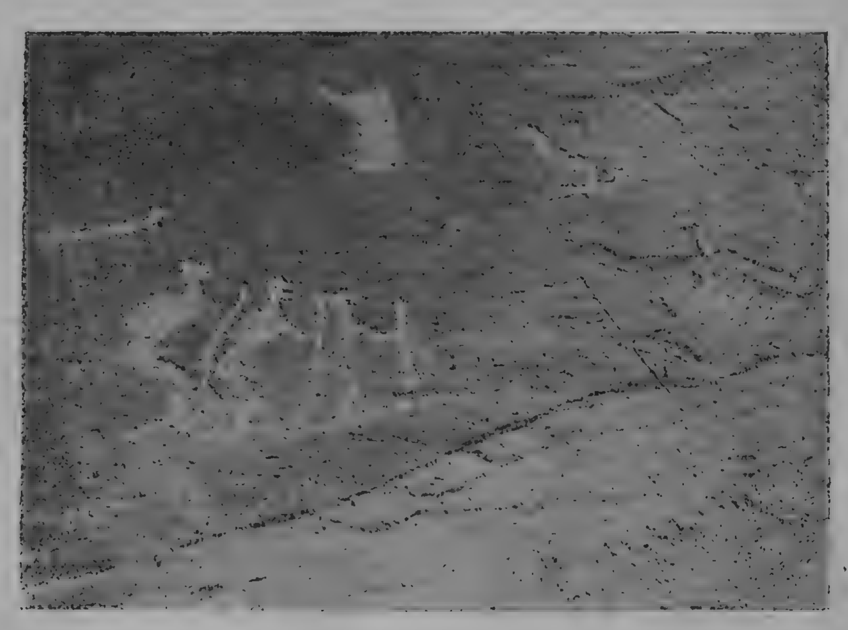
Теперь композиция стала понятной: лыжник убил морехода и испортил лодку. Шесть лыжников возвращались обратно, когда в них стали стрелять люди без лыж (очевидно, прибывшие с моря), в результате чего появились раненые и убитые шесть человеческих фигур.

Длинная линия петли—очевидно, река и остров, правильный четырехугольник — повидимому, городище, селение, жилище.

Чтение этой группы изображений указывает, что мы имеем две враждебных друг другу стороны. Одни на лыжах, другие без лыж — последним принадлежат лодки. Следовательно, одна сторона — лыжники — олицетворяет жителей леса, другая — мореходов. Вероятнее всего, мореходы прибыли на землю лыжников.

Представитель какой из этих сторон высекал изображения? Узнать об этом мы сможем после выявления, к какой из этих сторон относится симпатия творца разбираемой композиции. Для этого проследим группу левой стороны композиции.

Табл. 61

Трое мужчин на лыжах, опираясь на копья, идут, вероятно, промышлять. На это указывает следующая группа: лыжник выследил лося, гнался за ним, догнал — дается его изображение, как он уже ранит животное. Две женщины и двое подростков идут, повидимому, переносить куски добычи.

В мирную жизнь охотников врывается мотив войны. Лодка (очевидно, чужеземцев) появляется на территории лыжников (она показана ниже их фигур). Над ней стреляет из лука мореход (на что указывает отсутствие у него лыж, следовательно, он добрался на лодке). Начинается борьба. Чужеземец получает рану в грудь. Затем дается его вторичное изображение, где он ранен стрелами в ступню, колено, живот, грудь, голову. Стрелы (стреляющие не показаны, но понятно, что это лыжники) летят в него.

Над ним выбита прямоугольная фигура, цепь следов лося и затем новая группа. Судя по заполненному следами пространству между ней и лосем, она принадлежит к только что разобранной группе. Перед новым изображением лося находятся три человека: две фигуры без лыж, третья — между ними, на лыжах, опрокинута головой вниз, т. е. лыжник убит. Над ним человек без лыж размахивает копьем с треугольным наконечником. Далее, вблизи леса мы видим фигуру мужчины; у него подняты кверху руки и в разные стороны вывернуты ноги. Рядом лежит фигура, повидимому, изображающая шкуру животного. Немного правее две лодки, как бы уходящие в сторону от композиции.

Я понимаю эту группу следующим образом: перед нами опять две стороны: лыжники и мореходы. Мореходы нагрянули в землю лыжников. Промысел за лосем указывает на зиму (?). Сезон вряд ли благоприятствующий, хотя технически возможный для мореходства. Это дает дополнительное основание полагать: во-первых, перед нами изображение двух разных событий — вначале рассказ о зимнем промысле, затем о вторжении мореходов. Во-вторых, повидимому, люди на лыжах являются эмблемой лесных жителей, подобно тому. как люди без лыж, вне сомнения, приурочиваются к мореходам, что показывается обычно близким соседством лодки. Поэтому фигура на лыжах отнюдь не всегда сигнализирует о зиме — лыжи являются отличительным признаком лесных жителей от иноземцев, пришедших с моря.

Несомненный интерес для характеристики населения древней Карелии представляет вопрос, является ли эта композиция зачатком эпоса о походах на землю соседей или, наоборот, это повествование рассказывает о набегах соседей на хозяев территории Залавруги и ее окрестностей. Полагаю, что этот вопрос надо решить в пользу последнего варианта. На это прежде всего указывает фигура человека с вывернутыми ногами и раной в боку. Голова и мужские гениталии не оставляют места для сомнений, что это человек. Изображение лося, а затем шкуры, под изувеченным человеком, разъясняет причину казни. Две уходящих лодки указывают, что расправа постигла пришельца с моря.

Далее, нам известна другая фигура человека без лыж, раненного во все части тела. Между тем, кроме одного случая смерти лыжника (без чего нельзя было объяснить, что перед нами композиция нападения пришельцев), мы не видим раненых или убитых лыжников. Это обстоятельство, я полагаю, свидетельствует о желании художников максимального благополучия лыжникам, то-есть, очевидно, местным жителям, хозяевам местности, где находятся петроглифы. Вот почему, мне кажется, положение, что лыжники означают местных жи-

телей, как и расшифровка композиции в целом, не вызовут возражений.

В связи с такой расшифровкой тотчас же возникает недоумение, как согласовать с центральной композицией повествование о вражде местного населения с мореходами, учитывая мою трактовку центральной композиции, как общественное празднество некоей фратрии. Противоречий нет. Центральная композиция говорит о съезде тех родов, которые состояли с местным населением в родственных связях через браки. Но несомненно, кроме этих дружественных групп были роды (или племена), с которыми не было брачных связей, и которым, тем самым, ничто не мешало устраивать кровопролитные набеги. [1])

Понятно, что разобранная композиция — лыжники и мореходы,—имеющая свыше 60 фигур и много десятков дополнительных обозначений, не укладывается полностью в описание нескольких страниц. Архитектоника работы не позволяет расширить рамки рассмотрения. Это надеюсь сделать во много раз подробнее в специальных статьях по каждой скале, имеющей достаточное количество петроглифов.

Последнее необходимое замечание: считаю нужным вновь отметить, что петроглифы скалы Залавруги, как показывает их содержание, надо датировать весьма поздним временем. Правда, идеология охотничьей магии в ней сильна: спина центрального лося еще имеет выбоину, знакомый нам след магических процедур. Однако, подача материала уже иная, это несомненно стадия пиктографии, приближающаяся к связному письму.

---

[1]) Любопытная деталь, повидимому, рискующая ускользнуть от мало наблюдательного глаза. В левой части композиции даны пять лодок. Одна, очутившаяся в земле лыжников, имеет пять гребцов. Вторая, возвращающаяся в море,—только трех гребцов. Третья—лишь одного человека. Две ушедших в море изображены без людей. Симпатии анимиста-художника, как видим, не на стороне этих мореходов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разбором изображений группы Залавруги оканчивается первая часть «Петроглифов Карелии».

В этой части я ставил себе задачей, кроме выявления причины и поводов появления наскальных изображений на месте их существования, показать приемы расшифровки общей композиции, отдельных петроглифов, а также, в пределах возможности, установление стадиальности времени их появления.

Таким образом, первая часть является основанием для дальнейшей разработки прочих вопросов, пока совершенно не затронутых.

Во вторую часть войдет, прежде всего, детальное выявление форм промыслов, которые иллюстрируются творцами петроглифов многими десятками композиций.

Как можно было убедиться по первой части работы, петроглифы также дают ряд указаний на формы религиозных представлений.

Годовой цикл хозяйства и данные культа (стадиальность которого четко отражена отдельными группами петроглифов) позволят путем этнографических параллелей, без риска впасть в модернизацию, дать картину общества древней Карелии. В этой реконструкции археологические данные будут надежным контрольным показателем, ограничивающим слишком свободное применение этнографических аналогий. Оперируя данными по этнографии и проверяя их вещественными остатками того времени, я надеюсь суммировать значение ряда наскальных изображений, что, в общем итоге, даст в достаточной степени детальную картину древней Карелии.

Скудные материалы раскопок севера (камень, керамика, кое-какие показания по стоянкам), обогащенные этнографическими параллелями, будут иметь надежное подтверждение в виде иллюстраций, сделанных рукой человека той эпохи.

Само собой разумеется, этим не исчерпываются богатства свыше 1.000 наскальных изображений. Изучение древнего искусства и отражение в нем форм первобытного мышления, надо сознаться, все еще находятся на младенческой стадии развития. Кроме этой сложнейшей задачи, которую надо будет разрешить применением особых приемов, нельзя обойти молчанием такой трудный вопрос, как датировка памятников.

Попытка некоторых исследователей древней Карелии замкнуть петроглифы в те или иные тесные хронологические границы, требует весьма кропотливой проверки, так как методика датировки как групп, так и отдельных изображений еще не разработана в достаточной мере.

Но и этим еще не ограничиваются возможности исследователя этих памятников. Кроме петроглифов Карелии, широко известны на западе Скандинавские, на востоке Уральские, еще дальше Енисейские и т. д. Кое-кто уже, правда весьма поверхностно, касался проблем об их «взаимодействии». Большая и кропотливая задача — доказать несомненность самостоятельнего возникновения петроглифов Карелии, независимо от далеких им идентичных памятников.

Таким образом, еще много предстоит работы. Несомненно, будет сделано немало ошибок. Однако, подобные препятствия не могут испугать тех, кому приходится пробиваться сквозь чащу затруднений.

А. ЛИНЕВСКИЙ.

ROCK ENGRAVINGS OF KARELIA.

PART I.

(Summary)

The first part of the present research work is devoted to an investigation into the reasons for the appearance of engravings on the rocks of Karelia and to an interpretation of the contents of the principal groups thereof.

The author began his work in 1926, when he discovered the group of engravings "Devil's foot-prints" (more than 200 pictures) near the coast of the White Sea. After long and careful study, aimed at interpreting separate pictures, as well as groups of engravings, the author became convinced and, in fact, obtained the possibility to prove that the rock engravings had been worshiped by the ancient population being stamped out on the rocks of Karelia at the spot of ancient sanctuaries. Using magical ceremonies, the authors of these rock engravings, ancient hunters, endeavoured to attract the prey, keep the game in the neighbourhood and thus to secure a successful hunting.

The first part of the research work includes 8 chapters.

Chapter I. General observations. A short account of the history of the study of rock engravings. A description of the state of preservation of the pictures.

Chapter II. General description. A statistical study of the principal pictures: people, mythological beings, elks and deer, birds, fish, hunting equipment.

Chapter III. Evidence is given to show that the rock engravings of Karelia were stamped out at places visited by a multitude of migratory birds (rock engravings of Onega lake) and fish (rock engravings of the White Sea).

Chapter IV. A description of the conceptions of the ancient animists of Karelia which gave rise to the creation of rock engravings. A reconstruction of the ceremonies of worship, based on a multitude of ethnographical examples, mainly taken from the life of Siberian peoples.

Chapter V. Rock engravings of the Onega lake. An analysis of the geological composition of the capes Karitsky and Peri-point. An investigation of numerous (more than 350) pictures, gives an idea of the rich pantheon of hunting mytho-

logy peculiar to those tribes. Part of the rock, now removed to Leningrad, (The Hermitage), bears a wonderfully picturesque inscription, showing the division of the year into seasons based on the occupations peculiar to each season and revealing cosmogonical ideas (the West — land of death, the East — land of life), and also proving, as one can judge from the pictures, that marriages in those times were concluded between different clans, and that during the matrimonial ceremonies various social festivities took place.

Chapter VI. Cape "Besov point" and other capes, affording abundant material about the religion of ancient Karelia.

Chapter VII. The rock engravings called "Devil's footprints" date back to the earliest period of rock engravings in Karelia. The large quantity of pictures found on this monument, provides a possibility for determining several groups of pictures belonging to different dates and thus to ascertain the evolution of world conception of the ancient animists of Karelia.

Chapter VIII. Rock engravings "Zalavruga", a wonderful monument, bearing a composition of a later date, containing a memorial inscription and representing an episode of struggle with invaders.

Taken as a whole, the book contains a description of the methods used in order to interpret the significance of rock engravings in Karelia. Using a great number of ethnographical parallels, the author attempts to retrace a picture of the life of the ancient population in the forest zone of Europe.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ОТ РЕДАКТОРА 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общие замечания 5

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Состав петроглифов 12

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Поводы возникновения петроглифов Карелии 32

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Причины возникновения петроглифов Карелии . . . 37

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Петроглифы Онежского озера

Карецкий Нос 54

Пери Нос 61

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Бесов Нос 107

Мыс Кладовец 128

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Петроглифы Белого моря

Бесовы следки 136

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Залавруга 164

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 190

РЕЗЮМЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 192

Отв. ред. А. Брюсов. Корректор С. Воронин Техн. редактор А. Николаев

Уполн. Главлита Карельской АССР № В—36 Каргосиздат № 291. Заказ 1172
Изд. л. 12¹/₈ авт. лист. 12,8. Кол. зн. изд. л. 42200. Тираж 2000. Формат бумаги 60×92¹/₁₆.
Бум. листов 6¹/₁₆. Сдано в набор 16/IV-38 г. Подписано к печати 25/II-39 г.

Гос. тип. им. Анохина. Петрозаводск, Пушкинская 7.

